Издание для сильных и жестких мужчин

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 3 (174)
март 2009

Как служили в ГСВГ

Абхазия: горячий август 2008-го

Иракские откровения

ISSN 0201-7121
ИНДЕКС 263 9
9 770201 712002 03

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить: 958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель: ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 18.02.09

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии ОАО «Кострома»
Заказ № 181
Тираж – 21.500

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в форматах Word.

Михаил ЕФИМОВ

«В награду за храбрость...»

Люди военные знают: всякая награда Родины почетна. Однако есть награды, которые завоевали особую любовь и уважение в народе. К таким относится военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия, жалуемый в награду «за храбрость, ревность и усердие в военной службе»...

Даже в советские времена, когда награды Российской империи оказались упраздненными или о них порою было просто небезопасно вспоминать, орден Св. Георгия по-прежнему держался в почете. О нем можно сказать, что это самая любимая, самая народная награда. Ею гордились не только полководцы прошлого, например Михаил Кутузов или Барклай де Толли, но и советские военачальники, такие как Георгий Жуков, Константин Рокоссовской.

Орден учредила Екатерина II в 1769 году. С годами статут ордена менялся. Российские государи по своему разумению вносили в него изменения. Так, Николай I посчитал, что этой награды достоин только тот, кто участвовал в боевых действиях. То есть «паркетные» генералы и офицеры не могли его получить.

Александр II решил, что орден можно вручать только тому, кто совершил подвиг в бою.

Николай II сделал кардинальное дополнение. Теперь отличившихся военных могли награждать не только орденом и знаком, но и Георгиевской медалью и золотым оружием. Согласитесь, для человека в погонах дорогая награда.

Разумеется, Георгиевские награды подразделялись по степеням, от IV до весьма редкой - I. Достаточно сказать, что за полтора века существования ордена четырех степеней были удостоены лишь четыре военачальника - фельдмаршалы Кутузов, Барклай де Толли, Паскевич и Дибич.

Солдатских Георгиевских наград в Русско-японскую войну было вручено около 126 тысяч, в Первую мировую – более миллиона.

Вообще, надо сказать, что в Российской империи умели награждать и умели чествовать георгиевских кавалеров. И тут, откровенно говоря, нам есть чему поучиться у предков.

Достаточно почитать, как праздновался день Орденского праздника Св. Георгия. Был такой день. В Зимний дворец с утра собирались военные, имеющие орден, знак отличия или золотое оружие. Их принимал император. В праздновании участвовали также председатель Совета министров, члены кабинета, члены Государственного совета, депутаты Государственной думы, сенаторы. Все они были в парадной форме. Кавалеры ордена, как правило, выстраивались в Георгиевском зале, награжденные золотым оружием и знаком отличия ордена – в Николаевском. Нижние чины, имеющие знак отличия, стояли в строю, под ружьем.

Неспроста были такой день и празднование в Зимнем дворце. Ведь здесь собирался, по сути, цвет нации. Подвиги, которые совершили георгиевские кавалеры, зачастую поражают и восхищают. И самое главное – их сотни, тысячи. Массовый героизм, как сказали бы сейчас. Порою даже «великий и могучий» русский язык не имел в своем арсенале таких эпитетов, чтобы выразить величие подвигов георгиевских кавалеров. Жаль, что мы так мало знаем о них.

Сегодня же, на мой взгляд, важно то, что орден Святого Георгия снова в строю. Им награждаются высшие и старшие офицеры за проведение боевых операций по защите Отечества при нападении внешнего противника, а также за проведение боевых и иных миротворческих операций на территории других государств.

Этой награды были впервые удостоены военнослужащие, которые противостояли грузинской агрессии на Кавказе летом прошлого года. Фамилии некоторых из них известны.

Так, ордена Святого Георгия был удостоен командующий Северо-Кавказским военным округом генерал Сергей Макаров. Нам приятно было узнать, что георгиевским кавалером стал и майор Анатолий Лебедь. Наш журнал писал о нем.

Анатолий Вячеславович воевал в Афганистане. За мужество и героизм был награжден тремя орденами Красной Звезды и орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах».

С началом чеченской войны он вновь в бою. Теперь удостоен двух орденов Мужества и высокого звания Герой России.

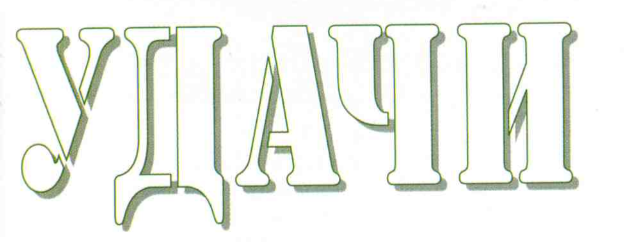
В августе 2008 года десантнику Анатолию Лебедю пришлось отражать агрессию грузинских войск, за что он и получил орден Святого Георгия. Мы рады за нашего товарища и можем констатировать – он достойный человек и настоящий офицер.

Что же касается ордена Святого великомученика и победоносца Георгия, то можно только приветствовать возвращение его в активный наградной фонд нашего Отечества. Российские воины этого достойны.

Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

СОЛДАТ

№ 3 (174)
март 2009

Фото
из архива
«Солдата удачи»

ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ

стр. 30

Иракские откровения

Главная надежда – на пулеметчиков «хаммеров». Их башни развернуты в разные стороны. Ночью для большей «убедительности» они светят мощными прожекторами. Также почти на всех машинах установлены генераторы помех радиолиниям управления взрывными устройствами. На головную машину устанавливают резак против мин и фугасов с взрывателями натяжного действия.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

стр. 36

ИСТОРИЯ ВЕЛИКАЯ И СЛАВНАЯ

Дипломаты в погонах

Так и случилось, как просчитал Вадим Николаевич. Крупный артиллерийский заказ японского правительства был размещен на Крупповском заводе в Эссене. Правда, информатор Шебеко попросил за свои сведения кругленькую сумму в несколько тысяч марок. Однако обещал докладывать не только о ходе выполнения заказа, сроках его отгрузки, но и сообщить название парохода.

Михаил БОЛТУНОВ

ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ

стр. 44

Все познается в воздушном бою...

В труде по истории Luftwaffe (Д. Горбатенко, 1967 г.) потери германской авиации во Франции и Норвегии (1.239 самолетов) преподносятся как потери, которые «серьезно не повлияли на боеспособность люфтваффе». В то же время 1.284 самолета, утраченных в первый месяц войны в СССР, трактуются как потери, «каких еще не знала немецкая авиация с самого начала Второй мировой войны».

Юрий РУПИНСКИЙ

стр. 49

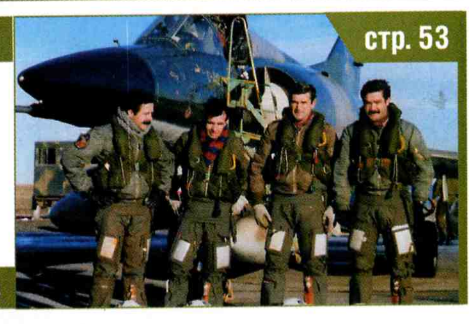
ОРУЖИЕ РОССИИ

«Колос», сбитый «Стрелой»

Тепловая головка самонаведения на земле «захватывает» и автоматически сопровождает цель по ее тепловому излучению. Головка самонаведения, основной составной частью которой является охлаждаемый жидким газом фотоприемник, формирует управляющие сигналы, которые через автопилот передаются на рули ракеты. При этом ЗУР направляется на наиболее теплоконтрастные элементы цели, в частности в район среза сопла реактивного двигателя.

Евгений КЛИМОВИЧ

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИЙ МИРА

стр. 53

Испытаны Фолклендами

Группа боевых пловцов Аргентины была первым подразделением спецопераций в Южной Америке. Она была развернута в 1952 году на борту тактико-десантного корабля «Кабо Сан Барталоме» с помощью инструкторов – бывших боевых пловцов 10-й флотилии ВМС Италии. В то время сокращенная тактическая группа боевых пловцов действовала с этого корабля.

Владимир МОСАЛЁВ, Вадим УШАКОВ

В номере использованы фотографии Сергея Сидорова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, Виталия Анзина, Сергея Александрова, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

КНИГА БОЕВОГО ОПЫТА

«Как правило, созданные окопы (дудаевцами) были «галерейного» типа, что повышало живучесть боевиков».

Из доклада генерал-лейтенанта В. Потапова о ходе операции по восстановлению конституционного строя в Чеченской Республике.

ПЕХОТНОЕ «ПРОТИВОЯДИЕ» ПРОТИВ ГОСПОДСТВА ПРОТИВНИКА В ВОЗДУХЕ И В АРТИЛЛЕРИИ

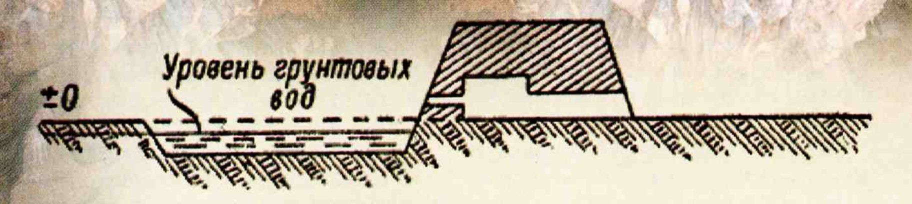
Насколько достоверны вынесенные в начало статьи высказывания – предмет отдельного рассмотрения. Несомненно одно – в ходе войн последнего столетия несколько раз складывались ситуации, когда пехоте приходилось переходить к обороне при безоговорочном господстве атакующего противника в воздухе и при наличии у него значительного количественного преимущества в артиллерии. Как пехоте обороняться в таких условиях? Рассмотрим один из возможных вариантов.

При таких обстоятельствах мощь обрушиваемого на обороняющихся огня делала малорезультативной оборону в «классических» открытых траншеях. В некоторых случаях пехота отвечала тем, что зарывалась под землю в подземные траншеи так называемого туннельного или галерейно-

Андрей МАРКИН

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

Тактика наземно-подземной обороны пехоты

■ **Устройство огневой точки в дорожной насыпи. Рисунок из изданной в 1942 году в Москве книги «Фланкирование противотанковых препятствий». Показывает способ устройства простейшего окопа туннельного типа**

го типа. Из «обычных» войн следует привести примеры обороны японцев на островах Тихого океана, обороны армии Северной Кореи и китайских добровольцев в ходе корейской войны, из опыта «партизанских войн» следует упомянуть использование подземных туннелей партизанами в ходе вьетнамской войны, душманами подземных оросительных каналов в ходе афганской войны, а также использование «Хезболлой» подземных туннелей в войне против Израиля.

В данной статье рассмотрим тактику туннельной обороны применительно к общевойсковому бою, не касаясь ее использования для ведения партизанской войны.

Такой способ повышения устойчивости обороны к огневому воздействию противника давно известен среди военных специалистов.

Можно привести пример из книги Н. Коханова «Фортификационные постройки пещерного типа», вышедшей в России еще до революции 1917 года. Дореволюционные авторы указывали: «Совершенным видом закрытий являются... тщательно оборудованные пещеры, применение которых как охранительных построек с боевой точки зрения... не только желательно, но и обязательно, так как они обладают гораздо большей мощностью, чем любая бетонная постройка. Боевая... готовность пещеры в любой момент постройки и возможность продолжать работы под огнем неприятеля говорят сами за себя. ...Пещерные закрытия просты, дешевы и возводятся быстро. Вот почему к ним следует прибегать... во всех тех случаях, когда борьба принимает неподвижный, затяжной характер. Постройки пещерного и минного типа (здесь мина означает подземный ход. – **Авт.**) широко применяются как нашими союзниками – французами и англичанами, так и нашими врагами – немцами и австрийцами».

Постоянное возрастание эффективности авиации делает все более вероятным использование стороной вооруженного конфликта, имеющей более слабую авиацию и ПВО, тактики использования галерейных траншей как одного из главных средств парирования господства противника в воздухе. Это утверждение справедливо как для «больших», так и для «малых» войн. Отметим, что в 2006 году по количеству боевых самолетов армии стран НАТО превосходили армию России в 4,1 раза.

ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОПРОСЫ УСТРОЙСТВА ТУННЕЛЬНЫХ ТРАНШЕЙ

С инженерной точки зрения идея туннельной траншеи очень проста – помимо отрывания окопов и котлованов под блиндажи и убежища открытым способом, то есть снятием грунта сверху (в том числе с последующим сооружением над ними козырьков/крыш из дерева, земли или камней), роют подземный ход-нору так, чтобы над головой находился слой земли в несколько метров. При артобстреле или бомбардировке солдаты укрываются не в подбрустверной нише, укрывающей солдата лишь полуметром земли, а в подземных туннелях, имеющих земляную подушку над головой в несколько метров.

Вопросы отрывки галерейных траншей с инженерной точки зрения достаточно подробно освещены в литературе. Например, достаточно подробное описание имеется в Военно-историческом очерке о войне в Корее 1950–1953 гг., написанном коллективом авторов и недавно переизданном и размещенном в Интернете на сайте http://militera.lib.ru/h/korea_50_53/. Много такой информации в различных справочниках и пособиях, описывающих устройство полевых подземных убежищ.

Поэтому в настоящей статье эти вопросы будут рассматриваться лишь в той степени, в которой это необходимо для описания тактики обороны наземно-подземного типа. Остановимся только на некоторых из них: глубина заложения с учетом уровня грунтовых вод и затраты времени на устройство туннельных траншей.

ЗАЩИТНАЯ ГЛУБИНА

Отечественные пособия по гражданской обороне рекомендовали для «надежной защиты от попадания фугасной авиабомбы» прорывать галереи на глубине 20–30 метров.

Менее глубокие галереи не будут защищать от бомбардировок с воздуха. Даже небольшая по нынешним временам 50-килограммовая бомба времен Второй мировой войны могла войти в обычный грунт на глубину до 4,5 метра и взорваться там. Она имела радиус опасного сотрясения для подземных убежищ и ходов до 4,7 метра. То есть такая бомба могла разрушить подземную галерею на глубине 9,2 метра.

Причем это без учета того, что при повторных бомбардировках возможны попадания в воронки от разрывов ранее сброшенных бомб, что позволяет воздействовать на подземные сооружения на еще большей глубине.

В настоящее время наиболее распространенными калибрами бомб можно назвать 250 кг, 500 кг, весьма доступным является также калибр 1.500 кг. Хотя глубина проникновения растет не прямо пропорционально возрастанию калибра, но тем не менее глубины менее 20 метров не дают практически никакой защиты от современных авиабомб наиболее распространенных калибров, взрывающихся с замедлением, а не сразу в момент удара о землю.

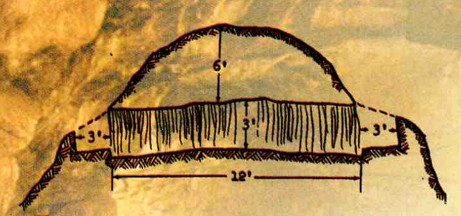
Не должны вводить в заблуждение относительно необходимой глубины залегания чертежи траншей галерейного типа, которые известны по опыту войны в Корее, указывающие на глубину в 5–10 метров. Дело в том, что местность в Корее гористая и галереи прокладывались в скальной породе, которая существенно снижает глубину проникновения бомбы и радиус опасного сотрясения.

Не следует также ориентироваться на рекомендации, вышедшие до Второй мировой войны. Например, в довоенном руководстве по фортификации рекомендовалась глубина залегания таких убежищ – «лисьих нор» – не менее 6 метров.

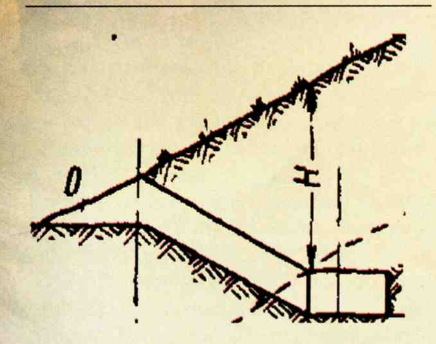
Д. Карбышев указывал на расположение убежищ на глубине 8,5 метра.

Карманная книжка войскового артиллериста, изданная в 1928 году, указывает, что «лисьи норы» глубиной 3,5 метра обеспечивают защиту от 76-мм снарядов, глубиной 8 м – от 152-мм.

Все эти цифры исходят из опыта Первой мировой войны, когда основ-

Прокапывание вершины горы насквозь (Корея). Глубина заложения дана с учетом скального грунта

Использование наклонной шахты при недостаточной высоте холма

ным средством поражения была артиллерия, а авиация только начинала занимать свое место в боевых действиях. И если не брать в расчет снаряды 300-х и 400-х калибров, то глубина 8 метров хорошо защищала от огня артиллерии.

Глубина же в 30 метров, требующаяся для защиты от современных бомб, на первый взгляд, кажется чрезвычайно большой. Если вспомнить, что высота одного этажа среднего дома равна примерно трем метрам, то получается, что, прежде чем начать прокладывать траншею галерейного типа, нужно выкопать колодец глубиной около 10 (!) этажей. Это кажется абсолютно нереальной задачей.

Однако это не так. Дело в том, что основной способ создания глубоких подземных убежищ в полевых условиях, применимый и для устройства галерейных траншей, – прорывание ходов в крутых скатах оврагов, холмов, лощин, берегов рек и других складках местности. Примером такого способа могут служить укрытия, вырытые в овражистом берегу речки Царицы во время обороны Сталинграда.

Нередко возвышенности прокапывают насквозь от подошвы с одной стороны до подошвы с другой. То есть уже в самом начале работы группа прокопки галереи находится на необходимом уровне. Если для ее работы и нужно заложить вертикальный колодец, то не глубже 2-3 метров, что является вполне посильной задачей.

При недостаточной высоте возвышенности можно также углубиться в землю по наклонной шахте на глубину 8–10 метров, что по опыту Первой мировой войны также по силам обычной пехоте.

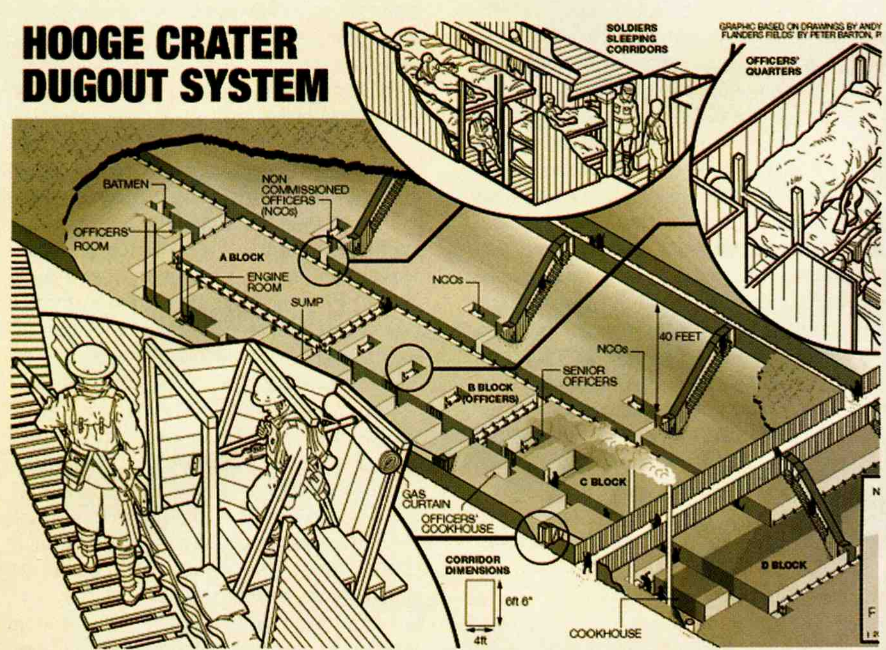
На совсем равнинной местности устроить подземные траншеи галерейного типа трудно. Тем не менее говорить о том, что туннельные траншеи на равнинной местности глубиной около 8 метров бесполезны, – нельзя. С помощью туннельных траншей можно в значительной степени (хотя и не полностью) нейтрализовать превосходство противника в артиллерии. А за счет того, что туннельные траншеи практически идеально замаскированы, снижается прицельность бомбометания и уменьшается количество попаданий. Летчику крайне трудно определить, куда нацеливать бомбы.

Следует подчеркнуть, что существуют противобункерные бомбы, которые могут нанести разрушения на глубине большей, чем 30 метров. Но такие бомбы – слишком специализированное оружие. Например, американская бомба GBU-28 состоит из 5-метрового куска артиллерийского ствола (!) диаметром 37 см, внутри которого почти три центнера взрывчатого вещества. Общий вес равен почти двум тоннам. Такая бомба в момент падения способна пробиться на глубину 30,5 метра.

Понятно, что подобные бомбы созданы для разрушения наиболее важных центров управления и закидывать артиллерийскими стволами каждую траншею полевой обороны пехоты никто не планирует (с потенциально невысокой эффективностью из-за невозможности точно прицелиться). Но даже если это произойдет, то одну из своих целей средства обороны уже достигнут: вынудят противника обрабатывать полевую оборону средствами, массо-габаритные и стоимостные характеристики которых затруднят их широкое применение, то есть заставят решать тактические задачи стратегическими средствами.

Нельзя упускать из внимания вопрос об уровне залегания грунтовых вод. Любое подземное сооружение ниже уровня грунтовых вод рано или поздно будет затоплено водой. Уровень грунтовых вод подвержен колебаниям, например, после периода дождей или весенних паводков он поднимается. Для того, чтобы получить представление об уровне грунтовых вод, достаточно вспомнить, насколько глубоко в знакомом деревенском колодце стоит вода. Инженерные справочники рекомендуют, чтобы отметка пола подземного полевого сооружения была выше уровня грунтовых вод не менее чем на 0,5–0,6 метра.

Следует, однако, отметить, что возможность расположения укрытия ниже уровня грунтовых вод зависит от обводненности грунта – насколько быстро будет прибывать вода. Если скорость относительно невелика, грунт в целом сухой, то можно устраивать

Условная схема английского «подземного города» во Фландрии 1917–1918 гг. Глубина – 40 футов (около 12 метров), размеры туннелей: высота – 1,8 метра, ширина – 1,2 метра

Вариант прохода через водоносный слой

внутри укрытия водосборные колодцы, а оттуда воду вычерпывать обычными ведрами или по возможности помпами (насосами), установив дежурство.

Приход воды должен быть таким, чтобы перерыв в откачивании воды в один-два дня (условная максимальная продолжительность непрерывных атак, влекущих полную невозможность выливать воду) не приводил к полному затоплению подземных полевых сооружений.

В Первую мировую войну устройство окопов в местах, требующих постоянного принудительного отвода воды, было нередким. Например, во Фландрии (в районе Ипра) во время Первой мировой войны английскими войсками был построен целый подземный «город» (система подземных туннелей и убежищ), который функционировал в течение многих месяцев благодаря постоянной откачке воды. После окончания войны всего лишь через несколько недель он полностью был затоплен грунтовыми водами.

В некоторых случаях для устройства подземных туннелей можно пробить колодцем насквозь водоносный слой (отгородившись от него водонепроницаемой стенкой, например, из металлических бочек без дна) и обустраивать убежища в более низких слоях, не пропускающих воду. Но это возможно только при привлечении к делу инженерных подразделений, поскольку организация работы по прохождению водоносного слоя сама по себе сложна, а кроме того, нужно оценить, не могут ли последующие обстрелы и бомбардировки привести к пробиванию слоя, удерживающего воду, и затоплению подземных сооружений.

ЗАТРАТЫ ВРЕМЕНИ

Скорость отрывки туннельных траншей крайне низка. Приведем некоторые данные, которые могут дать представление о возможной скорости отрывки подземных галерей.

Вообще, любые работы по инженерному оборудованию местности очень трудоемки. Например, на оборудование обычного опорного пункта мотострелкового взвода на БМП требуется 860 человеко-часов. То есть взвод оборудует опорный пункт в полном объеме примерно за четверо суток (с учетом перерывов в работе), что само по себе достаточно долго. А для того чтобы создать всего лишь одно убежище подземного типа с величиной земляной прослойки более 4 метров, требуется 1.500 человеко-часов. То есть почти в два раза больше. А таких убежищ на взвод нужно как минимум три. Только оборудование трех убежищ подземного типа потребует от взвода примерно 20 дней. А для организации галерейной обороны они должны быть соединены друг с другом, с соседями и с тылом подземными ходами-туннелями.

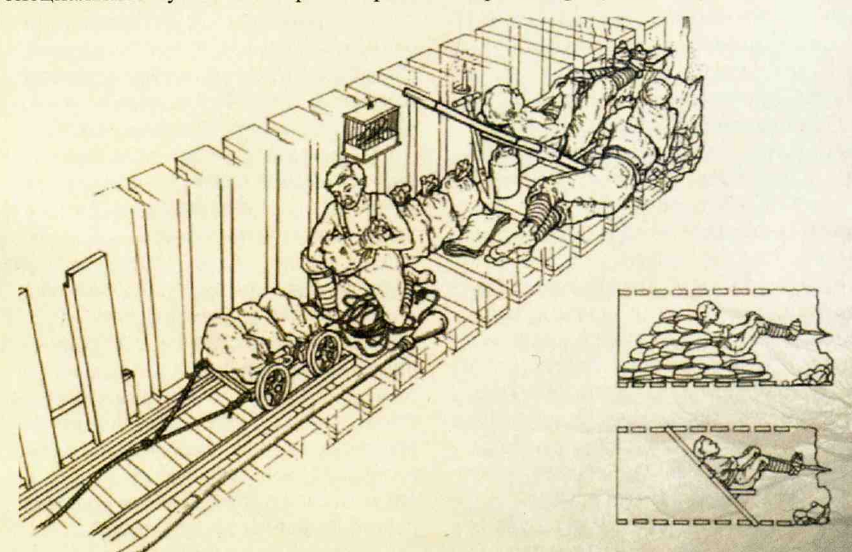
Приведем ряд цифр, позволяющих сориентироваться в отношении реальных скоростей отрывки подземных туннелей.

В июле 1916 года при подготовке наступления на Сомме за 28 дней специальные туннельные роты прошли галереями около 183 метров для закладки подземных зарядов под вражеские окопы с целью их подрыва. В данном примере скорость отрывки подземной галереи была 6,5 метра в день.

В ходе обороны Порт-Артура русскими войсками для парирования подземных минных атак японцев велось активное прокладывание подземных галерей для их последующего подрыва и завала тем самым подкопов японцев. Работали в три смены по 8 часов, смена производилась в 4, 12, 20 часов. В каждой галерее одновременно работали восемь человек: четверо прокладывали галерею, четверо выносили грунт. Средняя скорость прокладки такой галереи составляла 8 футов (2,4 м) в сутки. Здесь скорость прокладки снижало чередование красной глины со скалистым грунтом.

При атаках на Севастополь в 1854 году французы, работая в слое глины на глубине более 5,5 метра, в сутки проходили в среднем 2 метра. Подземные работы велись в две смены, по 12 часов каждая. В смену входило двенадцать человек. По мере удлинения галерей в них укладывались деревянные рельсы для минных тележек и трубы для подачи свежего воздуха, нагнетаемого вентиляторами.

Немецкое руководство по подземной (минной) войне 1916 года указывало, что скорость прокладки подземной галереи составляет от 2,5 до 6 метров в день. Причем на скорость отрывки влияют не только грунт и размеры галереи, но и меры по вентиля-

Ускоренный метод прокладки туннелей ногами вперед из положения полулежа. Обратите внимание на шланг, через который ручным насосом закачивается свежий воздух, а также на клетку с канарейкой – для обнаружения угарного газа. Не показан четвертый номер – крепильщик

ции, ведь из-за отсутствия какого-либо естественного движения воздуха в подземной галерее очень быстро становится тяжело дышать и соответственно работать.

Во время подготовки подкопов под немецкие позиции во Фландрии (Первая мировая война) для их подрыва англичане прокладывали туннели в глинистом грунте для ходьбы «согнувшись», размером 130 см на 69 см (для обычных соединительных туннелей – 183 см на 91 см), со скоростью 8 метров в день. Для этого использовался метод откапывания туннеля из положения полулежа ногами вперед. Толкая ногами штыковую лопату, один отбивал куски грунта, другой поднимал их и передавал третьему, заполнявшему земленосные мешки или тележки для выноса.

В то же время их противники, используя обычный метод – откапывая кирками и совковыми лопатами, продвигались со скоростью 2 метра в день. Англичане работали в 4 смены по 6 часов: 4 человека прокладывали галерею, 4 выносили грунт до основания шахты, 2 поднимали грунт на поверхность, 2 качали воздух в туннель.

И хотя вышеуказанные примеры относятся не к тактике туннельных траншей, а к осуществлению подкопов под позиции противника с целью их подрыва, они дают некоторое представление о возможной скорости прокладки галереи под землей. Хотя нужно сделать некоторые поправки. С одной стороны, необходимость соблюдения тишины для полной скрытности работ снижала скорость отрывки, с другой – возможность делать галереи менее просторными увеличивала.

В ходе корейской войны, когда работы по проходке подземных галерей выполнялись командами из 6 человек (копатели, выносчики грунта, крепильщики, подносчики материалов), средняя скорость проходки за 8 часов работы составляла: в скале – 0,3–0,5 м, в выветрившемся камне – 0,7–1,2 м, в грунте – до 2,0 м. То есть при сменной работе, обеспечивающей круглосуточную проходку галереи, скорость прокладывания галереи в грунте могла достигать 6 метров в сутки. Имеются сведения, что для ускорения прокладки галерей в скальной породе в небольших количествах использовалась также взрывчатка.

Во Вьетнаме сельское население по требованию партизан прокапывало туннели в глинистом грунте (2 человека откапывали и 2–3 выносили грунт) с примерной нормой один кубометр грунта на одного откапывающего в день (с учетом малых размеров туннелей, примерно 1,2–1,5 метра в день на одного откапывающего). Правда, необходимо сделать поправку на невозможность организовать непрерывную работу по отрытию туннелей – требовалось еще вести сельхозработы и заниматься другими хозяйственными вопросами.

Много времени занимает подготовка крепежа стен и потолка туннелей (как правило, их обшивают деревянными досками). В неустойчивых грунтах он обязателен. Нередко его установка сопряжена с рядом проблем. Так, например, глина, после того как через нее проложен туннель, начинает впитывать влагу и увеличиваться в объеме, вызывая иногда обвалы.

Получается так, что для прокладки одной только галереи по фронту обороны одного мотострелкового взвода (около 400 м), при скорости прокладки 6 метров в сутки и прокладывании галереи с двух сторон навстречу друг другу, потребуется 33 дня. В тех же условиях, чтобы проложить галерею по фронту обороны одного мотострелкового отделения (около 100 м), потребуется 8 дней. Следует обратить внимание, что в отличие от отрывки окопов открытым способом количество солдат, ведущих отрывку туннеля, всегда ограничено. Работу по непосредственному откапыванию грунта в туннеле могут вести только один-два солдата: для других просто больше нет места. Увеличив количество солдат, работающих над устройством подземного туннеля, можно добиться только увеличения скорости проведения вспомогательных работ – выноса грунта подальше от выходов (для маскировки), крепления сводов, маскировки, отрывки внутренних ниш и боковых ответвлений-убежищ и т.п. При отрывке же окопов открытым способом может одновременно работать все подразделение.

Прокладывание галерейных траншей может быть менее затратно по времени, чем прокладывание ходов сообщения открытым способом, только в той ситуации, когда поверхностные ходы сообщения из-за необходимости применить их к местности нужно прокладывать, сильно отступая от прямой. Например, прокладывая подземную галерею, можно существенно сократить расстояние с одной стороны холма (сопки) до другой, отрытый наземный ход сообщения в той же ситуации вынужден будет копировать рельеф вершины холма (сопки).

Следует признать, что в общем случае затраты времени на отрывку подземных траншей-туннелей действительно очень велики. Устройство галерейной обороны силами самого подразделения, переходящего к обороне, возможно только при наличии очень большого запаса времени. Если время ограниченно, то старшие командиры выбирают рубеж, который должен быть оборудован туннельной системой. В помощь подразделениям, переходящим к обороне на этом рубеже, направляются военнослужащие из других подразделений.

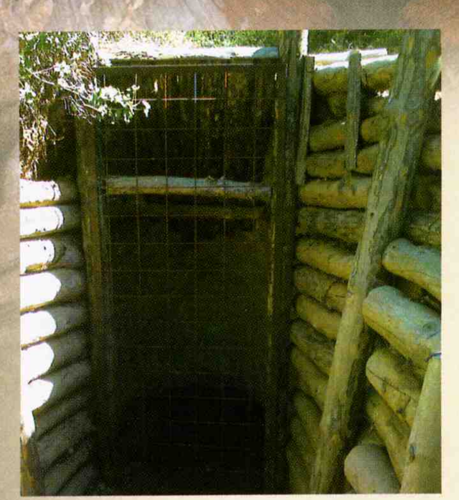
Для определенных видов работ можно привлекать также гражданское население, помня, однако, о необходимости сохранения ряда сведений о подземных галереях в секрете. Немного забавно, но для облегчения работ по удалению грунта иногда использовали животных – собак, овец и ослов. Конечно, для таких работ нужна специально разработанная переносная инженерная техника. Но пока ее нет, приходится рассчитывать только на ручной труд.

А НУЖНО ЛИ?

Часто говорят, что в условиях современной войны у обороняющихся просто не будет столько времени, чтобы так зарываться в землю. Аргумент сколь очевидный, столь и неправильный. Примеров войн, в которых обороняющаяся сторона никогда не имела возможности основательно окопаться, немного. Сидение войск на одних и тех же позициях, их заблаговременное создание – отнюдь не исключение. Рассматривая опыт пос-

Австралийский солдат в туннеле (Галлиполи, август 1915 г.), свет попадает через выходы на наземные позиции

Реконструкция входа в подземный туннель. Галлиполи, Турция, 2007 год. Металлическая решетка – защита от туристов

ледних конфликтов, отметим: у армии Ирака было несколько месяцев, чтобы подготовиться, а у «Хезболлы» – около 6 лет. Отказ от использования туннельных траншей, ссылаясь на отсутствие необходимого для их оборудования времени, – один из примеров распространенной ошибки, связанной с подгонкой изучаемых тактических приемов под некую «усредненную боевую ситуацию» в отрыве от реальных обстоятельств того или иного конфликта.

Существует также непонимание, зачем нужно прокладывать подземные траншеи, если можно ограничиться лишь подземными убежищами, которые также оберегают личный состав от огня артиллерии и авиации. Тем более что непосредственная оборона все равно ведется на поверхности – из тех же открытых траншей и дзотов.

Объяснение очень простое – подземные траншеи дают свободу маневра. Нужно не забывать, что подземные убежища защищают от артогня и бомбардировок авиации, но не от атак вражеской пехоты. Подземные галереи оказывают существенную помощь в противодействии атакам вражеской пехоты. Соединение позиций подземными траншеями делает практически бесполезным для атакующих огневое окаймление отдельных участков атакуемой позиции, то есть их изоляцию путем обстрела подходящих к ним траншей сообщения и путей подвода резервов. При соединении позиций подземными траншеями обороняющиеся всегда могут безопасно и быстро подводить резервы на угрожаемые участки, в том числе и для локальных контратак, подносить боеприпасы и осуществлять вынос раненых. Важен и моральный фактор. Находящиеся под землей солдаты не чувствуют себя оторванными от своих подразделений, сражающимися в одиночку против массы врагов, а командиры сохраняют возможность полного контроля над действиями подчиненных. Кроме того, практически полностью исключается возможность контроля с воздуха за перемещениями обороняющихся.

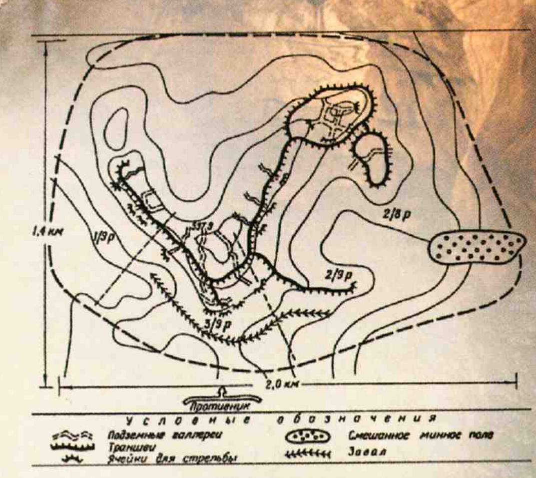
Имеется пример, когда туннели использовались исключительно для связи передовых оборонительных позиций с тылом. Во время кампании в Галлиполи (Первая мировая война, Турция, 1915 г.) передовые окопы австрало-новозеландских войск находились очень близко к окопам противника, на дистанции броска гранаты. Это существенно затрудняло артобстрел, так как артиллеристы каждой из сторон боялись задеть своих. Передовые окопы оставались преимущественно открытыми. Однако из-за того, что весь остальной плацдарм австрало-новозеландских войск, помимо переднего края, хорошо простреливался турецкой артиллерией, прокладка подземных ходов сообщения к передовым позициям от подземных убежищ для солдат и хранилищ боеприпасов получила широкое распространение.

Попробуем предположить, что главный «недостаток» подземных траншей заключается в том, что они крайне неудобны для учений мирного времени. Практически полное отсутствие средств механизации работ по прокладке подземных траншей, а значит, большие затраты ручного труда делают туннельные траншеи непривлекательными для военнослужащих в мирное время и вызывают понятное нежелание заниматься их постройкой лишь затем, чтобы через несколько дней учений их забросить.

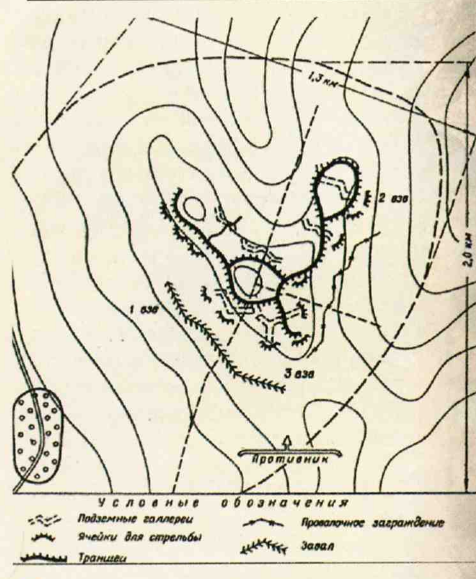
Вместе с тем не стоит впадать в крайность и преувеличивать эффективность подземных галерей как тактического средства борьбы.

«ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ» КИТАЙСКАЯ ПОБЕДА

В качестве примера такого преувеличения можно привести встречающееся в отечественных источниках описание боев в районе Шанганьлина (ShangGanLing), или Самгамрена по-корейски, за высоты 597,9 (Triangle Hill) и 537,7 (Sniper Ridge) осенью 1952 года в Корее, где якобы две роты китайских добровольцев с помощью наземно-подземной системы обороны в течение 43 дней успешно отражали атаки около 6 американских дивизий.

Инженерное оборудование обороны китайских добровольцев на высоте 597,9 (Triangle Hill)

Инженерное оборудование обороны китайских добровольцев на высоте 537,7 (Sniper Ridge)

В связи с героизацией этих боев обеими сторонами конфликта, особенно китайской, для которой это была «образцово-показательная» победа (кстати, практически сразу после войны, в 1956 году, по этим боям в Китае был снят художественный фильм), сейчас непросто установить, что же там происходило на самом деле. Несомненно одно – американцам удавалось захватывать наземные позиции китайцев, загонять их под землю, обрекая запертые под землей подразделения на бездействие, а основную роль в удержании высот китайцами играли многолюдные наземные ночные контратаки китайских резервов, находившихся во втором эшелоне. И именно они, а не загнанные под землю китайские подразделения, сыграли основную

роль в удержании высот. Американцы не отмечают, что находившиеся под землей китайцы доставляли им много хлопот, зато указывают на постоянные китайские контратаки.

Возможно, что преувеличение роли туннельной обороны с китайской стороны связано с тем, что этот тактический прием использовался китайскими партизанами для борьбы против японцев в годы Второй мировой войны и рассматривался ими как «народный и национальный» тактический прием. Отметим, что в обороне высот китайцам помогали ошибки американцев в планировании операции под названием «Решающий поединок» (Showdown) по их захвату. Она изначально планировалась как операция с ограниченными целями, и поэтому сил для ее проведения было выделено недостаточно, ввод их в действие осуществлялся по частям, что не позволяло добиться перевеса над противником.

Бои за Шанганьлин могут служить хорошей иллюстрацией к основной проблеме тактики наземно-подземной обороны – туннели из укрытий быстро превращаются в ловушки для обреченных на бездействие солдат.

История использования подземных галерей в боевых действиях содержит большое количество крайне неудачных примеров их применения, которые в конечном счете привели к тому, что европейские армии отказались от их использования.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В годы Первой мировой войны, когда зарывание глубоко под землю, казалось, стало естественным ответом на крайне высокие концентрации артиллерийского огня по оборонительным позициям, такие неудачные примеры также имели место.

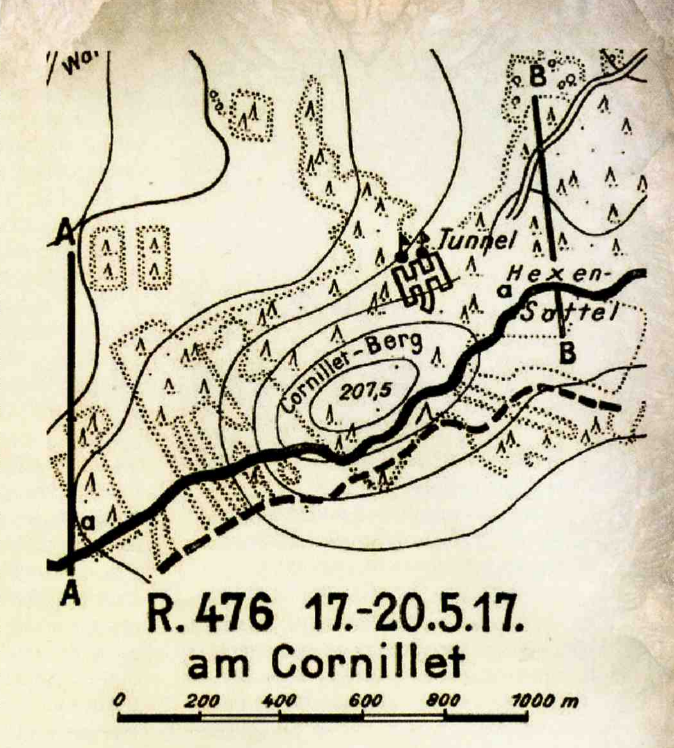
В частности, для обороны на одном из участков фронта (в районе горы Корниле – Mont Cornillet) немцы на глубине примерно 17 метров в возвышенности, состоящей в основном из меловой породы, оборудовали подземное убежище, вмещавшее приблизительно около трех батальонов пехоты. В наземных траншеях, точнее в том, что от них оставалось после многодневных французских артобстрелов, находилось относительно небольшое число солдат, основной задачей которых было несколько задержать наступления французов, следовавшие за артиллерийской подготовкой. Основу же обороны создавали те подразделения, которые, переждав французский артобстрел под землей, контратаковали наступавшие части противника. Так немцам удавалось отбивать французские атаки, и это несмотря на подавляющее превосходство французов в артиллерии.

Убежище имело три выхода.

Узнав о местоположении убежища, французы смогли обстрелом из орудий завалить выходы из подземелья, причем не полностью – вылезти из него было можно. К тому же французы обстреляли выходы снарядами с ядовитым газом. Поскольку очень много людей одновременно попытались покинуть туннель, то на выходе образовалась давка, которая закупорила его. Выйти для контратаки гарнизон подземного убежища не смог, выбраться из подземной ловушки удалось лишь нескольким солдатам. Большая часть гарнизона погибла от удушья. В результате немецкая позиция была захвачена. Некоторое время немецкая артиллерия вела огонь по горе, где находился туннель, пытаясь не допустить французов к выходам из него. Однако это было бесполезно.

В результате анализа этого боя использование больших подземных убежищ было признано нецелесообразным, даже при наличии нескольких выходов. Войска следовало располагать в большом количестве относительно небольших убежищ.

Уязвимым местом подземных убежищ была наклонная галерея, ведущая с поверхности вниз. При выходе на поверхность защитная толща земли составляла всего пару метров, поэтому близкий разрыв снаряда заваливал вход. Таким образом было уничтожено артогнем до 50 процентов глубоких (до 8 метров) немецких убежищ при наступлении

Схема, показывающая расположение немецкого подземного убежища относительно обороняемого фронта в районе горы Корниле в мае 1917 года. Убежище в плане отдаленно напоминает букву «Ж». Синяя линия – передовые немецкие окопы, красная – французские. Прямыми линиями А–А и В–В показаны границы полкового участка обороны немцев. Масштаб приведен внизу схемы

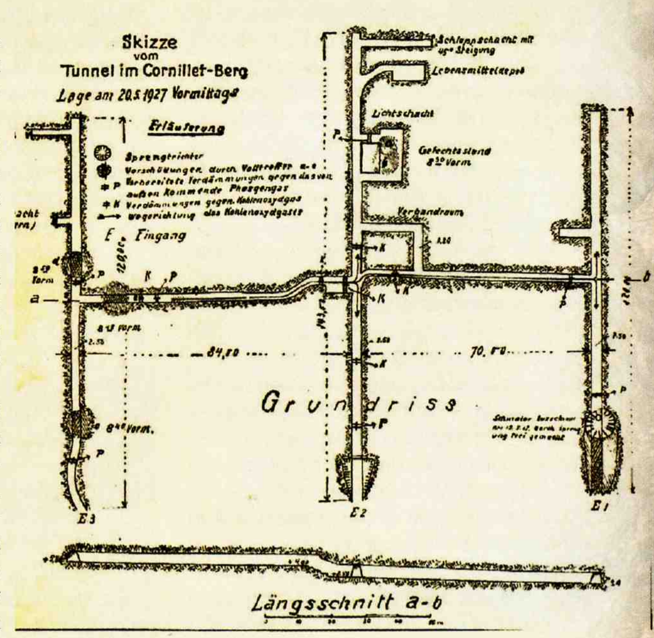
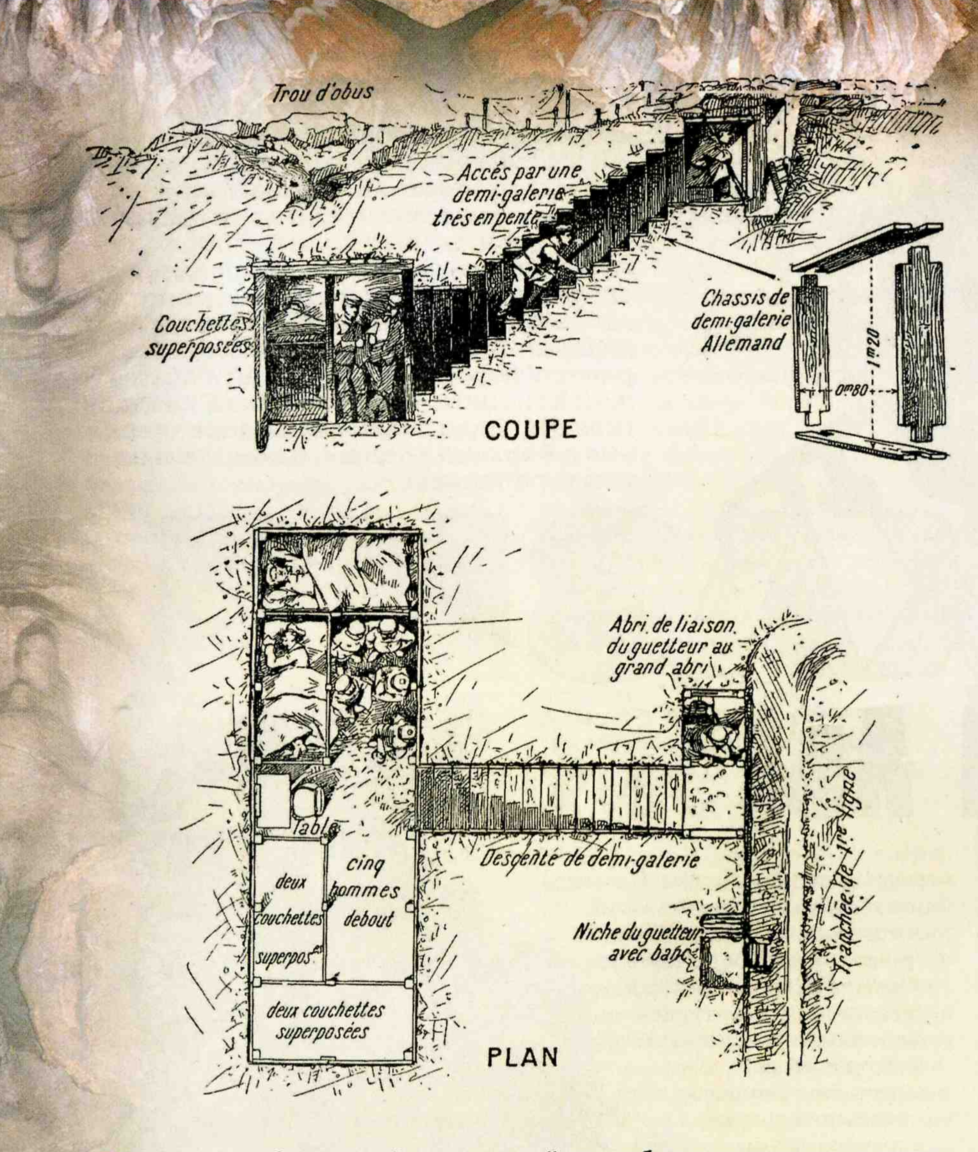

Схема немецкого убежища в горе Корниле, сделанная в 1927 году. Заштрихованными показаны места обвалов туннелей. Центральный вход был расчищен и показан без завалов

Рисунок, изображающий схему устройства небольших немецких подземных убежищ, из французского журнала «Иллюстрация» от 21 августа 1915 г.

союзников на Сомме. А при той концентрации артиллерии, которая была у союзников, близкие разрывы получались достаточно часто.

Сначала небольшие подземные убежища имели по одному выходу. По указанной причине этого оказалось явно недостаточно.

В дальнейшем убежища стали делать с двумя выходами, чтобы сохранить возможность покинуть их в случае завала одного из выходов. В качестве примера таких подземных убежищ можно привести немецкие позиции в районе леса Ле-Претр (Le Pretre) летом 1918 года. Эти подземные убежища вмещали 16 человек (если они размещались лежа на деревянных нарах) или 80 человек стоя. От убежищ начала войны их также отличало наличие 50-сантиметровой бетонной перегородки примерно посредине наклонной галереи для спуска, перегородка имела бойницу для защиты от проникновения противника вовнутрь. Коридор, огибающий перегородку, оборудовался обитой 5-мм железными пластинами деревянной дверью. Дверь защищала гарнизон от гранат и отравляющих газов.

Однако в ходе войны немцы стали отказываться от использования и таких усовершенствованных убежищ на передовых оборонительных позициях. Их рассматривали как ловушки для своих же солдат.

Уже в декабре 1916 года, обобщая опыт боев в районе Вердена, немецкие военные отмечали, что глубокие подземные убежища в траншеях первой линии обороны не должны применяться. С уже существующими надлежало поступить весьма решительно: их по обстановке следовало разбирать, забивать их входы досками, взрывать (!) или даже откапывать новые линии передовых траншей, не имевших глубоких убежищ.

Откуда такая ненависть к достаточно совершенным в инженерном плане сооружениям?

Официально объяснялось это тем, что в момент вражеской атаки, после переноса противником артогня в глубь обороны, пехотинцы из подземных убежищ не успевают добежать до своей огневой позиции вовремя, атакующий противник захватывает наземные позиции раньше, чем те открывают огонь. Как отмечали немцы, часть пехоты «не выбегала из подземных убежищ достаточно быстро».

Действительно, находящимся на большой глубине солдатам труднее уловить момент переноса артогня в глубь обороны и перехода пехоты противника в атаку. Как следствие, решение о выходе на поверхность может быть принято слишком поздно, и гарнизон подземного убежища окажется запертым под землей противником, успевшим окружить выходы из убежищ. Впрочем, имеется гораздо более прозаичное объяснение отказа от устройства глубоких подземных убежищ. Командование опасалось, что солдаты не захотят выходить из безопасного убежища для отражения атаки и будут дожидаться, пока убежище будет заблокировано противником, а затем сдадутся в плен. Неглубокие же блиндажи не дают ощущения безопасности, и у солдат не возникает соблазна попытаться пересидеть в укрытии, пока наверху как-нибудь само все не разрешится.

Отметим, что попытки запретить окапываться глубже, чем позволяет храбрость солдат (опасаясь, что солдаты просто не будут высовываться для ведения огня), периодически проявляются в разных армиях и зачастую ведут к излишним потерям.

Представляется, что оба объяснения имеют право на существование. Трусость части личного состава исключить нельзя.

Следует указать, что для второй и последующей оборонительной позиции глубокие подземные убежища, нередко соединяемые подземными туннелями с передовыми позициями (так, в районе Мессин англичане проложили подземный ход сообщения длиной в 4,5 километра), продолжали активно применяться вплоть до конца войны.

После Первой мировой войны глубокие подземные убежища предполагалось использовать под узлы связи, госпитали, командные пункты и т.п.

(Продолжение следует)

Виталий АНЗИН

В августе 2008 года наряду с боевыми действиями в Южной Осетии, практически одновременно, шла операция абхазских воинских формирований по овладению верхней частью Кодорского ущелья. Надо сказать, что грузины за те два года, начиная с лета 2006 года, когда они под предлогом проведения военно-полицейской операции против якобы поднявшего мятеж губернатора Сванетии (историческая область, расположенная в горной части Абхазии) Квициани – ставленника Эдуарда Шеварднадзе ввели свои подразделения в Верхние Кодоры, основательно там укрепились.

АБХАЗИЯ:
ГОРЯЧИЙ АВГУСТ 2008-го

Если смотреть на карту Абхазии, то территория, которую заняли грузины, в оперативно-тактическом плане имеет выгодное положение как для нанесения удара в направлении столицы Абхазии – города Сухум, так и для выхода по наикратчайшим путям по горным тропам на рубеж реки Псоу, а также в районы Красной Поляны и Адлера. По сути, Верхние Кодоры занимают нависающее положение над восточными и частью центральных районов республики.

По замыслу грузинской стороны в ходе первого этапа операции по захвату территории Абхазии, планировавшейся на 15 августа 2008 года под кодовым названием «Скала», группировка абхазских войск, расположенная в восточной части страны, комбинированным ударом со стороны верхней части Кодорского ущелья, а также с рубежа реки Ингури вдоль стратегической магистрали Зугдиди – Гали – Сухум с высадкой морского десанта в Очамчире и Сухуме полностью подвергалась разгрому. Также поражение наносилось и российским миротворцам, расквартированным на тот момент по линии разграничения сторон в так называемой зоне безопасности. А на втором этапе операции в ходе развития наступления в северо-западном направлении, вдоль шоссе Сухум – Гудаута – Гагры – Псоу и последовательной высадкой тактических морских десантов в Гудауте, Пицунде, Гаграх грузинские войска выходили к государственной границе с Россией по рубежу реки Псоу. Перевалы по Главному Кавказскому хребту на абхазском участке грузино-российской границы, которые были в руках абхазов, захватывались бы с помощью подразделений спецназа и горнострелковых частей. Таким образом, республика была бы отрезана от помощи извне. В последующем грузины предполагали «зачистку» всей абхазской территории, установление полного контроля над захваченной местностью и возвращение на прежнее место жительства порядка 300 тысяч грузинских беженцев. Недаром грузины создали здесь группировку войск различных силовых структур общей численностью до 6 тысяч человек. Ее основу составляла полностью боеготовая и отмобилизованная 5-я пехотная бригада. Она имела на вооружении гаубицы «Мста-С», Д-30, РСЗО БМ-21 «Град», батарею РСЗО израильского производства «Лар» калибра 160 мм и дальностью пуска ракет до 45 километров. Она в полном составе была заранее переброшена из пункта постоянной дислокации в г. Батуми (Аджария) и развернута по полному штату. К тому же здесь дислоцировались подразделения специального назначения из состава бригады спецназа МВД Грузии – две роты «спецов» и одна штурмовая рота. В этом районе также действовали разведывательно-диверсионные группы (РДГ), созданные министерством госбезопасности Грузии из боевиков незаконных вооруженных формирований «Белый легион» и «Лесные братья». Их общее количество составляло порядка 200 человек. РДГ, по данным начальника разведывательного управления генерального штаба вооруженных сил Республики Абхазия (ГШ ВС РА) полковника Беслана Цвизжбы и

его заместителя – начальника штаба разведывательного управления ГШ ВС РА полковника Сергея Аршбы, насчитывали в зависимости от объема решаемых задач по 30, 50 и 60 человек каждая.

К началу активных боевых действий вооруженные силы Республики Абхазия насчитывали более 6 тысяч человек личного состава. Это если брать части и подразделения постоянной готовности. Но по боевой тревоге их численность за счет отмобилизования резервистов в период от нескольких часов до максимум двух суток могла составить порядка 18–20 тысяч человек в возрасте от 18 до 60 лет. Численность армии Абхазии могла существенно увеличиться за счет прибытия добровольцев из республик Северного Кавказа, с Кубани, Дона и посланцев из зарубежной абхазской диаспоры, проживающих на территории Малой Азии, Ближнего Востока и Европы. С учетом такого пополнения численный состав абхазской армии мог достичь 30 тысяч человек.

Легкое стрелковое оружие у абхазов хранится дома. Так что они готовы выступить по боевой тревоге практически немедленно. Более серьезное вооружение и боевую технику в зависимости от военно-учетной специальности резервисты в кратчайшие сроки получают в определенных им местах. Поэтому с самого начала было ясно, что легкой прогулки для грузин по абхазской земле быть не могло, как не могло быть и внезапного нападения. Военная разведка абхазов знала о приготовлениях противника за несколько месяцев.

Из числа добровольцев наиболее подготовленными считаются конечно же кубанские и донские казаки. Как отметил советник президента Республики Абхазия по вопросам казачества атаман сухумского особого отдела Кубанского казачьего войска казачий полковник Валерий Васильченко, в случае возникновения острой необходимости кубанцы готовы были выставить до 15 тысяч человек. Причем нереестровых казаков, официально не включенных в государственный реестр и не находящихся на службе. Казаки же, проживающие в Абхазии, а это более 600 человек, готовы были по первому зову стать под ружье для защиты республики. В ходе событий августа 2008 года многие из них принимали участие в освобождении верхней части Кодорского ущелья, а другие находились в готовности прийти на помощь товарищам и усилить их при необходимости.

Надо отметить, что подготовку грузинских войск к ведению боев в горах осуществляли инструкторы и советники из США, Израиля, Украины, Франции, Турции, Пакистана, Саудовской Аравии и других государств. В основном здесь работали представители спецслужб и те, кто служил в спецподразделениях вышеназванных стран.

В течение 1–1,5 года противник создал в Верхних Кодорах разветвленную сеть инженерных сооружений. Грузины, по словам полковника С. Аршбы, оборудовали за это время 5–6 промежуточных и один основной рубеж подвижной обороны. Единственный проход через мост в верхнюю часть Кодорского ущелья в районе Куабчара был заминирован. Также была заминирована отвесная скала над пропастью и дорогой, ведущей в сторону Главного Кавказского хребта. Здесь было заложено порядка 400 кг тротила. Как сказал начальник генерального штаба ВС РА – первый заместитель министра обороны Республики Абхазия генерал-полковник Анатолий Зайцев, в районе Верхних Кодор противник создал систему перекрестного огня и огневых мешков. Были оборудованы ротные и взводные опорные пункты, сторожевые заставы на путях возможного наступления абхазов. Также созданы противопехотные минные поля. Для контроля за ходом подготовки и создания фортификационных сооружений и оказания практической помощи на месте ведения работ постоянно присутствовал представитель инженерного управления министерства обороны Грузии.

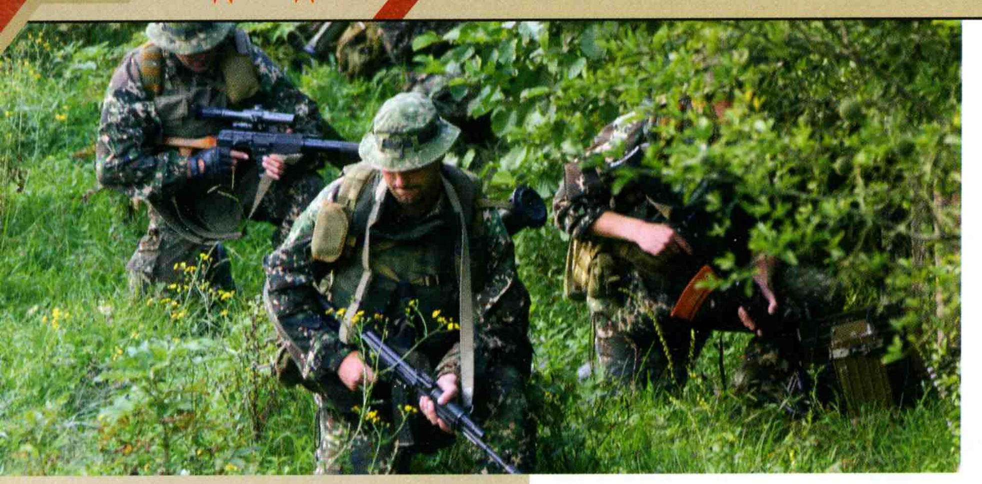
По словам генерал-полковника А. Зайцева, к планированию операции по разгрому противостоящей группировки противника абхазы приступили давно. А непосредственно приказ на проведение операции на верхнекодорском направлении с учетом происшедших изменений в обстановке, связанных с грузинской агрессией в Южной Осетии и частичной мобилизацией восьми тысяч абхазских резервистов для прикрытия государственной границы с Грузией на гальском участке, был отдан 8 августа 2008 года. На направлении главного удара было сосредоточено до одной тысячи человек. Это были в основном штурмовые отряды.

Для того чтобы грузины не взорвали единственный проход через ущелье – мост и скалу в районе Куабчара, были созданы два обходящих штурмовых отряда. Их задачей стало захватить и удерживать мост до подхода главных сил. Они должны были по горным тропам выйти в тыл грузинам и внезапным броском сверху вниз, обезоружив охрану, овладеть мостом и разминировать его.

С 14 часов 30 минут 9 августа и до девяти утра 12 августа 2008 года по боевым порядкам грузинских войск, обнаруженным огневым точкам, позициям артиллерии и минометов наносились сильные бомбово-штурмовые удары силами бомбардировочной, штурмовой и армейской авиации ВВС Абхазии с использованием самолетов Л-39, Су-25, вертолетов огневой поддержки Ми-24. Также велся огонь гаубичной артиллерией, минометами и РСЗО БМ-21 «Град». Удары наносились на всю глубину тактической обороны противника.

10 августа абхазские воинские формирования для уточнения обстановки провели разведку боем. В результате противник потерял четыре человека убитыми и несколько ранеными, а абхазы – двоих человек ранеными. По итогам разведки было принято решение вести наступление штурмовыми отрядами и высадить тактический десант в количестве 87 человек в нескольких точках с целью захвата опорных пунктов грузин, тем самым поставив противника под угрозу ударов с флангов и тыла. Одновременно для предотвращения подхода резервов противника командованием северо-восточной группы войск был подготовлен заслон на ткварчельском направлении со стороны границы с Грузией. Для этого по боевой тревоге был поднят местный полк из г. Ткварчели (абхазское название Ткуарчал).

По данным радиоперехвата, в группировке силовых структур Грузии в Верхних Кодорах царила неразбе-

риха. Сильное впечатление на состояние морального и боевого духа грузин оказал практически полный разгром в Южной Осетии 2-й пехотной бригады из Сенаки, которой командовал назначенный по протекции из Пентагона вице-полковник Лаша Беридзе. До назначения на эту должность он прошел полный курс обучения в учебном центре сил специальных операций США в Форте Веллинг, по окончании которого получил диплом с отличием и командовал грузинским батальоном спецназа «коммандос». К тому же сильное психологическое воздействие на грузин оказало присутствие в акватории юго-восточной части Черного моря боевых кораблей и судов российского Черноморского флота.

По данным агентурной разведки, уже 10 августа в командовании группировки грузинских войск начались разногласия по вопросу целесообразности проведения оборонительной операции в Верхних Кодорах. Начальник штаба группировки был за немедленный вывод войск из Кодорского ущелья, мотивируя это тем, что в противном случае весь грузинский личный состав будет попросту уничтожен. Командующий же настаивал на активном сопротивлении абхазам, аргументируя это так: «Если выйдем, то никогда сюда уже не вернемся».

Победила, как известно, точка зрения начальника штаба группировки. В ночь с 11 на 12 августа грузины приступили к экстренной эвакуации своих войск из Кодор. При этом, чтобы спасти личный состав, они бросали все что можно – от тяжелого вооружения до амуниции. Бежали практически налегке, оставляя преследователям автомобильную технику, личное оружие, разгрузки и даже... армейские ботинки. Словом, драпали, сверкая, в прямом смысле, пятками.

Обнаружив отход противника, руководитель операции генерал-полковник Анатолий Зайцев утром 12 августа отдал приказ на высадку тактических воздушных десантов и на выдвижение штурмовых групп по указанным операционным направлениям.

В 5 часов 05 минут утра, как только рассвело, по грузинской обороне были нанесены ракетно-бомбовые удары с воздуха. В шесть утра абхазские подразделения заняли исходное положение для ведения наступления. В 9 часов 30 минут, через полчаса после окончания воздушной бомбардировки, началась артиллерийская подготовка атаки. В течение получаса реактивные системы залпового огня БМ-21 «Град», гаубичная артиллерия и минометы вели усиленную обработку рубежей обороны противника.

По воспоминаниям генерал-полковника А. Зайцева, грохот от разрывов снарядов и мин стоял такой, что даже тем, кто должен был наступать, было не по себе. В горах гул от артиллерийской канонады разносился на десятки километров вокруг. Земля дрожала от взрывов. Можно лишь представить, что в то время творилось в стане противника, когда на него обрушилась такая огненная лавина.

После столь мощного огневого поражения целей на «передке» обороны грузинских войск в 10 часов утра вслед за огневым валом вперед двинулись штурмовые группы. Саперы, находившиеся в составе этих подразделений, проделывали проходы в минных полях. Грузины сопротивления не оказывали. В их расположении царили неразбериха и хаос. Практически одновременно с движением вперед штурмовых групп началась высадка тактических десантов с захватом опорных пунктов и важнейших в оборонном отношении объектов противника.

Вспоминают участники операции офицеры министерства обороны Республики Абхазия майор Нодар Авидзба и старший лейтенант Даут Нанба: *«Посадку в десантно-транспортные вертолеты Ми-8 произвели в 10 часов 20 минут утра 12 августа 2008 года. В составе нашей огневой группы было 15 человек. Всего же в высадке участвовали 87 военнослужащих из состава различных бригадных тактических групп наших вооруженных сил. Каждой группе были назначены пункт высадки и объект атаки. В нашу группу входили два сапера, два снайпера, два пулеметчика с РПК и ПК, один гранатометчик с РПГ-7. Помимо этого у каждого военнослужащего, входившего в состав группы, был одноразовый гранатомет РПГ-26 «Муха».*

Подлетное время к цели составило три минуты. Уже при заходе на посадку у сванского населенного пункта Чхалта было видно, что у грузин возникли паника и замешательство. Они все побросали и побежали в сторону границы с Грузией. Соединившись после высадки со штурмовой группой, вместе в составе 25 человек мы в течение трех часов осмотрели весь поселок и прилегающую к нему местность. В ходе осмотра разминировали каменный автодорожный мост через одну из горных рек. По обнаруженному рядом с селением грузинскому наблюдательному посту открыли огонь из стрелкового оружия и гранатомета, полностью разнеся его в пух и прах.

После этого начали выдвигаться на населенный пункт Ажара, расположенный в семи километрах восточнее Чхалты. Выдвигались к Ажаре пешим порядком, попутно ведя разведку и осматривая прилегающую к автодороге местность. На каждом шагу встречалось брошенное оружие. В частности, автоматы калибра 5,56 мм «Буш-Мастер» производства США, выстрелы к гранатомету РПГ-7, на дороге и обочинах стояли брошенные новенькие автомобили «хантер», трехмостовые КамАЗы, трактора-грейдеры, французские санитарные машины «рено», снегоходы-квадроциклы американского производства. Повсеместно валялись форма натовского образца, амуниция. Имена грузинских военнослужащих на бирках – на английском языке. Много было брошенных в спешке документов, натовских инструкций по проведению занятий.

К 16 часам вышли к Ажаре. Было тихо. На входе в горное селение нас встретил священнослужитель местной церкви. В ходе проведенной с ним беседы выяснилось, что в ста метрах от здания церкви находится дом, в котором грузины оставили склад боеприпасов. При отступлении хотели его взорвать, но не успели. При тщательном осмотре дома саперы обнаружили много минометных мин калибра 82 мм, а также 60-мм минометные мины производства США. В каждой комнате было по ящику тротиловых шашек с детонаторами. От дома в сторону леса шел полевой про-

вод протяженностью 30 метров. Все это обезвредили. Также в Ажаре при осмотре нашли уничтоженный ударом с воздуха склад боеприпасов к артиллерийскому и стрелковому вооружению. В этом населенном пункте грузинами был оставлен большой склад горюче-смазочных материалов. Здесь же мы захватили развернутый по полной схеме стационарный военный госпиталь со значительным запасом медикаментов. По времени на осмотр Ажары ушел ровно час.

Дальше по распоряжению командующего кодорским направлением генерал-майора Закана Нанбы (он является первым заместителем министра обороны Республики Абхазия — командующим сухопутными войсками) мы начали выдвижение из Ажары на Генцвиш. За целый день, конечно, порядком подустали, поскольку с самой высадки с вертолета шли пешком. Поэтому решили ехать на трофейных машинах. От Ажары до Генцвиша добрались за 30 минут. Грузин нигде не было. Уже в Ажаре, а потом в Генцвише к нашей группе присоединялись десантники, спецназовцы и разведчики из других групп и штурмовых подразделений.

Где-то в половине шестого вечера доехали до населенного пункта Сакен. Местных жителей на всем протяжении движения от Чхалты до самой границы с Грузией, расположенной в 10 километрах от Сакена, не было видно. Они, как потом выяснилось, прятались. Это в основном женщины, старики и дети. Мужчины-сваны ушли вместе с грузинами за кордон. Уже где-то в полдевятого вечера дошли до подножия перевала Хида, где проходила граница с Грузией. На этом свою задачу мы выполнили. Боев не было, так как грузины попросту бежали наутек».

Рассказывает начальник штаба разведывательного управления генерального штаба вооруженных сил Республики Абхазия полковник Сергей Аршба — выпускник 1983 года Львовского высшего военно-политического училища: *«Да, грузины готовились к наступательной операции под кодовым названием «Скала» основательно. Нам удалось захватить в качестве трофеев десятки тысяч артиллерийских снарядов, минометных мин, десятки орудий, минометов, средства связи, совместимые с натовскими системами, приемники космической навигации GPS, тепловизоры, новейшие приборы ночного видения западного производства, боевую технику.*

Пентагон и натовские структуры капитально готовили операцию по овладению Абхазией, так же как и Южной Осетией. Все это нам удалось узнать как агентурным путем, так и из захваченных документов. Грузины были в их руках лишь марионетками. Если бы Россия уступила им и здесь, то эти лихие ребята из Вашингтона и Брюсселя на достигнутом не остановились бы. Они бы полезли дальше, на Северный Кавказ, прежде всего в Чечню, Ингушетию и Дагестан. Там и так обстановка взрывоопасная. Также есть сложности в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Абхазия непосредственно граничит с этими двумя субъектами Российской Федерации. Если бы американцам и их подручным удалось осуществить задуманное, то никому мало бы не показалось. У них цель одна — захват природных ресурсов, которыми, кстати, богато как Закавказье, так и Северный Кавказ. Прежде всего это нефть, газ и другое стратегическое сырье.

Потому они и вооружали, и обучали грузин по своим лекалам. Только не учли менталитет и морально-боевой дух обучаемых и вооружаемых.

Итог известен — к исходу дня 12 августа 2008 года части и подразделения вооруженных сил Республики Абхазия на всем протяжении от стыка границ России и Абхазии с Грузией от Главного Кавказского хребта в районах Южного Приюта, перевалов Хида, Каламри-Суки в верхней части Кодорского ущелья вышли к рубежу, на котором операция по овладению Верхними Кодорами была полностью завершена.

Контактных боев с грузинскими войсками, кроме разведки боем 10 августа 2008 года, во время всей операции не было. Хорошо поработали артиллерия и авиация, наносившие точные удары по выявленным целям. Здесь надо также отметить хорошую работу разведчиков, корректировщиков артиллерийского огня и авиационных наводчиков.

Конечно, тяжело было в условиях горно-лесистой местности и высокогорья вести навесной огонь на поражение точечных целей тяжелой артиллерией и реактивными системами залпового огня. Артиллеристы по нескольку раз запрашивали у разведчиков и находившихся с ними артиллерийских корректировщиков уточненные координаты поражаемых целей. Но благодаря филигранной работе артиллеристов и летчиков ни одно строение в округе, кроме тех объектов, по которым наносились удары, повреждено не было.

По данным радиоперехвата, в 21 час 11 августа 2008 года радиосеть МВД Грузии в Верхних Кодорах перестала существовать. С 3 часов 50 минут 12 августа 2008 года группировка силовых структур Республики Грузия в Верхних Кодорах также перестала существовать».

По словам полковника Сергея Аршбы, курирующего проведение спецопераций с участием спецназа, противник, войдя в конце июля 2006 года в верхнюю часть Кодорского ущелья, также захватил перевалы Марухский, Клухорский, Нахарский и ряд других по Главному Кавказскому хребту вдоль государственной границы с Россией на ее абхазском участке общей протяженностью 50—60 километров. И «поса-

рубежа, затащить на горные вершины и перевальные точки тяжелые орудия и минометы, а также реактивные системы залпового огня. «Мы до сих пор не можем понять, – сказал Сергей Аршба, – как им это удалось сделать в условиях высокогорья». Оттуда они, как в тире, могли свободно простреливать на десятки километров всю оборону абхазской армии и пути ее снабжения.

Более того, надо сказать и о том, что грузинские военные за два года владения Верхними Кодорами с помощью выделенных зарубежными спонсорами денег построили туда прекрасную дорогу, часть которой была заасфальтирована, а часть имела гравийное покрытие. По коммуникациям Цебельда – Ажара – Верхние Кодоры противник мог свободно перебрасывать различные силы и средства к полю боя. Автодорожные мосты через горные реки Кодор, Чхалта, Гвандра, Клыч и другие были капитальными, то есть каменными. По ним могли передвигаться тяжелая техника, танки, боевые бронированные машины и т.д. Грузины в любое время могли наращивать свою группировку живой силой, вооружением и боевой техникой.

При своем стремительном бегстве грузины не успели взорвать за собой мосты через горные реки, хотя взрывчатка под их основание была заложена. Абхазские саперы при продвижении вперед вовремя обезвредили опасные находки и сохранили мостовые переходы через реки.

И еще один момент, на который обратил внимание полковник С. Аршба. Грузины при помощи американцев смогли при подготовке и в ходе боевых действий в Южной Осетии быстро сформировать бригады резервистов и перебросить их в районы, где шли бои. Другое дело, что они имели невысокую боеспособность и низкий моральнобоевой дух. Но сам факт их быстрого сколачивания и ввода в бой о многом говорит. Здесь был вовсю использован опыт частей национальной гвардии США – стратегического резерва американских вооруженных сил. При хорошем для грузин раскладе, если бы им с помощью заокеанских друзей удалось создать боеспособный резерв, и в Южной Осетии, и в Абхазии защитникам этих республик, да и российским военным, пришлось бы туго. Тем более что в Грузии мобилизационный резерв значителен. Бои с обеих сторон тогда могли бы принять ожесточенный и затяжной характер. И неизвестно, чья бы сторона взяла верх. Надо извлекать из произошедшего определен-

дил» на них подразделения спецназа и разведки. Абхазы удерживали перевал Аданге и все остальные в сторону Красной Поляны, Адлера и Сочи. На северных склонах со стороны Российской Федерации государственную границу с Грузией стерегли российские пограничники. Им на усиление были приданы десантно-штурмовые маневренные группы управлений Пограничной службы ФСБ России по Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Краснодарскому и Ставропольскому краям, управления Пограничной службы ФСБ РФ по Южному федеральному округу, а также армейские спецназовцы из Северо-Кавказского военного округа.

По данным военной разведки абхазов, на вышеуказанных перевалах и в Южном Приюте, где был базовый лагерь сил спецназначения ВС Грузии, регулярно шла ротация подразделений спецназа и разведки. Причем постоянными «гостями» там были американские, израильские, французские, турецкие «спецы» и специалисты по диверсиям и разведке из других государств НАТО и дружественных им стран. Чем они там занимались, думаю, догадаться несложно.

Сергей Аршба вспоминает такой случай: *«Сидим в засаде на склоне около одного из перевалов. Смотрю, идут по тропе в натовском камуфляже грузинские спецназовцы. А впереди «учеников» топают... кто бы вы думали? Правильно – американцы, негры. Уверенно так идут в сторону Главного Кавказского хребта, где проходит граница с Россией. Причем не один и не два, а целая группа «товарищей» из-за океана. Ну, думаю, сейчас им врежем. Связался с вышестоящим командованием. К великому сожалению, получил приказ пропустить, хотя они от нас в 5–6 метрах шли. Мы бы всех их положили в рядок...*

И вся эта спецназовская «братва» из разных забугорных стран постоянно «тусовалась» в этом районе, как будто там медом намазано было. Причем в открытую оборудовались вертолетные площадки и базы спецназа. Видно, готовились не только к действиям против Абхазии, но и, не исключено, против России.

А в августе 2008 года они драпанули с перевалов кто как мог. Кого с высоты 2.500 метров снимали вертолетами, а кто и своим ходом спускался по тропам и ледникам в сторону Грузии. Но эти гады нам там «подарков» в виде минных полей, причем весьма изощренных, понаставляли изрядно. Я там уже шестерых опытных спецназовцев потерял. Поэтому перевалы, где кучковались грузины и их друзья с Запада, непроходимы, там везде мины понатыканы».

По словам Сергея Аршбы, глубина проведения операции от исходного рубежа в районе Куабчара и до рубежа границы с Грузией составила 50 километров, а из района перевала Аданге до перевалов Хида, Каламри-Суки – порядка 70 километров.

Все, что бросили при бегстве из Верхних Кодор грузины, абхазские военные вывозили долго. Для такого объема трофеев не хватало грузовых автомобилей, да и пропускная способность разбитых дорог в Кодорском ущелье маловата. Как отметил полковник С. Аршба, по созданным грузинской стороной запасам видно, что они рассчитывали воевать долго и упорно.

Грузины даже умудрились, вероятно, не без помощи своих друзей из-за

ные выводы. Тем более что грузины не успокоились и не успокоятся. События последних месяцев показывают, что они тоже сделали определенные выводы из короткой войны. И теперь более основательно, используя иностранную военную и экономическую помощь, будут готовиться к реваншу.

Во многом на положительные результаты операции в Верхних Кодорах повлияло то, что части и подразделения Вооруженных Сил России предотвратили активизацию действий Саакашвили по нанесению ударов по Абхазии.

События развивались на приморском направлении стремительно. После начала агрессии Грузии против Южной Осетии руководством России и Министерства обороны РФ было принято решение усилить миротворческий контингент в Абхазии. К 11 августа 2008 года созданная за 2–3 дня крупная войсковая оперативная группа заняла исходное положение по рубежу реки Ингур – границы между Абхазией и Грузией. Корабли российского Черноморского флота встали на якорь на траверзе этой горной реки в месте впадения ее в море, готовые в любой момент поддержать действия «десантуры», миротворцев и спецназа.

Днем 11 августа командующий миротворцами генерал-майор Сергей Чабан предъявил ультиматум всем грузинским силовым структурам, незаконно находящимся в зоне ответственности миротворческих сил, – сдать все вооружение и технику в период с семи до десяти часов вечера этого дня в указанных пунктах (в районе блокпостов миротворцев), расположенных на территории Зугдидского района (Западная Грузия). Генерал-майор С. Чабан предупредил, что в случае невыполнения этих требований будет производиться силовое принуждение вплоть до полного уничтожения тех, кто откажется сложить оружие. Сил для выполнения этой задачи вполне хватало. Грузины, понимая, что шутки кончились, подчинились в своем большинстве требованиям командующего миротворческими силами России в зоне грузино-абхазского конфликта. Южный сектор этой зоны, который включал значительную часть Зугдидского района Западной Грузии, полностью перешел под контроль российских миротворцев. Личное оружие – пистолеты Макарова – оставили только полицейским, и то для самообороны от преступного элемента.

В эти же дни корабли и катера грузинских ВМС несколько раз пытались прорваться в воды Абхазии. В результате боестолкновений на море грузины потеряли два ракетных катера. В целях недопущения дальнейших попыток нападения на корабли Черноморского флота было отдано распоряжение на блокирование порта и города Поти с моря. Одновременно с началом операции в Верхних Кодорах вдоль шоссе Гали – Зугдиди – Сенаки – Поти перешла в наступление войсковая оперативная группа, созданная в Республике Абхазия. Грузины без боя оставили свои позиции и спасались бегством в восточном и юго-восточном направлениях, отступая в сторону Аджарии и центральной части Грузии. Российский десант, посаженный на броню, стремительно продвигался в сторону Сенаки. Там находились грузинская военная база и аэродром, на котором базировались боевые самолеты и вертолеты противника. Штурмовики Су-25 и истребители-бомбардировщики Су-24М ВВС России предварительно нанесли ракетно-бомбовые удары по этим объектам. На стоянках и на взлетно-посадочной полосе ударом с воздуха были уничтожены и повреждены грузинские вертолеты и самолеты, а также подавлены его средства ПВО. Военная база в Сенаки, созданная по натовским стандартам, была полностью разрушена. Десантникам и «спецам» достались богатые трофеи: брошенная бронетехника, вооружение, амуниция, орудия и минометы, гранатометы, важные документы и т. д.

«Зачистив» Сенаки, российские военнослужащие, не сбавляя темпа, двинулись на Поти. Там находилась главная база ВМС Грузии, где все корабли и суда были брошены на произвол судьбы разбежавшимися грузинскими моряками.

В итоге к исходу дня 12 августа все было закончено – как в Кодорах, так и на Черноморском побережье Кавказа.

На всем протяжении от границы по реке Ингур до Поти контактных боев не было. Противник бежал без оглядки.

После признания Россией независимости Абхазии и подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, по линии границы Абхазии и Грузии быстрыми темпами были созданы два укрепленных района, которые состоят из взводных, ротных опорных пунктов и батальонных районов обороны капитального типа.

Тут стоит отметить, что не успели наши миротворцы согласно решению руководства России покинуть к середине октября 2008 года территорию Грузии, как с ее стороны начались вооруженные провокации и нападения. Уже в последней декаде октября 2008 года грузинами на территории Гальского района Абхазии был убит старший офицер разведывательного управления генерального штаба вооруженных сил Республики Абхазия, обстрелян из орудий, минометов и пулеметов пост абхазских пограничников, где тоже имелись жертвы.

В общем, обстановка в приграничье неспокойная. По словам полковника Сергея Аршбы, только за время, прошедшее с войны 1992–1993 годов, в Гальском районе, по приблизительным оценкам, от рук грузин погибло порядка 400–500 абхазов – как военных, так и гражданских. И эта цифра, судя по всему, не окончательная. Поэтому признание независимости Южной Осетии и Абхазии вовсе не означает, что руководство Грузии и его покровители успокоятся на том, что эти республики окончательно ушли из-под контроля тбилисских властей.

Надо отметить, что все вооруженные провокации со стороны Грузии в отношении абхазских и российских военных и пограничников происходят в присутствии в Зугдидском районе нескольких сот военных наблюдателей от Европейского союза. Видно, что им, как и их коллегам – военным наблюдателям ООН, эти вылазки грузин, грубо говоря, «до лампочки».

Юрий ВАСИЛЬЕВ

О ДОРОГЕ НА ВОЙНУ, ДЕНЬГАХ, НАГРАДАХ И ДРУГОМ

Закончил работу над данной статьей. Снова перечитал ее. Материал получился трудный. И это несмотря на то, что рассказал далеко не обо всем, что знал и с чем приходилось сталкиваться. О многом умолчал намеренно, решив, что достаточно будет и того, о чем сказано. Иначе совсем тоскливо может стать.

Потом сидел и думал: «А нужно ли вообще было об этом рассказывать?» Так ничего и не решил. С одной стороны, зря написал, не следовало об этом говорить. А с другой – что, продолжать молчать? Неужели тот, кто побывал на войне, не встречался с этим? Или все там было тихо, хорошо и гладко? Нет? Так чего молчать? Для того, чтобы воевать, нужна смелость. А для того, чтобы говорить правду, разве она не нужна?

Любая война имеет свою изнанку, свою обратную сторону, где нет ни мужества, ни отваги, ни высоких чувств... Она, эта изнанка, насквозь пронизана ложью, подлостью, предательством и алчностью. И всем, кто побывал на войне, с этим в той или иной мере сталкиваться приходилось. И неоднократно.

Но я не уверен, что поступил правильно, рассказав все, что посчитал возможным. Потому и выношу этот вопрос на суд читателей «Солдата удачи». Их право решать...

ДОРОГА НА ВОЙНУ

На войну все попадали по-разному. В данном случае речь идет о второй чеченской, которая мне хорошо знакома. Кто-то оказался там добровольно, а кто-то и не совсем. Военнослужащие-контрактники, например, в большинстве своем по собственной воле, а вот офицеры – не всегда.

Вспоминается свой пример. Добровольцем на войну в Чечню я не был, но перспектива попасть туда не сильно-то и пугала. Здесь следовал старой армейской истине, хорошо всем известной: «На войну не просись, а пошлют – не отказывайся».

Меня вызвал к себе в кабинет командир части и сразу объявил, что имеется разнарядка для отправки нескольких офицеров служить в Чечню и я являюсь одним из кандидатов. А потом поинтересовался: «Готов или не готов туда ехать?» Пришлось уточнить насчет альтернативы, но это только для порядка. Сам уже прекрасно понимал, что коль попал по этому вопросу к командиру в кабинет, то никаких альтернатив у меня уже нет. Так оно и оказалось. Передо мной положили чистый лист бумаги и выдвинули условие: если я даю согласие ехать в Чечню, то пишу рапорт о том, что делаю это добровольно и по собственному желанию. А если отказываюсь ехать, то тоже пишу рапорт, но в этом случае на увольнение из рядов Вооруженных Сил по несоблюдению условий контракта. Хорошенькое дело! Я резонно заметил, что если вернусь оттуда в инвалидной коляске и начну искать правду, то мне покажут мой же рапорт, где я своей рукой написал, что еду в Чечню добровольно, и пошлют куда подальше.

Рапорт написать мне все же пришлось, правда, удалось найти компромисс. Там я указал, что не возражаю в отношении моего перевода в Чечню для дальнейшего прохождения службы. Некоторые же из кандидатов предпочли уволиться из армии. Бог им судья. Разные у людей были причины решать по-своему этот вопрос. Но это касается офицеров. Были и такие, кто поехал туда добровольно.

Контрактники ехали в Чечню все добровольно. Мне ни разу не приходилось встречать контрактников,

отправленных туда насильно, помимо их воли. Но и в этом случае мотивы у людей были самые разные.

Кто-то поехал туда в поисках романтики. На мой взгляд, таких там было большинство. Было много и других причин: не складывалась жизнь, не решались проблемы в семье, приходилось уезжать от иных забот и неприятностей. Но были и те, кто отправился в Чечню именно за заработком. Таких тоже имелось немало. И удивляться здесь нечему, понять этих людей можно.

Кому приходилось много ездить по стране, наверняка могли обратить внимание на то, что Москва и Подмосковье – это одно, а остальная Россия, как ни странно, – совсем другое. Хотя многие москвичи и люди, проживающие в Подмосковье, считают, что везде в стране так же хорошо, как у них. Что Россия вся такая. Им с экранов телевизоров без конца об этом твердят политики разных мастей и всякие иные граждане: экономисты, финансисты, политологи.

Увы, это не так. Та Россия, которая в Сибири, на Урале и, например, в Поволжье, – она совсем другая, не похожая на подмосковную.

Наша часть формировалась и комплектовалась Уральским военным округом, потому большинство ребят-контрактников приходило к нам с Урала. Городских было не так много, в основном парни деревенские. Многие из них и не скрывали, что в Чечню приехали за заработком. Рассказывали, что на Урале колхозные хозяйства полностью развалены и находятся в запущенном состоянии. Те, кто еще пытался работать в колхозах, получали в месяц от 400 до 700 рублей. Деревни гибли, выжить в них можно было только благодаря своему домашнему хозяйству. Кругом сплошная нищета, безысходность и пьянство. Такая вот, к сожалению, вырисовывалась печальная картина.

Я и сам в Чечню прибыл с Урала, знал, что их рассказы недалеки от истины. И при этом все мы видели, сколько средств вкладывалось в развитие сельского хозяйства Чечни. Сколько сюда было поставлено новой техники: белорусских тракторов и комбайнов, которые сразу растаскивали по частным дворам и угоняли в горы. Один такой новый трактор «Беларусь» нам пришлось расстрелять и сжечь, когда он тащил в горы прицеп, груженный продовольствием и обмундированием, предназначавшимися банде боевиков. А сам прицеп со всем грузом достался нам в качестве трофея. Его мы зацепили за БТР и притащили к себе на базу.

Все это выглядело так, что складывалось впечатление: чеченские колхозы и совхозы России нужны, а вот сибирские и уральские – нет.

Так что разные у всех были пути на войну. Причины и мотивы ехать туда – тоже разные.

О ФИНАНСИСТАХ И ДЕНЬГАХ

Сколько помню, финансистов в войсках называли всегда «финиками», так их называют и по сей день. Финансисты в части – лица очень авторитетные и цену себе знающие. Бывало, стоишь в очереди у окошка в кассу за получкой и испытываешь какое-то непонятное чувство вины перед начфином, словно он тебе свои личные деньги отдает. А потом держишь полученные купюры в руках и испытываешь чувство признательности в отношении того же начфина. А уж если он «снизошел» и выдал тебе вовремя отпускные или командировочные, сразу проникаешься к нему чуть ли не глубокой любовью и нежностью. Даже трудно сказать, чего здесь больше: шутки или правды. Но и они, «финики», были все разные. Приходилось встречать среди них весьма толковых, порядочных и смелых ребят. Ну и, естественно, наоборот...

В Чечне был у нас один старший лейтенант-финансист. Дельный парень. Постоянно выезжал с нами на боевые, хотя мог этого и не делать. А там действовал очень умело и решительно. Но как-то раз мы двигались колонной из трех бэтээров и попали в засаду. Этот «финик» был в составе десанта на броне головной машины. Бронированные крышки моторно-трансмиссионного отделения были установлены в вертикальное положение и использовались как дополнительная защита десанта. Начался обстрел.

Граната РПГ попала в вертикально стоящую крышку МТО, а за ней находился наш финансист. Ударом взрывной волны его сшибло с брони. С бэтээра он упал на бетон, сильно ударившись спиной и головой. Получил при этом очень тяжелые травмы, хорошо хоть живой остался.

Имелся у нас и другой «феномен», тоже из «фиников». Этого застать в трезвом состоянии было практически невозможно, только степень опьянения у него всегда была разной. Потому и разговаривать с ним было трудно и не очень приятно. Да и особой честностью он при этом не отличался.

Как-то во владикавказской гостинице за оказанные ему услуги он заплатил местной проститутке семьдесят тысяч рублей. Причем произошло это при свидетелях, наших же ребятах. А сам он при этом находился, как обычно, в «коматозном» состоянии. Был основательно пьян.

И что же она смогла ему сделать такое, если рассчитался он с ней такой крупной суммой? Бедная дама чуть рассудка не лишилась от счастья. В тех местах подобных тарифов и близко не было.

Заработки в Чечне в ту пору были относительно неплохими. Но никому и в голову не приходило так транжирить деньги. Все это потому, что у нас они были заработанные. А у него скорее всего ворованные, и набит он ими был под завязку. Так и чего ему их жалеть, эти деньги, завтра они опять появятся без особых проблем и забот. А «финик» этот так потом и уехал по-свински: втихаря, ни с кем толком не простившись.

Военнослужащим в Чечне полагалось много различных выплат, потому разобраться в вопросе, кому, сколько и чего положено получать, было трудно. Этим успешно пользовались недобросовестные финансисты. В их арсенале имелось достаточ-

но вариантов для недоплаты и обсчета военнослужащих. Остап Бендер по этому поводу говорил, что у него в запасе имеется четыреста достаточно честных способа отъема денег.

И получается, что стоит контрактник, приехавший на войну из уральской деревни, держит в руках тридцать–сорок тысяч рублей расчетных денег, по окончании контракта полученных, и счастлив предельно. Мечтает и рассуждает вслух, как он эти деньги потратит. Дом в деревне приобретет: за семь–девять тысяч рублей очень хороший можно подыскать. Потом старый трактор в развалившемся колхозе выкупит со всем навесным оборудованием, на часть денег восстановит его и отремонтирует. После этого хозяйством обзаведется: корову купит, свинок пару штук, курочек. На все этих денег должно было хватить. Много ли для счастья человеку надо? Только невдомек ему, что денег он получил значительно меньше, чем должен был получить. Не знает, что это «финик» полковой так ему «удружил»...

Но заработать и получить деньги – это только одна сторона вопроса. Теперь стоит другая задача: как их домой в целости и сохранности довезти. А это тоже очень даже не просто.

ТРУДНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Находились «горячие головы», которые, получив расчет, не дожидались отправки всей партии увольняемых. Очень хотелось домой, потому и совершали опрометчивые поступки, заканчивавшиеся неприятностями, а еще хуже – трагедией.

Нанимали таксистов из числа местных чеченцев, которые должны были доставить их или в аэропорт Магас, или на железнодорожные вокзалы в города Владикавказ либо Беслан. Наша часть стояла на западе Чечни, поэтому эти маршруты казались наиболее короткими и простыми. И хорошо, если ума хватало уезжать группами по три-четыре человека. А ведь были и те, кто пытался убыть и в одиночном порядке. Совсем рисковые ребята.

Все-таки основной массе этих авантюристов удавалось таким образом добраться домой: с деньгами или без них – разговор уже другой. Но некоторые домой так и не доезжали, терялись по дороге. Пропадали. А потом, много месяцев спустя, в часть начинали приходить запросы из военкоматов, откуда они призывались. Родственники, обеспокоившись их долгим отсутствием, начинали розыски. А что им можно было ответить? Где посоветовать искать? Может быть, загулял контрактник где-то по дороге? Но сколько же можно гулять?

По подобным случаям специальной статистики не велось, во всяком случае, мне о ней ничего не известно. Но вот в горах, в лесу, в придорожных канавах и других глухих местах трупы находить приходилось. Истерзанные тела с огнестрельными, ножевыми ранениями, без одежды, документов, вещей. Невозможно опознать. Некоторые обезглавлены. Что это были за люди? Кто и за что так поступил с ними? Страшная судьба.

Неприятно и тяжело вспоминать об этом. А вообще по Чечне подобных страшных воспоминаний в памяти сохранилось немало. Точно не могу утверждать – не знаю, но вполне допускаю и то, что кто-то, пытаясь самовольно и в одиночном порядке выехать из воинской части, попал в руки бандитов. Там и погиб.

Но нужно заметить, что подобные случаи имели место не только в Чечне. Так, например, погиб мой сослуживец по Уральскому военному округу. Он возвращался с Кавказа в отпуск домой на поезде. В тамбуре вагона получил удар ножом, а потом был сброшен под откос. Его труп обнаружили на другой день у железнодорожных путей.

А те, кому повезло благополучно вернуться домой, далеко не всегда привозили в целости и сохранности деньги. Их лишиться по дороге было очень даже легко.

В гостинице любого города, начиная с Владикавказа, и в фойе, и на этажах дежурили дамы «не тяжелого поведения». Ломясь в гостиничный номер, они очень навязчиво и наперебой предлагали свои услуги. У них был свой бизнес. И как здесь устоять человеку, столько времени находившемуся без женской ласки? Многие, поддавшись соблазну, теряли осторожность и начинали сорить деньгами. «Шерше ля фам». Ищите женщину. А проснувшись утром с гудящей от похмелья головой, с удивлением обнаруживали, что обобраны до нитки. Ни денег, ни документов не было. Жертвами этих «красавиц» оказывались не только контрактники, но порой и офицеры. В подобных случаях военнослужащим приходилось снова возвращаться в часть, заключать новый контракт и продолжать служить.

А еще в поезде или на вокзале можно было встретить приятных молодых людей, которые очень располагали к себе. Они приглашали за стол, угощали выпивкой и закуской, относились с уважением и интересом. Только потом человек приходил в себя, но уже с разбитым лицом, будучи ограбленным полностью. Оказывается, что и у этих приятных молодых людей тоже есть свой бизнес – грабить доверчивых пассажиров. Такую публику мне приходилось встречать, например, в Минеральных Водах.

Во всех перечисленных случаях винить нужно было только себя. А кто еще виноват? Следовало быть осторожнее.

Но были и другие обстоятельства, которые лично от вас уже никак не зависели.

МОЯ МИЛИЦИЯ МЕНЯ БЕРЕЖЕТ?

Федеральная дорога Баку–Ростов проходит через несколько республик, в том числе и по Чечне с Ингушетией. А Ингушетия в том месте, где по ней пролегает федеральная трасса,

совсем узенькая – ну, может быть, немногим более тридцати километров. На этой же трассе и столица Ингушетии Назрань находится. Так вот на этом коротком отрезке дороги было расположено четыре стационарных поста ГАИ. Теперь они называются ГИБДД. На этих постах несли службу суровые ингушские милиционеры, и занимались они там «гибддизмом». Вернее сказать – «гибддировали». Что это значит? Да просто спокойно проехать через эти посты без приключений и неприятностей было практически невозможно. Публика там несла службу очень наглая и алчная. Для военнослужащих, выезжающих из Чечни, это было первое и очень трудное испытание. Прорваться сквозь эти милицейские заслоны с минимальными потерями было сродни героизму. Даже тошно вспоминать сейчас о том, что происходило на этих милицейских постах. Особенно отличался в худшую сторону пост на выезде из Ингушетии в Северную Осетию, немного не доезжая до осетинского села Чермен.

Напрасно кто-то может посчитать, что я сгущаю краски. К сожалению, все это было испытано на собственной шкуре. И столкнуться с этим пришлось уже в первую свою поездку.

Нас было четыре офицера в машине: трое ехали в отпуск, а я – в командировку. При мне было оружие, пистолет Макарова. На посту к нам подошла какая-то откормленная личность. На этом, с позволения сказать, милиционере была не милицейская и не военная форма, а какой-то камуфляж произвольного покроя и произвольной расцветки. Не потрудившись представиться и назвать себя, он сразу заявил, что дежурят они уже давно и успели проголодаться, да и время обеда уже подошло. А мы соответственно должны их этим обедом угостить. Потому каждый из нас обязан заплатить по пятьсот рублей. И тогда вопросов к нам не будет.

Глядя на пухлые, лоснящиеся щеки этого милиционера и на его висящий двойной подбородок, сразу в голову пришла мысль, что это он так, бедный, опух от голода.

Когда мы отказались платить деньги, сотрудники этого поста стаей слетелись к нам и, галдя и крича, начали требовать, чтобы мы предоставили для осмотра автомобиль и личные вещи. В таких условиях трудно было сохранять спокойствие и не потерять самообладание. На это и делался расчет местных ментов. Методика действий, в том числе и психологическое давление, у них была отработана.

В вещах они ковырялись медленно и с особым удовольствием, явно тянули время, брали на измор. То из вещей, что им нравилось, начинали клянчить себе в подарок.

Один из милиционеров без интереса просматривал мои документы. В командировочном предписании обнаружил запись о том, что при мне находится пистолет. Уточнил, действительно ли у меня имеется оружие. Я подтвердил. Он сразу поделился этой новостью со своими, мягко говоря, товарищами. Наглости у тех ребят сразу поубавилось. Наличие оружия оказалось весомым аргументом в нашу пользу. В конечном итоге «голодные» милиционеры отпустили нас с миром.

В дальнейшем мне по долгу службы часто приходилось ездить пройденным маршрутом. На этих милицейских постах я со временем примелькался, и меня стали узнавать в лицо. Но тем не менее периодически дело не обходилось без скандалов. Потом я стал презентовать местным ментам в качестве подарка по паре пачек «макаровских» патронов, и только после этого между нами возникло что-то похожее на приятельские отношения. Проблемы на дороге лично для меня закончились.

Но для других проблемы при проезде этих постов продолжали оставаться. Правда, офицерам решать их было несколько проще, а контрактникам сложнее. Хорошо, если они ехали небольшой группой. Тогда можно было оказать друг другу помощь и поддержку. А когда в руки местных милиционеров попадал контрактник, в одиночку пытавшийся выехать из Чечни, и при этом он был хотя бы слегка выпившим, – все, можно было с уверенностью сказать, что он останется без вещей и без денег.

На эти милицейские посты и творящийся на них произвол жалобы шли во все инстанции нескончаемым потоком. Даже в такую диковинную организацию, как «Мониторинг по правам человека». Не жаловались только, пожалуй, в «Лигу защиты евреев». Но никаких результатов это не давало. Безобразные события продолжали иметь место.

На постах в Северной Осетии и на железнодорожных вокзалах Владикавказа и Беслана несли службу уже осетинские милиционеры. Они не были такими наглыми, как в Ингушетии, хотя особой скромностью тоже не страдали. Но с ними уже можно было разговаривать, как с людьми.

Должен заметить, что на Ставрополье, а именно в Минеральных Водах, все милиционеры, с которыми приходилось иметь дело, оказались отличными ребятами, которые при необходимости всегда оказывали помощь и содействие. И о случаях поборов ими денег с контрактников и офицеров, возвращающихся из Чечни, мне ничего не известно. Может быть, что-то подобное происходило и там, но в единичных случаях.

Учитывая все это, увольняемых контрактников и отпускников из воинских частей стали отправлять централизованно большими партиями. Старшими при этих группах назначались наиболее способные и решительные офицеры, которые сопровождали убывающих до самых железнодорожных вокзалов и сажали их на поезда. А по дороге они решали все возникающие проблемы и конфликтные ситуации, по ходу дела следили за порядком и дисциплиной среди своих подопечных. Это давало определенные положительные результаты.

В довершение могу сказать, что и украинским милиционерам удалось «прогнуться» в худшую сторону. Или на Украине сейчас полиция, а не милиция? Не знаю, но какая разница! В Минеральных Водах сел на поезд Кисловодск – Минск. Так получалось

проще, не нужно было делать пересадки. Но оказалось, что часть пути поезд идет по Украине, а я сразу этого не учел. Но было уже поздно.

Как только пересекли границу с Украиной, ко мне в купе зашли два украинских полицая. У проводника они узнали, что в вагоне едет офицер из Чечни, и ко всем остальным пассажирам сразу потеряли интерес. Хотя среди них было немало «челноков-мешочников», и полицаям поживиться там было чем. Но они сразу принялись за меня, видимо, посчитав наиболее перспективной добычей.

Они долго рылись в вещах, все тщательно прощупывая и просматривая. При этом задавали интересующие их вопросы: «А сколько денег с собой? А сколько указал в таможенной декларации? А нужно посчитать, и если есть излишки, не указанные в декларации, то они подлежат изъятию».

Счастью их не было предела, когда в сумке они обнаружили холодное оружие – наградной охотничий нож «Скорпион». Но радость была омрачена наличием у меня всех необходимых для этого случая документов: выписки из приказа о награждении, удостоверения на нож и чего-то еще. Номер ножа даже был вписан в отпускной билет. Изо всех сил, стараясь за что-нибудь зацепиться, они тщательно искали ну хоть какой-то изъян. Наконец нашли. По их мнению, одна из цифр номера, выбитого на лезвии ножа, недостаточно хорошо просматривалась. На это мне пришлось заметить, что номер не я сам на лезвии выбивал, какой уж есть. Видимо, совесть все-таки шевельнулась у них в душе, и они понуро вышли из купе.

И ЕЩЕ НЕМНОГО О «ФИНИКАХ»

Ехал я из Чечни летом в отпуск. Он обещал быть приятным, планов было много. Сначала заехал в гости к сослуживцам в Майкоп, там побыл дня четыре. Потом добрался до Ростова, где и «завис» на несколько дней. Следующая остановка, по плану, предстояла в Воронеже.

И поехали мы с друзьями отдыхать, шашлыками баловаться в красивые и по-своему живописные места под Ростовом – где речка Аксай в Дон впадает. Мне говорили ребята, что эти места в Ростове лучшими для отдыха считаются, а также для строительства дач и коттеджей.

Вот и мы расположились неподалеку от одного коттеджного поселка. Домишки там были все как на подбор – богатые и красивые. Честно сказать, в такой «хижине» Стивену Сигалу или Чаку Норрису не стыдно было бы поселиться. С размахом строили люди, в несколько этажей.

Мы сидели, выпивали и закусывали, когда один из участников нашей веселой компании вдруг спросил: «Ребята, а вы знаете, чьи это в основной своей массе коттеджи?» Ну откуда нам было знать? А он продолжал: «Большинство этих домиков принадлежит военным финансистам». Все примолкли, это произвело впечатление. Потом кто-то произнес: «Научите меня, как на офицерский оклад такой домик построить?»

Всем известно, что на офицерский оклад дом никак не построить. Мало того, сейчас на этот оклад жить более или менее прилично невозможно. В армии продолжают служить только те, кому до пенсии осталось совсем чуть-чуть, жалко уже бросать. Либо просто деваться некуда, хочется со временем своей квартирой обзавестись, а других вариантов нет, хоть и придется ожидать ее лет двадцать пять.

Так как же все-таки можно построить дом на офицерский оклад? Да никак! Но это, разумеется, если не воруешь. А если воруешь, то очень даже возможно. Меня всегда удивляло, почему никто не заставит наших «фиников» и прочих «деятелей» заполнить декларацию о доходах? Тогда многое стало бы понятней: откуда у них дома, дорогие автомобили и другая роскошь.

На тот момент уже ни для кого не было секретом, что офицеры, прапорщики и контрактники, отслужившие в Чечне, не могут в полном объеме получить свои боевые деньги. Даже в тех случаях, когда у них на руках имелось решение суда. Эти денежные средства, как в «черную дыру», пропадали неизвестно куда.

Знал об этом и я. Но тогда не придал особого значения тому разговору, состоявшемуся на берегу речки Аксай. А вскоре и вовсе забыл о нем. Все это меня на тот момент еще не касалось. А потом пришло время, когда и самому пришлось столкнуться с этим гнусным вопросом и испытать весь этот произвол на себе.

Мне тоже впоследствии пришлось бороться за свои заработанные деньги. Увы, в этой борьбе я потерпел поражение. История эта долгая, захватывающая и интересная. По ней можно писать сценарий к телесериалу. Замечательная получится «киноопупея», что-то типа «Санта-Барбары». Но это тема уже совсем другого рассказа, и, возможно, мы скоро вернемся к ней. Кстати, денег своих я по сей день так и не получил. Может быть, на эти «денюшки» какой-нибудь окружной финансист себе уже баньку на даче отстроил? Попробуй ее теперь у него забери!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАГРАДАХ

В первую чеченскую войну министр обороны Павел Грачев говорил: «Наград не жалеть». Но, надо признать, что кому попало направо и налево их тогда все же не раздавали. Хотя из моих знакомых, кто

тогда там побывал, награждены были практически все.

А вот во вторую чеченскую войну положение дел изменилось кардинально – не награждали почти никого. Все случаи награждения в нашей части у меня очень хорошо сохранились в памяти, потому что их можно пересчитать по пальцам. Единичные случаи. Ну просто жлобство какое-то. Никто этого не мог понять. Причем из части наградные представления уходили на всех достойных в Ханкалу регулярно, но там – все, бесследно исчезали. Уходили они потом в штаб Северо-Кавказского округа или нет – неизвестно, но правды ни у кого нельзя было добиться.

И только потом нам пролил свет на этот вопрос один подвыпивший штабной прапорщик, с которым довелось подружиться. Он удивился нашей дремучести в этом деле и, прищурившись, заявил: «А следует находиться не там, где награды зарабатывают, а там, где их дают. И вообще, ваши подвиги никому не нужны, а нужны деньги». Из дальнейшего разговора с ним выяснилось, что на все награды имеется определенный тариф, причем не очень высокий, вполне доступный для каждого. Это сразу нам показалось диким, не хотелось верить услышанному. Надеялись, что прапор просто спьяну наврал.

Но вскоре выяснилось – нет, штабной прапор сказал правду. И расценки на награды были примерно такими, как он указал. А весь механизм получения награды был простой: сам на себя пишешь наградное представление, левой ногой подделываешь подписи должностных лиц, просто в нужных местах ставишь обычные закорючки, и едешь сразу в Ростов. Там отдаешь представление и платишь деньги. Все. Остается ждать, причем не так долго. И вскоре «награда находит героя».

Конечно, я не хочу сказать, что все награды в Чечне получали именно таким способом. Совсем нет. В основном они были, вне всякого сомнения, заслуженны. Мало того, число людей, достойных награждения, было значительно больше, чем реально получивших награды.

Но, к сожалению, должен признать, что кто-то сейчас носит награды купленные. И пускай этих людей не так много, но тем не менее...

Довелось мне как-то побывать на сборах в Ханкале. В качестве обучаемого, разумеется. Три дня нас там учили уму-разуму и премудростям организации жизнедеятельности войск в полевых условиях. Это при том, что многие из нас уже около полутора лет прослужили в Чечне, многому научились и кое-что понимали.

В один из дней сборов нам показали, как правильно следует развертывать казарменное помещение, солдатскую столовую и полковой медицинский пункт, используя стандартные армейские палатки. В чистом поле было установлено несколько палаток, каждая под определенный объект: казарма, столовая, медпункт и т.д. Заходишь в них, а внутри – красотища: кровати и мебель новые, полотенца и постельные принадлежности первой категории, полы настелены из деревянных щитов. В Чечне подобное можно было увидеть именно на показных занятиях, но только не в реальной обстановке.

Мы палатки разворачивали внутри подходящих разрушенных зданий, чтобы остатки стен служили защитой при обстрелах. А если развалин поблизости не было, то приходилось отрывать котлован нужной глубины и в него устанавливать палатку. Пули и осколки тогда были не страшны, но появлялась другая беда – в палатке постоянно было сыро и грязно.

А занятия эти с нами проводили офицеры штаба группировки: начальники вещевой, продовольственной и медицинской служб соответственно. Когда они выступали, мы невольно обращали внимание на ряды наградных колодок на их кителях. Стали к ним приглядываться, и обнаружилось: начвещи, начпроды и начмеды награждены почти всем, чем может быть награжден настоящий боевой офицер. Складывалось впечатление, что тыловики не выходят из рукопашных схваток, от боя отвлекаются только на короткое время для подсчета банок тушенки и солдатских портянок. А все остальное время воюют не останавливаясь.

С нами в строю стоял комендант веденской комендатуры. Ведено – известное «гнилое» место, и служба там соответствующая. Но у старого полковника на груди были только знаки «За службу на Кавказе» и «Участник боевых действий». Больше офицера не нашлось чем наградить.

Впоследствии приходилось встречать многих ребят, прошедших Чечню. Никаких наград они не имели. Когда разговор касался этой темы, они пожимали плечами и пытались отшучиваться.

С той поры я многому перестал удивляться. Например, встречая командира разведвзвода, провоевавшего два года в Чечне и не имеющего наград. Не удивляюсь уже, увидев начальника продовольственной службы полка с медалью «За отвагу» или заместителя командира по тылу с орденом Мужества. А все братья Ямадаевы – Герои России.

Между прочим, финансисты тоже довольно часто оказывались в списках награжденных. Но мы тогда уже кое-что стали понимать в этих вопросах, и только смеялись, что начфин снова получил медаль «За взятие кредита». А над собой шутили, называя себя «трижды орденоносец и четыре не дали».

Но ничего нового не происходит, на любой войне имеют место такие случаи, как весьма странное распределение и получение боевых наград. Стоит только почитать воспоминания ветеранов Великой Отечественной или «афганцев», там подобное было сплошь и рядом. Во вторую чеченскую войну вопрос награждения, как и многие другие вопросы, тоже был поставлен на коммерческую основу. К сожалению.

А на Родину мы не в обиде, Россия здесь ни при чем, и ее вины в этом нет. Для нее мы делали все, что могли. И будем делать впредь. Но виновные есть – это конкретные люди с конкретными именами, в конкретных воинских званиях, находящиеся на конкретных должностях. На том и заканчиваю. Честь имею.

КАК СЛУЖИЛИ В ГСВГ

(Записки советского офицера)

Евгений СЕМЕЧАЕВСКИЙ

От этих бесхитростных и по своей сути очень добрых, пронизанных любовью к армии заметок действительно веет именно НОСТАЛЬГИЕЙ. Потому мы и поставили такую рубрику.

Это ностальгия по настоящей, полнокровной и полноценной службе, которая была в Советской Армии. Наверное, многие, кому довелось служить в те времена, невольно тепло улыбнутся, уже прочитав заголовок. Да, каждому былому советскому офицеру есть что вспомнить. Разумеется, хорошее.

Остается лишь сказать, что автор этих воспоминаний Евгений Германович Семечаевский служил в Группе советских войск в Германии (с 1989 года – Западная группа войск) в 286-й гвардейской Краснознаменной, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого Пражской самоходно-гаубичной артиллерийской бригаде.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

Бригада, в которой я начинал служить, осталась в моей памяти как самое яркое воспоминание не только в службе, но и в жизни. Я по-настоящему занимался тем, чему меня учили, было очень интересно. Конечно, случались и неприятные моменты, но они забылись.

Когда мы, молодые лейтенанты, прибыли в бригаду, нас отправили прямо на винтовочный артиллерийский полигон (ВАП). Там проверяли, кто из нас может быть командиром 1-го огневого взвода, а кто – командиром взвода управления батареи. В бригаде командир 1-го огневого взвода не был старшим офицером батареи («собом»). Надо сказать, эта должность была освобожденной, «соб» являлся заместителем командира батареи.

Отстрелялся я тогда неплохо, но меня назначили командиром взвода управления в 7-ю батарею. Кто-то из принимавших стрельбу после ее окончания ненавязчиво посоветовал мне:

– Семечаевский, вот вам пять марок, купите, пожалуйста, пару бутылочек коньячку и что-нибудь закусить, отметим ваше назначение...

– Так не хватит пяти марок, – удивленно и наивно отвечал я.

– Вы неплохо стреляли, разберетесь...

Это было начало. Что греха таить, первый месяц нас проверяли на прочность...

Прибыл я как-то в парк проверять и принимать технику. На подходе к дивизиону меня встретил зампотех Дмитрий Иванович Новиков со словами: «Вы, товарищ лейтенант, почему в подштанниках?» Я долго не мог понять, чего от меня хотят, пока не был отправлен переодеваться в комбинезон. Пытался объяснить, что я, мол, командир взвода и сам решаю, в чем мне ходить. Дальше мне было очень популярно объяснено, куда идти и что делать. Я быстрыми шажками перемещался в казарму...

Новикова солдаты между собой называли дядей Димой. Я потом долго обходил его стороной. Дядя Дима запомнился и тем, что, когда в 1987 году загорелась самоходка, он вывел ее, горящую, за пределы парка боевой техники. Это был поступок настоящего офицера, за что он получил медаль «За боевые заслуги».

Через месяц мы выехали в учебный центр, где мой механик-водитель пересел на «собовскую» машину, а у меня временно никого не осталось. Как назло, «закусило» вторую и заднюю передачу (это была болезнь наших МТЛБУ). Меня бросили в поле рядом с машиной, командир батареи капитан Александр Георгиевич Игнатов пересел на 4-е орудие.

Батарея ушла. Я мужественно стал восстанавливать машину. К трем часам ночи вытащил все: полики, саму кулису, все рычаги, все тяги. Все лежало на броне. В машине осталась только голая коробка передач. Молотком бил по кулакам, но они не двигались с места.

Только утром приехал Сережка Храбров (механик-водитель «соба»). Залез в машину, выжал сцепление, что забыл сделать я, и, легко постукивая молоточком, поставил обе передачи на место...

Я готов был провалиться сквозь землю. Но Сережка был парень замечательный и никому не рассказал о ночной работе горе-лейтенанта.

Командиром взвода управления я пробыл недолго. Через 8 месяцев стал «собом» 4-й батареи. Не секрет, что это было престижно: должность освобожденная, а если «соб» был стреляющий, то уважение проявлялось не только со стороны командования, но и рядового состава. За каждую успешную стрельбу кто-то ехал в отпуск. Из дивизиона же за учебный период уезжали 3–4 человека.

Однако с новым назначением начался кошмар в моей службе. После рассудительного, очень внимательного, толкового и уже бывалого по воз-

расту командира батареи Игнатова я попал в руки к старшему лейтенанту Александру Васильевичу Кревскому. Сейчас все вспоминается с юмором, но тогда было не до смеха. Бедные бойцы и я вместе с ними! Телепрограмма «Служу Советскому Союзу» отдыхала! В программе все по уставу, а у нас было так, как скажет комбат. Много мата, ругани, и все должны были передвигаться только бегом! Все это для того, чтобы стать лучшими в бригаде.

Надо сказать, что сам Кревский стрелял отлично. Умел и организовать всех независимо от национальности, возраста, звания, положения и т.д. Вскоре он был назначен начальником штаба дивизиона.

МОСКОВСКАЯ ПРОВЕРКА

...Главная инспекция Министерства обороны СССР. 1987 год. Такая проверка была в моеей службе всего один раз. Но этого хватило для воспоминаний на всю жизнь.

Хорошо помню начало проверки и строевой смотр. Проводил его генерал армии Сорокин. Если учесть, что командира бригады, подполковника, я обычно видел только в понедельник и издали, то от вида большого количества генералов на плацу у всех нас захватило дух...

После строевого смотра и сдачи строевой подготовки мы отправились в парк. Тут неожиданно приехал заместитель начальника инспекции по артиллерии генерал-полковник Кляпин. Он стал ходить по парку, выспрашивать, высматривать: сколько масла в запасе, где боекомплект, все ли загружено и т.д. Мы были предупреждены, что инспекция любит поднять по тревоге и проверить боевую готовность. Так что отнеслись спокойно. Ну, выгонят из парка, а потом назад.

Однако все пошло так, как никто из нас не мог предположить даже в страшном сне.

Когда пошел сигнал, мы легко вывели машины из парка, построили их в колоны и ждали обычной команды «Отбой», чтобы вернуться обратно.

Вместо этого поступил приказ: «Марш своим ходом». Причем не на близлежащий Крампницкий учебный центр, а на Ютербогский полигон, до которого километров шестьдесят.

Мы успели взять только оружие и тревожные чемоданы. На марш отправились кто в чем – кто в парадной (!) форме, не успев переодеться, кто в повседневной, кто в комбинезоне, кто в плаще...

Нет, до конца еще не верилось... Началось движение. Прошли мост, он был полностью застелен резиной. Ну, думаю, все равно только на погрузку идем, ведь другой дороги нет. Каково же было мое удивление, когда мы выехали на автобан и пошли в сопровождении машин! Шли всей бригадой, а это около ста единиц гусеничной техники и несколько сот автомобильной.

Чудеса марша невозможно описать. В третьем дивизионе заклинило двигатель – новый «вбросили» за ночь. Машина настигла нас и стала в строй. Машины с боеприпасами, не заводившиеся, скажем так, со времен Великой Отечественной, шли в автомобильной колонне. Их тащили. Двигатели стреляли, пыхтели, дымились. Но все-таки доползли. Марш длился всю ночь. Утром прибыли на полигон. Все ждали команды привести себя в порядок и т.п. Очень хотелось есть.

Окончательно мы все перестали удивляться, когда получили команду на занятие боевого порядка. Через каких-то двадцать минут мы открыли огонь. Без ограничителей стволов, без обычной в таких случаях сложной подготовки и проверки начальником директрисы. Огонь вели для контроля, но всеми орудиями.

Шли вторые сутки. Пару часов мы поспали и все ждали команды «Отбой». Особенно тяжело было механикам-водителям. Машины были неновые, и если сразу не завел, то воздуха на вторую заводку уже не хватало. Огневые позиции перемещались постоянно, хоть и на небольшие расстояния, до 500 метров, но мучило и это. Специалистам не надо объяснять, что боеприпасы мы тащили за собой. Не успели выгрузить – идет команда на новое перемещение. И так много раз.

Вместо «Отбой» поступила команда приготовиться к совершению марша на «Магдебург» (Магдебургский полигон, самый большой в ГСВГ). Все «потухли»...

...Дальнейшие действия выполнялись как во сне, в «зомбированном» состоянии. Опять марш своим ходом... Правда, прибыв на полигон, уже успели сделать привязку на местности, провести подготовительную работу. После занятия боевого порядка время останавливали по разрыву снаряда. Это был верх совершенства нашей бригады, демонстрация ее возможностей.

Приехал генерал армии Сорокин. Генерал-полковник Кляпин доложил ему, что оценка «плавает» между «хорошо» и «удовлетворительно», проверяющие не могут определиться. Никто не ожидал последовавшего предложения. Прозвучало оно приблизительно так: «Ну что, комбриг, принимай решение. Выбери одну батарею, пусть она выполнит огневую задачу. Какую оценку получит батарея – ту и получит бригада в целом. Или будем мучить вас дальше».

В это время мы находились на огневой позиции и о принятом решении не знали. Мой наблюдатель доложил, что в нашем направлении по полю мчат уазики. Выглядываю из люка, смотрю – быстро едут, вроде к нам... Боже, прямо ко мне! И тут началось... Какие-то генералы, полковники окружили мою «собовку», у меня от страха голос пропал. Спасибо Кревскому, он парень прямой и всех их отправил куда подальше. Проверяющие отошли от машины и наблюдали издалека. С КНП передали, что стреляет командир 4-й батареи старший лейтенант Коноплев. Данные для стрельбы готовились на огневой.

За подготовку данных я не переживал: начальник штаба дивизиона Кревский трижды предупредил, что проверит данные и на ЭВМ, и на ПУО (приборе управления огнем). Командиры взводов, и не только мои, а всего дивизиона, были уже возле моих орудий.

В такие моменты память отчетливо фиксирует мелочи. Вспоминаю такой момент – командир дивизии генерал-майор Мардасов подточил карандашик и передал его Коноплеву. Сегодня я понимаю его, он всем своим видом пытался сказать: мол, не переживайте, мужики, все нормально, мы рядом.

Переживания же мои больше всего были связаны с орудиями. Все, кто служил в то время, знают – не было такого, чтобы не заклинило досылатель, или он вдруг «передумал» опускаться. Или клин затвора не закрывается. В общем, постоянно что-то происходило, что-то где-то клинило.

Пошла команда. Передо мной секундомер, работали четко. Проходит 10 секунд, дирекционный угол и дальность уже у меня, отлично. Начал подавать команду, стараюсь говорить медленно и четко. Через 25 секунд пошел прицел и доворот. С огневой передали: «Один снаряд залпом, огонь». Плохо, времени не оставили.

Командир основного орудия Юрка Ледащев не подвел. Закончив повторять команду, сразу сказал: «Четвертое готово. Угломер такой-то».

Дальше – тишина. Перевалили за минуту. Подтянулись остальные, кто был рядом. Больше всего я удивился, когда, высунувшись из люка с тангентой в руке, глаза в глаза столкнулся с

начальником политотдела бригады подполковником Ветошкиным.

Слышу доклады: «Первое готово. Второе готово. Третье готово. Пятое готово. Шестое готово. Седьмое готово. Восьмое готово». Смотрю, времени еще вагон. Оглянулся: телефонист машины начальника штаба дивизиона держит большой палец вверх – значит, прицел и доворот верный. Ну, с Богом... «Батарея, залпом – раз... два... три!» Грохот, слышу в наушниках: «Первое – выстрел. Второе – выстрел» – и так далее все восемь орудий. Про себя думаю: надо же, ничего не застряло и осечки не было.

Дальше, огневики меня поймут, пошли минуты ожидания, самые напряженные. Там, на КНП, уже радовались и обнимались с Сашей Коноплевым, а мы сидели еще целых четыре минуты, ждали. Потом, когда уазики рванули на КНП, стало ясно, что цель поражена. Меня, конечно, все обнимали, поздравляли. Поступила команда «Отбой»...

Но на этом история не закончилась. С КНП звонит комбат и говорит: «Женя, остаешься сам, я буду завтра. Не расслабляйся, проверь все, особенно оружие, боеприпасы, шмотки. Только потом можете отдохнуть». Я даже не спросил, куда он едет. Мы собрались, выстроились в колоны.

Обратно, естественно, шли уже эшелоном. Если кто из служивших в Германии помнит, эшелон можно было заказать только за пять суток. То есть отдыхаем, чистим орудия, технику приводим в порядок. Смотрю, какой-то щеголь в новой форме идет к нам и улыбается. Саша Коноплев! Но не могу понять, почему блестит весь, вымытый и чистый, новые сапоги сияют, и на погонах – очень много звезд.

Так он же уже капитан! Вначале был шок, потом Саша рассказал, что привезли его в Вюнсдорф, в штаб ГСВГ. Начальник вещевой службы его одевал лично. А вручал погоны... лично министр обороны Язов!

Второй шок для меня был, когда мы вернулись на зимние квартиры и после сдачи инспекции начались кадровые перемещения. Начальник политотдела бригады стал начпо дивизии, наш командир дивизиона майор Курганский ушел в Альтенграбов на начальника штаба бригады. Сколько орденов и медалей было вручено! А из 4-й батареи солдат и сержантов в отпуск уехало аж восемь человек, я уже молчу про благодарственные письма на родину и грамоты.

Саша Коноплев заменился в Союз, и я принял 4-ю батарею. Прокомандовал месяц, как вдруг приехал новый командир батареи, и я снова стал «собом»... Вмешался комбриг полковник Караваев. Он пробил эту стену, и меня назначили командиром батареи, только 6-й.

(В дальнейшем свою 6-ю батарею я успел сделать лучшей в бригаде, но полного удовлетворения не получил: не хватило времени, чтобы реализовать все задуманное. В мае 1990 года я заменился в Союз и уехал на Украину.)

«ФЕЛИЧИТА» НА ПРОЩАНИЕ...

Теперь расскажу о некоторых людях, которые особенно запомнились по службе в 4-й батарее.

Незабываемый случай произошел с одним из сержантов. Фамилия его была Ткаченко, а имени уже, к сожалению, не помню. В то время он был просто выдающейся личностью. Окончив три курса Московской консерватории, попал служить в артиллерию! Конечно, это издержки того времени. Играл на всех музыкальных инструментах, какие мы ему находили. Гармошки, баяны, аккордеоны, гитара – все ему было под силу. И главное, как в нынешнем фильме «Диверсант», он мог подобрать любую мелодию, расписать аккорды, просто слыша музыку, не беря в руки инструмент.

Однажды мы разгружали боеприпасы. Ткаченко загнал занозу в безымянный палец. Вытащить сам не смог и никому ничего не сказал – парень был очень скромный, интеллигент в лучшем смысле этого слова. А тут еще надо заступать в караул, ему – разводящим.

После караула пошел в санчасть, и какой-то горе-фельдшер решил промыть рану, предварительно надрезав ее. Зацепил нерв.

И рука после этого стала автоматически самостоятельно подниматься и переворачиваться. Мы были в шоке. Парня увезли в госпиталь. А на строевом смотре (во время той самой вышеописанной мною московской инспекции) старший лейтенант Кревский, когда очередь дошла до него, докладывает: «Товарищ генерал армии, у меня есть жалоба и заявление!» Тут подтянулись генералы и офицеры политуправления Группы войск. Честь и хвала генералу армии Сорокину. Выслушав всю историю, он поворачивается к начальнику медицинской службы Группы, тоже генералу:

– Чем можно помочь?

– Только в госпиталь Бурденко.

– Тогда возьмите мой самолет и отправьте парня. Пока идет инспекция, пусть посмотрят.

Ткаченко сделали операцию. Естественно, палец ему заблокировали, и он не двигался, но главное – рука работала. Тем не менее вот тебе и карьера музыканта...

Он на самом деле парень золотой, произошедшее никому не ставил в вину. Вел себя по-мужски. Когда в Москве ему предлагали дослужить и уволиться на месте, он отказался, придумав историю, что не сдал оружие и т.д. И сам поехал опять в бригаду. При этом на протяжении пути приходилось объяснять всем патрулям, офицерам свою историю, ведь честь он мог отдавать только сложенной кистью, как будто в ней мячик. А когда приехал в бригаду, тут же наступило время увольняться.

Конечно, все офицеры были тронуты поступком этого сержанта. Вышли перед штабом и провожали всем дивизионом, когда увольняющиеся садились в машину. И вдруг Ткаченко просит подождать минуту и убегает в расположение батареи. Потом появляется оттуда с трехрядной гармошкой. Тремя пальцами правой руки – указательным, средним, мизинцем – и, естественно, левой рукой начал наигрывать «Феличиту» – итальянская музыка в то

время была очень модной. Смотря на это, мы не могли сдержать слез...

«ПОПУГАЙ ПОВЕСИЛСЯ!»

После «учебки» к нам в 4-ю батарею попал младший сержант Рома Разумный, очень добродушный и симпатичный паренек.

Для начала расскажу о его физических способностях. Мы иногда устраивали соревнования, кто больше подтянется или сделает подъем переворотом. И Рома делал подъем переворотом не по количеству раз, а на время! На счете после шестидесяти все сбивались, а он продолжал крутиться.

Надо еще раз сказать и об упомянутом ранее командире батареи Кревском, его характере и способах воспитания. Если какое-то ЧП происходило, то с полной выкладкой, в противогазах и с вещмешками за спиной, бегали не только бойцы, но и все офицеры батареи, ничем не отличаясь.

Так вот, купили мы двух попугаев. И чтобы им было уютно, построили в углу казармы своеобразный павильон. Для этого отгородили участок леской, протянув ее от пола до потолка, на расстоянии сантиметра нить от нити. Естественно, при натягивании появились петли разных размеров, но тогда мы не обращали на это внимания (почему я упоминаю об этом, станет ясно далее).

Кстати, нашего комбата возмутил приказ заместителя бригады по тылу, требовавшего записать птичек в... книгу учета материальных средств! Это был нонсенс, но делать было нечего. Записали. И теперь каждое утро при докладе комбату о происшествиях дежурный сообщал и о самочувствии попугаев. Кревский проходил вперед и, посмотрев на них, удалялся в канцелярию (отмечая каждый день, что все плохо, и давая указания, что надо сделать).

И вот стою я как-то ответственным по батарее. Ночью тихонько улегся на свободную койку, приоткрыв дверь. Вдруг будит меня Рома, который стоял дежурным по батарее:

– Товарищ лейтенант, тут такое дело, попугай сдох!

Я посмотрел на него, посочувствовал и попытался продолжить прерванный сон. Но Рома начал причитать: дескать, мне конец, почему он умер именно на моем дежурстве, это какой-то рок судьбы, ведь у меня отец лесничий и т.д. Я пытался успокоить его, но мои старания были тщетны.

Рома не унимался. Пробовал посадить попугая на жердочку, прикрепив его пластилином, но тот падал. Тогда он пытался как-то усадить попугая внизу, упирая клювом в тарелочку, как будто тот пьет воду. Главное для него было – комбату доложить, а дальше будет видно. Так Рома и провел возле умершей птицы всю ночь.

Утро. Все копошатся, бегают. Рома бледный. Его замкнуло, он в ступоре, ничего не слышит и не понимает, что происходит. Приходит комбат. Рома подходит строевым шагом, нога поднимается на уровень подбородка: «Товарищ, старший лейтенант, во время моего дежурства происшествий не случилось, за исключением: попугай сдох».

Если б Рома сказал как-то мягче, реакция была бы, возможно, другая, но тут посыпался поток самых «добрых и ласковых» слов в адрес сержанта. Рев стоял до обеда, типа: вы убийца, товарищ сержант, на тумбочке будете стоять до дембеля! В итоге Рома с того дня дежурил постоянно. Утром его снимали с наряда, а после обеда он шел на инструктаж, заступая снова.

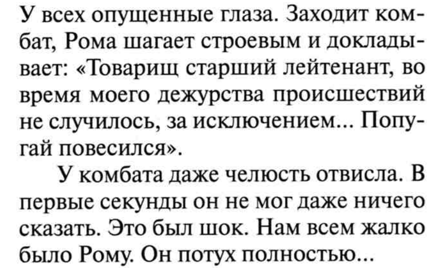
Так прошло недели три. Я вновь стою ответственным по батарее. То есть потихоньку сплю. Вдруг меня будит Рома и говорит: «Товарищ лейтенант, попугай...»

Я сам был в шоке, говорю: не может быть! Так вот, картина оказалась следующей. Попугай летал и пытался присесть на леску, всунул голову в петлю, крыльями взмахнул, и жизнь оставила его.

Рома плакал от бессилия. Даже я растерялся. Рома повторял попытки по опыту прошлого происшествия, пытаясь посадить мертвую птицу на жердочку или клювиком в тарелочку, но она падала.

Утро... Вокруг в дивизионе суета, а в батарее – тишина. Мертвая тишина.

У всех опущенные глаза. Заходит комбат, Рома шагает строевым и докладывает: «Товарищ старший лейтенант, во время моего дежурства происшествий не случилось, за исключением... Попугай повесился».

У комбата даже челюсть отвисла. В первые секунды он не мог даже ничего сказать. Это был шок. Нам всем жалко было Рому. Он потух полностью...

И вот как-то работаем мы в парке, чистим клинья затворов. С Ромой это делать было легко, он один их доставал из орудия, носил сам. Вдруг приезжает командир дивизии. Строит батарею и начинает задавать вопросы. В основном они касались нормативов («к бою», «отбой» и т.д.). Если бойцы отвечали неправильно, спрашивал меня. А Рома был на своей волне. Ему было все равно, кто перед ним, хоть министр обороны. Тут вопрос:

– Сколько надо времени, чтобы разобрать клин?

Естественно, стал отвечать Рома.

Последний вопрос:

– А вы можете разобрать и собрать клин затвора на время?

– Могу, – отвечает Рома.

Я не помню, сколько там отводится времени, но со своей силищей сержант разобрал и собрал его, как картонный ящичек (артиллеристы хорошо знают, каково приходится вставлять пружину с ударником в клин затвора гаубицы 2С3). В общем, генерал был поражен. Вывел Рому из строя и объявил ему десять суток отпуска. Приказал отпустить прямо завтра. Приходим в батарею, я докладываю комбату. Тот в ответ: «Только через мой труп».

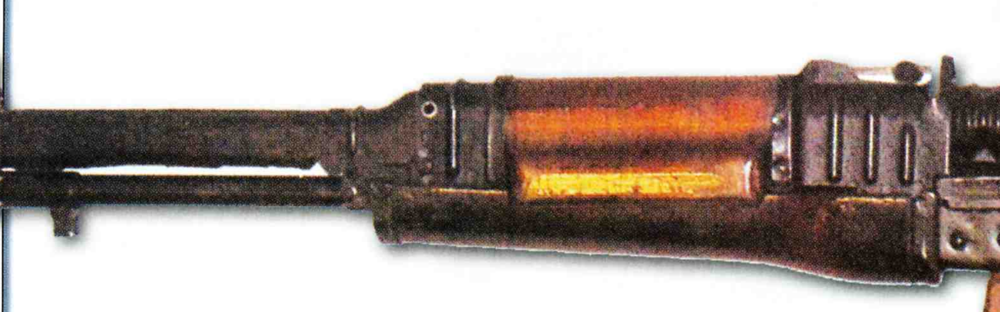
Но Рома все-таки уехал. Все советовали ему не возвращаться, придумать что угодно – перевестись в другую часть и т.д. Кревский сам был удивлен, когда сержант вернулся. Но их отношения в корне изменились. Рома приехал другим человеком, повзрослевшим. Был назначен замкомвзвода, а под дембель стал старшиной. Ему доверяли все. Заставить сделать какую-нибудь гадость его никто не мог. И напугать чем-то после того, что он пережил, тоже не мог никто.

Рому очень любили все, а офицеры уважали за честность и справедливость. Все мы до конца службы его называли только по имени. Он всегда защищал младшие призывы и никогда не прогибал спину...

ГАЛЕРЕЯ

СА-006 – автомат с уравновешенным импульсом отдачи подвижных частей или иначе «со сбалансированной автоматикой». Аббревиатура «СА» состоит из начальных букв слов «сбалансированная автоматика».

Этот автомат был разработан в начале 70-х гг. прошлого столетия в СКБ Ковровского механического завода (КМЗ) начальником СКБ А. Константиновым и его заместителем С. Кокшаровым. Теоретическую помощь осуществляли профессор М. Тарасов, руководивший расчетной группой, и П. Ткачев – старший научный сотрудник ЦНИИТочМаш, изобретатель схемы оружия со сбалансированной автоматикой и создатель первого автомата – АО38 по такой схеме.

Работы по поиску путей повышения эффективности стрельбы из автомата велись с самого начала постановки АК-47 на вооружение, так как его эффективность стрельбы, особенно из неустойчивых положений (стоя и с колена), не соответствовала требованиям военных. Для этого была даже открыта госбюджетная тема «Абакан».

Весьма результативным участником этих работ был ведущий конструктор Тульского ЦКБ-14 Г.А. Коробов.

Согласно теоретическим исследованиям Ткачева, для выполнения поставленной задачи необходимо было выполнить два условия:

– разработать патрон с импульсом, меньшим чем у патрона обр. 1943 г.;

– изыскать «спокойные» схемы оружия, вызывающие при автоматической стрельбе минимальные его колебания.

Первый образец патрона с производственным индексом МЖВ был разработан в отделе исследования и разработки боеприпасов стрелкового оружия ЦНИИТочМаш.

В основу отечественного патрона был положен охотничий патрон 5,6х39 мм, разработанный в 1955 году известным оружейником 30-х годов прошлого столетия М.Н. Блюмом. Ответственным исполнителем работы назначили недавнюю выпускницу патронно-гильзового факультета Тульского механического института Л. Нечаеву.

Патрон МЖВ имел баллистический импульс 0,5 кгс против 0,78 кгс патрона обр. 1943 года, но дальность прямого выстрела его была примерно на 100 метров больше.

Для испытаний патрона требовалось разработать и изготовить три автомата. Предполагалось получить помощь от ижевских оружейников группы Калашникова, но Калашников, будучи ярым противником уменьшения калибра автомата, в помощи патронщикам ЦНИИТочМаш отказал. Работа была срочно выполнена лично Ткачевым, который просто перестволил три АК-47. Войсковые испытания показали целесообразность выбранного направления. Сомнения вызывала возможность отработки малокалиберной пули достаточного останавливающего действия.

Эту проблему решили за счет уменьшения гиростабилизации пули на траектории.

Доработку патрона провела в том же отделе ответственный исполнитель Лидия Булавская – инженер-оружейник.

Сам по себе новый патрон в значительной мере уже решал поставленную задачу, но при одновременном использовании более устойчивого при стрельбе оружия следовало ожидать дополнительного выигрыша.

В своей основе автомат СА-006 является обычным оружием газоотводного типа с жестким запиранием канала ствола поворотным затвором с двумя боевыми упорами. Однако при выстреле на оружие не действуют импульсы газовой каморы и импульсы ударов подвижных частей о ствольную коробку. В сумме это составляет более половины от импульса выстрела. Дело в том, что стебель затвора разделен на две примерно равные массы. Первая из них, именуемая стеблем, несет на себе поворачивающийся затвор и имеет фигурный паз, перемещаясь в котором затвор поворачивается, выполняя операции в откате отпирания, а в накате запирания. Передняя часть этого узла представляет собой газовый поршень, входящий в газовую камору. Вторая часть, именуемая балансиром, также имеет поршень, который входит в газовую камору с противоположной первому поршню стороны. Пороховые газы, проходя в газовую камору через отверстие в стенке ствола, отбрасывают стебель в направлении отката, а балансир вперед. Пороховые газы, истекающие в противоположных направлениях, не создают реакции на оружие. В принципе стебель и балансир представляют собой зубчатые рейки, связанные между собой шестерней. В откате и накате стебель и балансир соударяются между собой, не передавая энергию удара на затворную коробку оружия.

Ударно-спусковой механизм автомата куркового типа с «перехватом» курка. Впервые появился на чехословацкой винтовке ZH-29 и с тех пор заимствован многими отечественными и зарубежными конструкторами. Предохранитель-переводчик представляет собой щиток, в положении предох-

5,4-мм опытный автомат

СА-006

ранения закрывающий щель между крышкой затворной коробки и коробкой. Подобный механизм использован на автомате АК и на самозарядной винтовке «Ремингтон», разработанной в 1908 г. Браунингом. Однако ковровские конструкторы ввели в его состав поворотный флажок, существенно облегчивший манипулирование щитком.

Питание патронами осуществляется из 30-зарядного секторного магазина.

Для войсковых испытаний параллельно с ижевским А-3 (будущим АК-74) было представлено 150 этих автоматов. По результатам испытаний в Московском и Забайкальском военных округах лучшим оказался СА-006, однако на аппаратном уровне предпочтение было отдано автомату А-3.

Основные характеристики

Калибр ствола, мм	5,4
Начальная скорость пули, м/с	890
Масса автомата с магазином без патронов, кг	3,4
Длина автомата, мм	845
Длина ствола, мм	415
Темп стрельбы, выстр. /мин.	800–850
Емкость магазина, патр.	30

ИРАКСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Украинский офицер миссии НАТО рассказывает...

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

(Продолжение. Начало в № 2)

...Итак, из солнечного Неаполя автор этих строк переместился в раскаленный Ирак, чтобы работать по линии миссии НАТО советником при руководстве иракских служб безопасности и правоохранительных органов.

Эта сфера интересна уже сама по себе. Главное отличие в том, что мы занимались реальной работой, а не ее имитацией или бумаготворчеством.

Но прежде чем приступить к рассказу о миссии, считаю нужным обрисовать обстановку, сложившуюся к концу первой «пятилетки» иракской войны, а также некоторые выводы на перспективу.

ИЛЛЮЗИЯ ПОБЕДЫ

Да, моя командировка в Ирак совпала с завершением пятого года войны в этой стране, и тогдашний американский президент Джордж Буш отрапортовал об окончании «успешной» пятилетки «строительства демократии» в Ираке. Увы, его оценка событий выглядела неубедительной, так как шестой год проведения операции «Свобода Ираку» начался с очередной серии ракетных обстрелов американского посольства в Багдаде и широкомасштабной военной операции в Басре (о ней будет рассказано подробно). Видимо, иракские боевики еще не знали о заявлениях американцев, что с середины 2007 года число терактов и военных столкновений в Ираке «снизилось на 60 процентов»... Традиционно местом их наиболее яркого проявления является Багдад. Во время моего пребывания там ежесуточно в городе и его ближайших окрестностях происходило по несколько десятков серьезных инцидентов, связанных с нападения-

ми, обстрелами, подрывами и т.п. Да и в целом по стране на протяжении нескольких месяцев обстановка характеризовалась сложностью и напряженностью, а общее положение дел в сфере безопасности не улучшилось. В результате число иракцев, погибших в месяц моего прибытия, то есть в феврале 2008 года, возросло, составив 674 человека (в январе – 554 человека), а число раненых достигло 847 человек.

Слишком много политических и экономических «игроков» заинтересовано в установлении максимально возможного контроля над страной. Но политики и дипломаты в своих дискуссиях часто забывают, что только граждане Ирака могут определять свое будущее. С другой стороны, само иракское общество далеко не однородно. Наиболее его многочисленными представителями являются шииты, сунниты и курды. И именно они являются основными ключевыми «игроками», от которых зависит будущее страны.

Большой ошибкой Соединенных Штатов можно считать содействие искусственному разделению и противостоянию этих групп населения.

Надо сказать, сейчас сунниты практически исключены из контура легитимной власти в стране, а их представители, которые занимают более-менее серьезные должности в госструктурах, достаточно немногочисленны. К этому нужно добавить, что в основном сунниты проживают на территориях, не имеющих нефтеносных полей и практически лишены допуска к главному богатству нации. Поэтому очевидно, что политика коалиционных сил по разделению иракцев привела лишь к обострению внутреннего конфликта в стране. Есть основания полагать, что если американцам и иракским властям не удастся его урегулировать, то ситуация может выйти из-под контроля. Также нужно упомянуть, что и шииты не являются однородной средой. Среди них есть силы, не получившие власть и доступ к материальным благам и поэтому готовые в любой момент применить силовые методы. Наиболее характерным примером являются представители шиитской радикальной «Армии Махди», которые имеют противоречивые отношения с другой крупной организацией иракских шиитов – «Высшим исламским советом Ирака». (Бои в Басре стали тому более чем убедительным подтверждением.)

...Можно долго по примеру США вкладывать ресурсы и поддерживать ту или иную иракскую политическую силу, но для большинства иракцев, независимо от их принадлежности к религии или слоям населения, все коалиционные войска остаются оккупантами. Уменьшение числа потерь среди войск связано не со стабилизацией обстановки в стране, а с тем, что войска размещены по операционным базам, являющимся фактически хорошо охраняемыми крепостями, отгороженными бетонными стенами от окружающего иракского мира. За их пределы выходят только конвои, патрули, подразделения для проведения рейдов или несения службы на чек-поинтах (типа блокпостов), которые также возвращаются обратно после выполнения задач. Перемещения всех иностранных граждан, работающих по восстановлению разрушенной страны, – только в сопровождении охраны. Те, кто не следует этим простым правилам, например журналисты зарубежных СМИ, полагаются только на удачу.

Большинство иракского населения не воспринимает коалиционные силы независимо от того, под какими лозунгами они здесь находятся. Все улыбки и заверения иракских партнеров о дружбе во время различного рода совместных мероприятий, так же как и искусственно поддерживаемая кампания в СМИ, призванная продемонстрировать успехи иракского общества в строительстве «демократии» в стране по чужим стандартам, являются не более чем самообманом.

Ни одну упомянутую выше сторону победителем в иракском конфликте пока назвать нельзя. Как ни странно, максимальную пользу из ситуации удается извлечь лишь внешним «игрокам» – Турции, у которой появилась возможность решать вопросы борьбы с курдскими повстанцами на территории Ирака, а также Ирану, для которого чем дольше войска коалиции будут связаны иракской проблемой, тем лучше. Ибо даже у такой могущественной страны, как США, появились большие проблемы по одновременному участию в нескольких локальных конфликтах. Наглядное подтверждение этому – Бухарестский саммит НАТО, где одним из главных пунктов повестки дня стала попытка США максимально переложить на партнеров по альянсу «афганскую» и другие проблемы и тем самым высвободить свои ресурсы...

БОРТ НА БАГДАД

На фоне упомянутых событий и состоялась моя командировка в Ирак. А теперь – обо всем по порядку.

Сама процедура перемещения из Неаполя в Багдад началась еще за несколько дней до отлета с оформления и отправки багажа. Вылетающие заполнили бэйджики, в установленное время вынесли свой багаж (включая небольшие контейнеры с личным оружием) ко входу в гостиницу и загрузили его в микроавтобусы, убывшие в аэропорт. В итоге потом при погрузке в самолет никто не тащил на себе десятки килограммов груза, а все шли на посадку в военно-транспортный С-17 ВВС США, как обычные пассажиры, с ручной кладью. При так называемой регистрации на рейс никто не проверял документы и содержимое ручной клади, в отличие от гражданских аэропортов.

Салон самолета дооборудован контейнером с несколькими туалетами. В хвосте самолета разместили несколько поддонов с грузом. Каждого пассажира ждал пакет с подушкой и одеялом. Несмотря на обещания, кормить нас в полете завтраком не стали, поэтому после взлета большинство завалилось спать. Те, кого не устроили сиденья,

предпочли сон на полу грузового салона – кто в спальном мешке, кто на предложенном одеяле.

Приземление экипаж осуществил так мягко, что ему может позавидовать большинство пилотов гражданских авиакомпаний. Прямо во время рулежки начала опускаться рампа. Нам не объясняли причины этого, но очевидно, что при таком раскладе в случае обстрела самолета и его возгорания у пассажиров остается больше шансов на спасение. После выхода с борта несколько автопогрузчиков забрали поддоны с багажом, и вскоре мы увидели, как самолет вылетел в обратном направлении. На аэродроме Багдада, помимо авиации НАТО, довелось увидеть Ан-12, Ил-76 и прочие машины советского производства, которые эксплуатируются авиакомпаниями, выполняющими контракты по перевозке войск и грузов в Ирак.

Сам по себе так называемый военный сектор BIAP, то есть международного аэропорта в Багдаде, фактически является составной частью комплекса военных баз «Виктори» – участка местности в западной части Багдада, своеобразного государства в государстве. Многонациональные силы превратили его в опорную базу своего пребывания в Ираке. По периметру обнесен бетонным забором, скрывающим от визуального наблюдения и прицельного огня из легкого оружия. Территория настолько большая, что по ней организовано регулярное автобусное сообщение.

О ЧЕМ НЕ БОЛИТ ГОЛОВА

Что в НАТО хорошо поставлено, так это то, что человек в зоне конфликта не обременен вопросами быта, потому что здесь есть, кому этим заниматься. Все вопросы обеспечения, даже в зоне боевых действий, возложены на частные гражданские фирмы. Среди самых известных можно упомянуть KBR, но и она далеко не единственная. Рациональное зерно их существования заключается в том, что они берут на себя решение всех вопросов, о которых не должна болеть голова у офицера или солдата, вовлеченного в военный конфликт. Питание, стирка, уборка, транспортное обеспечение, сфера досуга и даже охрана базовых лагерей – все это возложено на «контракторов», как мы их называли. Персонал, набираемый на самые низовые должности, – это, как правило, выходцы из стран «третьего мира», согласные за относительно небольшую зарплату работать в зоне боевых действий.

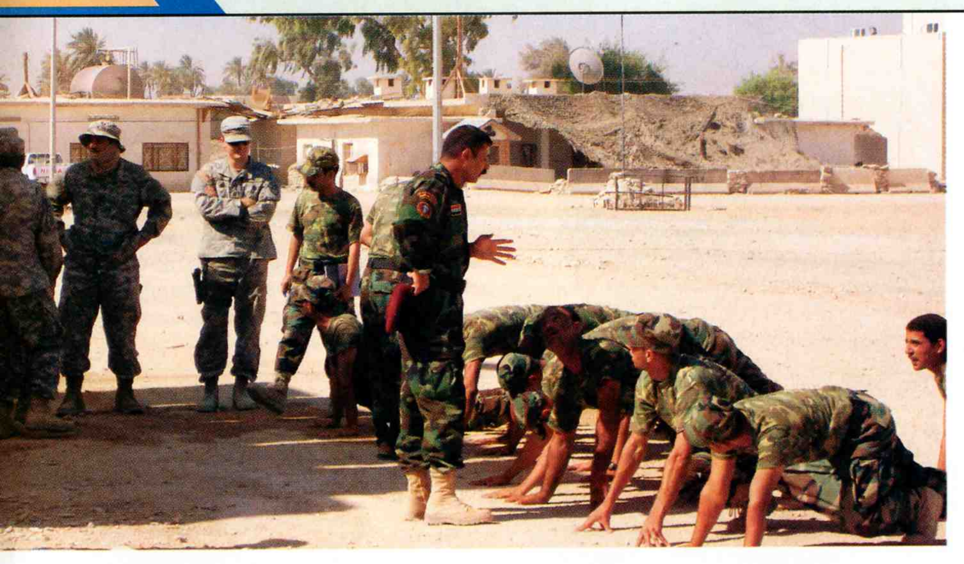
Для военнослужащих, следующих через Багдад транзитом в другие гарнизоны на территории Ирака, предусмотрен временный полевой лагерь. Люди размещаются в огромных палатках, все оборудование которых – раскладные кровати и кондиционеры. Рядом расположены контейнеры с умывальниками и душем. Без всяких формальностей нам указали палатку для размещения и предложили пойти получить одеяла. В каждой палатке есть необходимый минимум услуг и развлечений: бесплатный кофе и чай, напитки, сухие пайки, телевизор, небольшая библиотека и т.п. Никто при этом не контролирует, кто и в каком объеме чем воспользовался.

Для приема пищи развернут огромный ангар. Допуск в него по удостоверениям личности – главное, чтобы ты был военнослужащим войск коалиции. Питание организовано по принципу самообслуживания: посетители подходят к стойкам и выбирают блюда по своему вкусу. Выбор более чем достаточный, но гурманам здесь делать нечего – пища в основном приготовлена из полуфабрикатов и различных консервированных продуктов, фрукты и овощи – преимущественно тепличные, без особого вкуса. Типичный фастфуд американского типа. Он характерен для большинства американских военных баз во всем мире. Если провести аналогии, то их военный «общепит» – это большой «Макдоналдс» в военном исполнении. Здесь начинаешь понимать, почему борьба с избыточным весом у жителей США становится проблемой государственного масштаба... Наши соотечественники, вынужденные во время службы в этом регионе длительное время питаться в таких условиях (а других вариантов практически не существует), от такой пищи сильно поправлялись. Спасал только спортзал, но не у всех хватало желания заниматься.

КАК ХОДЯТ КОНВОИ

Что касается «Виктори», то все транзитные пассажиры ожидают попутных самолетов или вертолетов на другие военные базы в Ираке. А те, кто прибыл в Багдад, могут добраться в город только в составе охраняемых колонн, называемых на американский манер конвоями. Есть также вариант перелета на «Блэк Хоках», но он доступен не для всех, так как существуют определенные процедуры заказа вертолетов.

Для перевозки пассажиров в течение дня обычно формируется около трех конвоев, один из них ночной. Учитывая обстановку в городе, американские военные были вынуждены приобрести специальные бронированные автобусы «райно», что в переводе означает «носорог». Цена каждого – свыше 200 тыс. долларов. Без бронежилета и шлема в автобус никого не пускают. Мои сослуживцы из предыдущей ротации во время переезда на таком «райно» «попали» на фугас. Мне тяжело судить

о мощности заряда, но машину «надлежащим образом» тряхнуло, колеса отлетели, по бронестеклам пошли трещины. Но самое главное то, что пассажиры отделались испугом и ушибами.

Колонну автобусов, в которых мы ехали, сопровождали бронированные «хаммеры». Построение конвоя – впереди «хаммер», за ним два автобуса, потом опять бронемашина и т.д. Дозорная машина не выделялась. Главная надежда – на пулеметчиков «хаммеров». Их башни развернуты в разные стороны. Ночью для большей «убедительности» они светят мощными прожекторами. Также почти на всех машинах установлены генераторы помех радиолиниям управления взрывными устройствами. На головную машину устанавливают резак против мин и фугасов с взрывателями натяжного действия (наблюдал отдельные процедуры прохождения ими перекрестков, мостов и т.д.). Также ситуация на маршруте контролируется патрулями на бронетехнике и чек-поинтами.

ПОСОЛЬСТВО, ОНО ЖЕ И «ГОСТИНИЦА», И «МАЛЕНЬКАЯ АМЕРИКА»

После прибытия багаж пассажиров выложили в длинные ряды и проверили с собаками. Затем последовал первичный инструктаж по мерам безопасности. Раздали временные пропуска и только после этого завели в так называемую «зеленую зону», в который размещаются американское и некоторые другие посольства, иракские правительственные учреждения и проживает большинство иностранцев, работающих в столице.

До момента постоянного расселения все располагались в огромных палатках на территории американского посольства, таких же, как и в аэропорту Багдада. Поэтому на соседних кроватях можно было увидеть представителей всех стран – от рядового до подполковника. Оружие свалено под кроватью. Рядом могут лежать личные вещи в любом количестве и в любом порядке – никто «выравниванием полос на одеялах» не занимается. По большому счету, все отдается на откуп личным качествам конкретного военнослужащего: или ты «свинья», или ты воспитанный человек, способный следить за собой сам. Никто не тратит драгоценное время на чье-либо перевоспитание в зоне военных действий.

Исключение при размещении составляют полковники и генералы, а также военнослужащие-женщины – им временно предоставляются небольшие комнаты в контейнерах. Запомнилось, как тыловики что-то перепутали и забыли внести в VIP-список итальянского бригадного генерала, но он своих амбиций показывать не стал. Вместо контейнера около недели прожил в упомянутой выше палатке, где кроме старших офицеров обитало много американских рядовых и сержантов.

Что бросается в глаза на территории американского посольства, фактически превращенного в гостиницу? Во-первых, все места пребывания людей, начиная от туалетов и заканчивая спортивным залом, обнесены или бетонными защитными плитами, или мешками с песком. Эта мера предосторожности вполне оправданна. Во всяком случае, в течение января 2008 года «зеленая зона» и комплекс баз «Виктори» по два раза подвергались обстрелам. Пятая попытка обстрела в январе 2008 года была предотвращена, когда подразделение коалиционных сил обнаружило на окраине города полтора десятка реактивных снарядов, уже подготовленных к запуску с самодельных деревянных пусковых установок. Но уже с февраля количество ежесуточных обстрелов в некоторые дни доходило до 20–30. Главные огневые средства у боевиков – минометы и пусковые установки реактивных снарядов, иногда в виде импровизированных «самоделок». Между прочим, в коалиционных штабах их называют «катюшами» без всякого перевода и присвоения своих наименований.

Американское посольство расположено в бывшем президентском дворце (вернее, в одном из многих таких дворцов), и на его территории сделана попытка воспроизвести «маленькую Америку». Досуг американских солдат не слишком разнообразный: видеофильмы, Интернет, посещение кафе и PX (аналог нашего «Военторга»), сон. Естественно, у многих из них имеются ноутбуки и компактные проигрыватели DVD. Популярен спортзал, тем более что его оборудование даст фору многим фитнес-клубам. Те же, кто за собой не очень следит, достаточно быстро набирают вес. Несмотря на высокие требования к физической подготовке и ограничения в весе, полного американского военнослужащего в Ираке встретить легко.

БЕЗОПАСНОСТЬ СОБЛЮДАЕТСЯ, НО НЕ ГАРАНТИРУЕТСЯ

Вопрос безопасности занимает отдельное место. Хотя, честно говоря, как специалисту в этих вопросах, мне не составило труда увидеть ряд существенных изъянов, но перечислять их не буду, дабы не оказывать услугу «плохим парням».

С интересом наблюдал за работой различных подразделений, занятых вопросами безопасности. Даже их простое перечисление займет много места, но особого разговора заслуживают VIP-эскорты. Все «уважающие» себя люди ездят на бронированных внедорожниках. На многих в дополнение установлены генераторы помех. Автомобили, на которых работают подразделения охраны, помимо стандартного заводского бронирования имеют много усовершенствований. Например, сразу за лобовым стеклом (уже имеющим определенный класс защиты) установлено на кронштейнах второе бронестекло. Внутри задней части салона смонтирован так называемый бронекороб. Задние сиденья развернуты назад. Через амбразуры в этом «коробе» при открытых задних дверях можно удобно «работать» по преследователям или прикрывать отход.

На одной из центральных площадей Багдада каждый день проводились тренировки по обеспечению безопас-

ности колонн и прочим ее элементам, в том числе и с привлечением американских военных вертолетов. Занятия проводила частная охранная фирма. Судя по интенсивности занятий, клиентов у них хватает.

Только за первую неделю моего пребывания в Багдаде и его ближайших окрестностях произошло около пятидесяти серьезных инцидентов. Например, в нескольких сотнях метров от министерства строительства неизвестный открыл огонь по людям из снайперской винтовки. Также было пресечено три попытки проноса взрывчатых веществ на территорию министерства внутренних дел Ирака. Нападение произошло даже на территории вышеупомянутой и хорошо охраняемой «зеленой зоны» Багдада. Двое неизвестных на мотоциклах приблизились к патрулю коалиционных сил и забросали его гранатами, после чего скрылись. На некоторых улицах столицы из-за угрозы нападений или подрывов были введены запреты или ограничения на передвижение для подразделений коалиционных сил и иракских силовых структур. А в ряде местных СМИ появилась информация о возможности использования террористами беспилотных летательных аппаратов с зарядом взрывчатых веществ и отравляющими веществами.

Поэтому даже «зеленая зона» заполнена многочисленными чекпоинтами, временными пропускными пунктами, патрулями и т.п. Причем они представлены самыми различными структурами: войсками коалиции, так называемой «международной полицией», иракскими военными и местной полицией. Среднее количество машин в патрулях – около четырех. Естественно, все бронированные. Работает мобильное подразделение по противодействию самодельным взрывным устройствам. Над городом висит аэростат наблюдения с набором видеокамер, постоянно барражируют вертолеты. Но полной безопасности никто не гарантирует.

О ЧАСТНИКАХ, ДАЮЩИХ ФОРУ СИЛОВИКАМ

Количество частных военных фирм не поддается никакому описанию. Причем, если кто-то думает, что это преимущественно «вышибалы» на КПП, то он глубоко заблуждается. Их материальной базе могут позавидовать многие силовые структуры. Судите сами, при въезде в военный городок они проверяют машины с применением собак и самого разнообразного досмотрового оборудования. В их составе работают хорошо оснащенные мобильные подразделения по выявлению и обезвреживанию взрывных устройств.

Например, у подразделения, работающего на базе Shield, парк бронированной техники, начиная от защищенных броней внедорожников для VIP-эскортов и заканчивая

БТР и современными патрульными машинами с хорошей противоминной защитой, насчитывает несколько десятков единиц, это достаточно для оснащения целого батальона. На особое впечатление на меня произвел «информационный продукт» информационно-аналитического подразделения этой структуры с ежедневными данными по текущей ситуации в «районе работы» фирмы (он поступал мне для изучения). По содержанию и глубине проработки «продукт» ничем не уступал аналогичным ежедневным докладам, готовящимся в штабах коалиционных сил или иракских силовых структур. Но если в последнем случае над подготовкой этих документов работают государственные и военные структуры с соответствующим аппаратом разведки, управления, связи и т.п., то очевидно, что возможности частной фирмы гораздо меньше, но эффективность работы – аналогичная.

Еще одно занятное наблюдение. Пребывание в Багдаде позволяет увидеть такое количество разнотипной бронетехники, которому может позавидовать любой военный музей. Вопрос защиты личного состава с ее помощью – это тема отдельного разговора. Но если, допустим, в Чечне проблема адаптации бронетехники и автомобилей к противоповстанческим действиям и применению в городских условиях решалась преимущественно подручными средствами, в условиях возможностей самих подразделений или ремроты полка, то Ирак и Афганистан вызвал новую волну заказов на защищенные машины. Для ранее произведенной техники поставлялись заводские модульные комплекты бронезащиты, монтируемые непосредственно в войсках. Хотя очень часто наблюдаются образцы, усовершенствованные в местных условиях с помощью подручных средств.

МЫ БЫЛИ БОЛЬШОЙ И «УДОБНОЙ» ЦЕЛЬЮ…

Большую часть нашего служебного времени мы должны были проводить в офисах различных иракских силовых структур. Но в середине февраля 2008 года вокруг нашего места работы «сгустились тучи». Разведсводки, другие официальные и неофициальные источники информации практически одновременно дали очень похожую информацию о попытках проноса и провоза в здание взрывчатых веществ. Кое-что обнаружили уже непосредственно в «наших» зданиях, другую часть выявили при досмотре людей и машин. Очередной источник отметил угрозу использования начиненной взрывчаткой машины против нашего кортежа. Кроме этого, последней тенденцией стало применение боевиками зарядов ВВ, наспех установленных поверх бетонных ограждений (ими прикрыты основные маршруты движения коалиционной техники и машин местных чиновников и силовых структур). Также, по странному совпадению, в нашем районе участились случаи работы снайперов.

При всем этом с нами работала самая разношерстная публика. Тут и американские военные, причем далеко не всегда имевшие ранее отношение к спецслужбам и правоохранительной тематике; были даже офицеры, входившие до этого в состав экипажей кораблей ВМС. Тут же и группа поли-

цейских из Дании, и набранные по контракту уже в качестве гражданских специалистов отставные офицеры армии и спецслужб из разных стран и т.п. Вся эта «тусовка» после утреннего брифинга по безопасности и проверки радиосвязи рассаживалась по машинам, и мы общей колонной выдвигались с передовой операционной базы через «красную зону» к своим «подсоветным». Естественно, что никакие тактические приемы при передвижении кортежа не применялись. Также никто не потрудился до этого хотя бы «на пальцах» отработать варианты действий в различных кризисных ситуациях (подрывы, обстрелы и т.п.).

После высадки с машин все одной большой толпой шли еще 200—300 метров к «нашим» подъездам, это при том, что вокруг несколько высоких и никем не контролируемых зданий и мест скопления местных граждан. Внутри «нашего» здания ситуация была примерно аналогичной: пропускной режим имитировался, внутри бродили люди, не имеющие никакого отношения к работе расположенных здесь департаментов. О защите информации здесь никто не хотел даже задумываться. Наконец, под самим зданием располагался подземный гараж, где не было особого контроля за прибывающими туда машинами...

Пришлось брать инициативу в свои руки. В принципе к этому времени я для себя уже определил группу вполне вменяемых коллег, имеющих соответствующий опыт и способных обсуждать темы безопасности профессионально. Проанализировав ситуацию и проведя детальную рекогносцировку, вышли на определенные решения и предложения. Руководство отреагировало адекватно: видимо, ощущение того, что мы все являемся одной большой и «удобной» целью, явилось главным аргументом. Отработали необходимые документы, заложили в рабочие и жилые помещения «НЗ» с «джентльменским» набором (ломы, кувалды, дополнительные патроны, осколочные и светозвуковые гранаты, дымовые шашки и т.п.), «пробили» оптимальные маршруты эвакуации в пешем порядке и на машинах через территорию, контролируемую иракцами. Провели занятия в составе кортежей. Более серьезно подошли к регулярным тренировкам в стрельбе, переформатировав их под возможные сценарии окружающей реальности.

23 ФЕВРАЛЯ

Для всех, кто «родом из СНГ», этот день — всегда праздник. Но мы встретили его не без сюрпризов. Первыми нас «поздравили» местные боевики. Примерно в 06.18 прозвучал шелест первых реактивных снарядов. Народ потянулся в укрытия. Нас посетила примерно одна и та же мысль, уже многие десятилетия известная всем «воинам-интернационалистам». Это мысль на тему: « А что я здесь делаю?»

После сигнала сирены «Отбой» боевики сделали еще две серии пусков. Несложные расчеты показали, что огневые позиции были в 3—4 километрах от нас, причем в черте города. Стало непонятно, зачем «вешать» в небе аэростат наблюдения, поднимать в небо вертолеты, жужжащие сутками, устанавливать на вышку радиолокационную станцию разведки позиций стреляющих минометов и т.п., если все обстрелы происходили примерно аналогично?

Оставшаяся часть дня прошла спокойно. Единственной проблемой было то, что разрушения в результате обстрела помешали мастерам с СТО (станции техобслуживания) провести вовремя плановое обслуживание моей машины. Запланированный на следующее утро выезд оказался под угрозой, несмотря на то, что было заказано подразделение охраны, без которого переезды между операционными базами запрещены. Но приятно удивила гибкость моего натовского руководства: тут же перераспределили машины в миссии и нашли мне «шевроле-субурбан» с нормальным уровнем защиты.

Правда, утром при формировании колонны ребята из подразделения сопровождения провели проверку каждой машины и «обрадовали» меня новостью, что в моей отсутствуют домкрат и эвакуационный трос, поэтому они меня отказываются брать в колонну. В принципе это был мой прокол, так как такие вещи нужно выявлять самостоятельно и заблаговременно. Но при этом удивило, что машина уже длительное время эксплуатировалась в этом районе и никому не пришло в голову довести ее «до ума». Пришлось за оставшиеся десять минут совершить «рейд» с элементами экстремального вождения на другой конец «зеленой зоны», произвести «налет» на СТО и после непродолжительных «переговоров» с испуганной ночной сменой мастеров и охраны изъять необходимое из моей старой машины. Это был мой первый опыт вождения «шевроле-субурбана», который пришлось приобретать по ночному Багдаду в столь пикантной ситуации.

...Но 23 Февраля мы все же отметили хорошо. Некоторые наши коллеги-иностранцы знали об этом празднике и нашли возможность сказать пару теплых слов. Это был приятно вдвойне, так как накануне вечером эстонский полковник, служивший когда-то срочную службу в ВДВ Советской Армии, давал прием в честь 80-й годовщины своей страны и в своей речи не забыл упомянуть о периоде «советской оккупации»...

Тема 23 Февраля продолжилась на следующее утро, когда встретил в коридоре знакомого американского полковника — «морпеха», который «рулил» американской группой советников. Пили кофе, болтали о всяких мелочах. Когда он «увлекся» и в разговоре у него начали проскальзывать нотки некоторого превосходства, решил ненавязчиво «поделиться» с ним, как мы вчера хорошо отметили День Советской Армии... Тем более что возраст и продолжительность службы американца предполагали его хорошую осведомленность о нашей недавней истории. Мгновенно изменившийся в лице полковник (его лицо сразу посерело, и он «опустился на землю») перевел разговор на другую тему, начав вполне дружелюбно вспоминать, какими мы были хорошими союзниками в годы Второй мировой войны...

(Продолжение следует)

Михаил БОЛТУНОВ

ДИПЛОМАТЫ В ПОГОНАХ

Почти 200 лет служат во славу России военные агенты, военные корреспонденты, атташе

(Окончание. Начало в № 1, 2)

Огородникову удалось привлечь на свою сторону тайного агента, который находился в Японии и передавал ценную информацию о японской армии и флоте. Также ему на связь был передан и еще один японский агент, некто Гидис, работавший в тылу наших войск под видом корреспондента английской газеты. Переврербовал его капитан Генерального штаба Алексей Игнатьев, служивший в то время помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии.

Гидис поставлял своему резиденту весьма важную информацию, за что, собственно, и был казнен японцами после провала и ареста.

Федору Огородникову приходилось заниматься и вовсе не привычным для себя делом – курировать выпуск газеты.

Японцы перед войной и в период боев уделяли большое внимание работе с иностранными журналистами, привлечению их на свою сторону, одним словом, вели целенаправленную пропагандистскую работу. Этому следовало противостоять. Именно поэтому генерал-квартирмейстерская служба и стала инициатором выпуска газеты China Review. Выпуск газеты обходился недешево, но цель оправдывала затраченные средства.

Следует добавить, что в городе Мукден выпускалось еще одно издание – газета «Шенцзинбао» на китайском языке. Ее выпуском руководили военные комиссары Мукденской и Гиринской провинций.

После мукденского поражения русской армии и снятия с должности Куропаткина новый главнокомандующий генерал Линевич принял решение укрепить дальнюю разведку. Для этой цели он разделил театр военных действий на три направления: Японию и Корею; Маньчжурию к западу от меридиана Фынхуанчень; Маньчжурию к востоку от этого меридиана с портами Инкоу, Дальний, Талиеван, Дагушань, Шахэцзы и другими, а также Ляодунский полуостров.

Военному агенту полковнику Федору Огородникову было приказано руководить организацией разведки в полосе первого направления, его помощнику капитану Афанасьеву – второго, третье закреплялось за штабс-капитаном Россовым. Такое разделение ТВД и попытка укрепить разведку было связано с тем, что тяжелое поражение русских войск под Мукденом нанесло удар по тайным разведсилам. Многие агенты китайцы разбежались, иных пришлось отозвать, поскольку в ходе боев японцами был захвачен обоз квартирмейстерской службы, в котором хранилась секретная документация с именами информаторов. Всю работу по воссозданию агентурной сети, по сути, пришлось начинать заново.

Вторым важнейшим каналом получения стратегической разведывательной информации во время Русско-японской войны были агенты, работавшие в Европе. Их интересовали военные заказы Японии на европейских фирмах, а также отгрузка готовой продукции.

Военный агент полковник Вадим Шебеко, кстати говоря, очень опытный военный разведчик, до прибытия в Берлин работавший в Константинополе, потом в Вашингтоне, взял под контроль Крупповские фирмы в Германии. По его расчетам, японцы непременно должны были обратиться к немцам. Ну а те уж, знамо дело, не

откажут посланцам из Страны восходящего солнца.

Так и случилось, как просчитал Вадим Николаевич. Крупный артиллерийский заказ японского правительства был размещен на Крупповском заводе в Эссене. Правда, информатор Шебеко попросил за свои сведения кругленькую сумму в несколько тысяч марок. Однако обещал не только докладывать о ходе выполнения заказа, сроках его отгрузки, но и сообщить название парохода, на котором повезут произведенную продукцию, и время отхода судна.

Руководство согласилось с суммой выплаты вознаграждения агенту, и эта история имела свое продолжение. Информатор сработал четко, передал резиденту сообщение: «25 ноября 1904 года. Пароход «Самбия». Гамбург».

Транспорт был загружен, что называется, под завязку. В своих трюмах он вез 326 полевых и 93 горных орудий. Ох как велико было желание пустить этот «плавучий» оружейный склад на дно. Информацию срочно передали в Главный морской штаб.

У моряков желание перехватить «Самбию», судя по всему, тоже было немалое, да вот сил не хватило. Одному из крейсеров дали команду перехватить «Самбию», которая, предполагалось, пойдет через Магелланов пролив. Но не судьба, «Самбия» прошла другим путем, благополучно доставив в Японию более 400 орудий.

Полковник Алексей Алексеев, военный агент Российской империи в Копенгагене и Стокгольме, в 1905 году также сообщал в Петербург о закупках Японией оружия в Швеции.

Бофорский военный завод в срочном порядке производил артиллерийские гильзы. Алексеев также указал порт отгрузки и отправки транспорта, но его уже не пытались перехватить.

О закупках Японией лошадей в Австралии для военных целей докладывал и военный агент в Вене полковник Владимир Рооп.

Военно-морской флот в силу своих возможностей тоже проводил разведку в период боевых действий. Поскольку морских агентов в эти годы не было, разведка осуществлялась кораблями – крейсерами, миноносцами. На флоте впервые в истории появился новый вид разведки – радиоразведка. 7 марта 1904 года вице-адмирал О. Макаров приказал кораблям Тихоокеанского флота вести радиоперехват и пеленгование вражеских радиостанций.

...23 августа (5 сентября) 1905 года Россия и Япония подписали Портсмутский мирный договор. По нему Японии отходили южная часть Сахалина, Порт-Артур и южная ветка Китайской восточной железной дороги.

Началась другая эпоха – послевоенная. Россия потерпела тяжелое военное и политическое поражение. Ее международные позиции в мире были ослаблены. Предстояло осмыслить итоги Русско-японской войны. Провести коренные преобразования в различных сферах жизни, и в первую очередь в военной области. Восстановить утраченный престиж Российской империи.

■ Николай Потапов

НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

Однако для того, чтобы осуществить такие масштабные послевоенные преобразования, восстановить армию и флот, нужен был мир. Премьер-министр С. Витте считал, что для этого России понадобится покой как минимум на 20–25 лет. Увы, граф замахнулся на слишком большой срок. История отвела нам только девять лет.

Что же было сделано за эти годы? Начать, пожалуй, надо с создания Совета Государственной обороны, который как раз и отвечал за военную политику государства.

9 июня 1905 года председателем Совета назначается Великий князь Николай Николаевич, а также утверждается положение о Совете Государственной обороны. В дальнейшем Совету пришлось рассмотреть несколько важных документов: «Проект организации русской армии», составленный генералом Газенкампфом и его коллегами по специально созданной комиссии (октябрь 1907 года), «Программу развития реформ сухопутных вооруженных сил России», предложенную Главным управлением Генерального штаба во главе с генералом Ф. Палицыным (декабрь 1907 года), доклад Главного штаба «О преобразовании нашей армии» (февраль 1908 года) и, наконец, доклад начальника Генштаба и генерал-квартирмейстера ГУ ГШ «О мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие» (август 1908 года).

Однако мне хотелось бы подробнее остановиться на двух более ранних документах, представленных государю еще осенью 1904 года, и прежде всего потому, что один из них подготовил талантливый российский разведчик, который несколько лет был военным агентом в Германии. Речь идет о полковнике Павле Енгалычеве. Когда Павел Николаевич писал докладную записку царю, он уже командовал Лейб-гвардии Гусарским полком. До этого руководил эскадроном, служил в штабе пехотной дивизии, а потом, будучи в Берлине, хорошо изучил германскую и другие армии европейских государств. Так что Енгалычев знал, о чем писал.

Вторая записка принадлежала перу генерал-лейтенанта Федора Палицына, начальника Генерального штаба. Так вот, Федор Федорович предлагал органы управления вооруженными силами построить по германскому принципу, где начальник Генштаба не подчинялся военному министру, а замыкался напрямую на кайзера. У нас, стало быть, – на царя.

Полковник Енгалычев предлагал выделить Генштаб в отдельный орган, но в составе Военного министерства. Павел Павлович считал, что в армии должно быть единое командование.

К сожалению, победил проект Палицына, и в июне 1905 года в России появилась должность начальни-

ка Генштаба, который не подчинялся военному министру. Единственным руководителем для него был государь.

Прошло три года, прежде чем стало ясно: проект генерала Федора Палицына нежизнеспособен. В сущности, в армии установилось двоевластие. В ноябре 1906 года Главное управление Генштаба вернули в состав военного ведомства, а начальник Генерального штаба вошел в подчинение к министру.

Однако не бывает худа без добра: новый штат Главного управления Генштаба, утвержденный по проекту Палицына, отныне закрепил два подразделения разведки – добывающее и анализирующее. Пройдут годы, прежде чем они станут единым организмом, но направление движения уже тогда, в 1906 году, было сделано верное.

Основной добывающей силой в период с 1905 года и до начала Первой мировой войны по-прежнему останутся военные агенты Российской империи за рубежом. Как и всегда, штат их будет невелик – всего полтора десятка агентов в ведущих странах мира: в Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Греции, Болгарии, Черногории, Сербии, один в Дании, Норвегии и Швеции, а также в Румынии, Швейцарии, Италии, Японии, Китае и США.

Отбор кандидатов на должности военных агентов в эти годы проходил следующим образом. В Главном управлении Генштаба был список офицеров, которые в большей степени подходили на замещение должностей. Формировался список кандидатами из военных округов. Однако пополнялся он, как правило, фамилиями офицеров из войск гвардии Петербургского военного округа. Почему?

На этот вопрос хорошо ответил историк спецслужб Михаил Алексеев в своей книге «Военная разведка России от Рюрика до Николая II».

«Кандидаты должны были быть, – пишет М. Алексеев, – не старше двух лет в чине подполковника и не моложе трех лет в чине капитана».

В подробной аттестации на кандидата «особенное внимание должно быть обращено на свойства характера, степень знания иностранных языков, любовь к делу и знание иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и материальное положение, также на внешнюю представительность».

Невзирая на достаточное количество офицеров Генерального штаба, имеющих требуемую выслугу в чине, кандидатов на занятие вышеперечисленных должностей было немного. Так, в ноябре 1910 года начальник штаба Иркутского военного округа докладывал в Главное управление Генштаба, что среди офицеров Генштаба, состоящих в округе, «не имеется таковых, которые отвечали бы в полной мере всем условиям.. что главным образом относится к соответствующему знанию языков и особенно неимению собственных средств, расход которых был неизбежен при занятии должности военного агента. Отсутствие кандидатов констатировалось и по Казанскому, Одесскому, Кавказскому, Приамурскому и другим округам».

Отсюда и кандидаты в основном из столичного округа. В гвардии служили представители богатейших слоев общества, аристократии. Они как раз и имели те самые материальные средства, и знали иностранные языки.

Карл Густав Маннергейм

После отбора кандидата Генштаб обязательно запрашивал его согласие на назначение и предупреждал офицера, что служба военного агента требует немалых личных финансовых расходов. И если офицер давал добро на назначение, представление уходило в Министерство иностранных дел.

Разумеется, кандидатуру будущего военного агента рассматривали послы в соответствующих странах. Однако послы не всегда соглашались с мнением военных. Так, после смерти военного агента в Италии полковника Фаддея Булгарина на его должность была предложена кандидатура полковника Дмитрия Ромейко-Гурко, который в то время проходил службу в Швейцарии.

Посол России в Риме доложил в МИД России, что хотя правительство Италии не отказывается его принять, но относится к кандидатуре Ромейко-Гурко с недоверием. Ведь полковник оказался замешанным в скандале с тайным агентом, который был раскрыт и выслан из Швейцарии. Дмитрий Ромейко-Гурко в Рим не поехал, вместо него назначили другого офицера.

В том же случае, если посол, МИД не возражали, как в приведенном выше случае, военный агент получал назначение.

Кто же в этот сложный для нашего Отечества период представлял Россию за рубежом?

Это были весьма интересные личности. Например, Лавр Корнилов, известный нам еще по школьным учебникам как автор «корниловского мятежа», служил военным агентом в Китае в 1907–1911 годах. После он прошел большой боевой путь, командовал Юго-Западным фронтом, в 1917 году стал Верховным Главнокомандующим, двинул войска на Петроград, подняв тот самый мятеж. Был смещен с должности, предан суду. Сидел в тюрьме, бежал оттуда в Новороссийск, возглавил белогвардейскую Добровольческую армию, погиб в бою в 1918 году.

Автор известной книги «Пятьдесят лет в строю» граф Алексей Игнатьев, будущий царский генерал-майор и советский генерал-лейтенант, в 1907–1912 годах работал в качестве военного агента в Дании, Швеции и Норвегии, а в 1912–1917 годах – во Франции.

Это он сохранил для своей страны немалые денежные средства Российской империи, хранящиеся в банке на его имя, и передал их советскому представителю.

Морской агент в Германии и в Голландии в 1910–1917 годах, в Италии в 1915–1917 гг., Евгений Беренс служил старшим штурманским офицером крейсера «Варяг», проявил героизм в морском бою у Чемульпо. После возвращения из Италии руководил иностранным статистическим отде-

лом флота. В 1917 году был назначен начальником Морского Генерального штаба.

Перешел на сторону советской власти, участвовал в международных конференциях в Генуе, Лозанне, Женеве.

В 1924–1925 гг. – военно-морской атташе СССР в Великобритании, потом состоял в должности для особо важных поручений при наркоме по военным и морским делам и Председателе Реввоенсовета Республики.

Капитан 1 ранга Алексей Петров служил на Черноморском и Тихоокеанском флотах, воевал в Русско-японскую войну. В 1907 году назначен морским агентом в Швеции, Норвегии и Дании. После возвращения из-за границы Алексей Константинович вновь ушел в море – командовал эсминцами «Крепкий», «Москвитянин», заградителем «Ильмень», был начальником штаба флотилии Северного Ледовитого океана.

После октября 1917 года перешел в Российский красный флот. Командовал Аральской военной флотилией, дивизией минных кораблей Балтийского флота, служил морским агентом СССР в Эстонии и Финляндии в 1924–1925 гг.

Под стать названным и другие военные и морские агенты – опытные боевые офицеры, фронтовики, участники Русско-японской войны. Но какими они были разведчиками? Этот вопрос крайне важен для нашего исследования.

После Русско-японской войны государь, правительство, руководство вооруженных сил рассматривало нашими вероятными противниками Германию, Австро-Венгрию и конечно же Японию. Естественно, в эти страны старались в качестве военных агентов направлять наиболее способных, знающих разведчиков.

Такими с полным основанием можно считать всех троих офицеров – полковников Вадима Шебеко, Александра Михельсона и Павла Базарова, работавших в Германии в период с 1905 по 1914 год.

Вадим Николаевич Шебеко окончил самые привилегированные учебные заведения России – Пажеский Его Императорского Величества корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в кавалерии. С 1896 года состоял в распоряжении военного агента в Константинополе. Накопив опыт разведывательной работы, Шебеко занял пост военного агента в Вашингтоне. Но лучший и самый продуктивный период его деятельности как военного разведчика пришелся на 1901–1905 годы, когда он служил военным агентом в Берлине, а потом состоял при особе Его Императорского Величества Вильгельме II.

Кстати говоря, по возвращении из Берлина Вадим Шебеко сделал блестящую карьеру, правда, уже на сугубо штатском поприще. Он был вице-губернатором Саратова, губернатором города Гродно, а в 1916–1917 годах – московским градоначальником.

Судя по его донесениям, переписке с руководством военно-статистического отделения Главного штаба, подполковник, а потом и полковник Шебеко был одним из реально мыслящих аналитиков-дипломатов в стране пребывания. Еще в 1902 году в донесении к генералу Целебровскому,

Лавр Корнилов

соглашаясь с общим мнением, что «в желании (Германии. – **Авт.**) сохранить дружественные с Россией отношения сомнений нет», подчеркивает: «... но сердечных отношений в Берлине искать не следует: весьма маловероятно, чтобы когда-либо в этой дружбе был принесен в жертву хоть один коммерческий или политический вопрос...»

Напомним, эти строки Шебеко писал в 1902 году.

Весной 1903 года у Вадима Николаевича состоялась беседа с Вильгельмом II, о чем он тут же сообщает руководству в Петербург. Интересно, что военный агент не только приводит слова кайзера Германии, но и описывает жесты, выражение лица, глаз Вильгельма II. «Подвижное лицо императора приняло суровое до жестокости выражение, глаза блестели недобрым огнем, и была очевидна решимость эти чувства привести в действительное исполнение».

Думаю, не стоит никого убеждать, что подобная информация в те годы для нашего руководства была крайне важна. «Польский вопрос» для Российской империи оставался весьма болезненным, и отношение кайзера Германии к полякам служило своего рода барометром политического климата в Европе.

Полковник Шебеко внимательно следил за состоянием этого климата. И чем больше Германия старалась убедить Россию в своей лояльности и поддержке политики Николая II, тем меньше верил словам немцев военный агент. Эту свою озабоченность ухудшением отношений между государствами он старался донести до ушей руководства.

После принятия германским парламентом нового военного закона на 1905–1910 годы Шебеко доносил в Главный штаб, что рейхстаг решил отложить на год увеличение численности армии. На первый взгляд факт для России отрадный. Однако только на первый взгляд. Депутаты рейхстага проголосовали за подобное решение именно потому, что могущество России после проигранной русско-польской войны значительно ослабло. Правда, Союзный Совет империи не согласился с этим тезисом и ввел закон в действие. Вот так темпы наращивания вооруженных сил Германии накрепко увязывались с экономическим и военным положением России. Отчего бы это так, если Германия наш друг?

Ухудшение российско-германских отношений отметил и заменивший Вадима Шебеко на посту военного агента полковник Александр Михельсон. Прибыл он в Берлин зимой 1906 года, а уже весной сообщал в Петербург министру Палицыну, что главную причину таких перемен он видит в позиции, занятой Россией по марокканскому вопросу.

Вообще, Александр Александро-

вич Михельсон – фигура весьма примечательная. Один из самых результативных наших военных агентов той поры. Граф генерал Алексей Игнатьев, знавший толк в разведработе, назвал Михельсона «выдающимся русским военным агентом». И он таковым был в действительности.

До того как прийти младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, Александр Михельсон долго служил в войсках – командовал ротой, потом батальоном, был старшим адъютантом штаба дивизии. Получив повышение, проходил службу в штабе корпуса, потом штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа.

В 37 лет он стал младшим делопроизводителем. Однако уже через два года выдвинулся в столоначальники, а вскоре был назначен помощником начальника отделения Главного управления Генерального штаба.

С таким солидным жизненным и профессиональным багажом он и прибыл в Берлин.

Михельсон не только активно занимался сбором так называемой политической, экономической, военной информации путем добывания документальных материалов, грамотно и глубоко их анализировал, но и умело разворачивал агентурную работу, налаживал сеть тайных агентов. Тот же граф Алексей Игнатьев в своем труде «Обзор работы русского военного агента в Скандинавии и Франции» рассказывает об интересной агентурной операции, которую разработал и провел Александр Михельсон.

В предвидении войны полковник понимал, что Россия и Франция станут по одну сторону фронта, Германия и ее союзники – по другую. Значит, германские вооруженные силы будут вынуждены действовать на двух фронтах, образно выражаясь, на французском и русском. Стало быть, крайне важно установить, сколько сил бросят немцы против обоих противников и как эти силы распределятся. Однако легко сказать, да трудно сделать. Михельсон тем не менее придумал, как сделать. Ход был поистине простой и гениальный. Подробно и скрупулезно изучив германские железные дороги, Александр Александрович остановил свое внимание на нескольких железнодорожных мостах через главные водные магистрали Германии – Вислу и Эльбу.

За скромную плату он завербовал сторожей, охраняющих эти мосты. Те сообщали о количестве поездов, которые проходили за сутки на запад и на восток. Дабы не было подозрений, Михельсон объяснил, что строительная компания, которая проводит испытания мостов на прочность, желает получить эти вполне обычные статистические данные.

«Михельсон натренировал их (сторожей. – **Авт.**) в работе, – пишет граф Игнатьев, – с тем чтобы предмобилизационный период не нарушал заведенного автоматизма...»

В начале 1909 года военный агент Александр Михельсон пишет докладную записку российскому послу в Берлине. Вывод этого документа однозначен: Германия готова к войне. И война эта возможна уже нынешней весной. Если же этого не случится, то Россия со временем окрепнет, наберет мощь.

Дмитрий Ромейко-Гурко

И дальше Михельсон делает заключение: «Такой перспективы немцам ждать сложа руки невыгодно. Немцы хорошо понимают, что на континенте время против них, время – союзник России и славянства...»

Как видно из документов, полковник Михельсон преуспел как в аналитической работе, так и в оперативной деятельности. Это не могло ускользнуть от внимания немецкой контрразведки. Такого опытного, профессионального разведчика в стране, которая, по сути, готовилась к войне с Россией, держать было не с руки. И потому делается все возможное, чтобы выследить и арестовать одного из агентов Михельсона. В свою очередь, военному агенту предложено покинуть Германию.

Михельсон возвращается в Россию. Его назначают командиром бригады, потом Александр Александрович возглавляет Лейб-гвардии Московский полк. Во время Первой мировой войны он генерал для поручений при начальнике Генерального штаба.

На смену Михельсону в начале 1911 года в Берлин приезжает полковник Павел Базаров. Ему уже 40 лет. Почти всю службу провел в разведке. После окончания Михайловского артиллерийского училища командовал ротой, служил помощником старшего адъютанта штаба Виленского военного округа.

Потом судьба распорядилась так, что Павел Александрович оказался в разведке – сначала младшим делопроизводителем Военно-ученого комитета, далее – помощником столоначальника Главного штаба.

Следующий этап в служебной карьере – Русско-японская война. Базаров – в Маньчжурской армии, в управлении генерал-квартирмейстера, занимается тем делом, которое он знает и любит, – разведкой. Работает умело и вполне успешно и потому получает повышение по службе. Павел Александрович – штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем на Дальнем Востоке, а после окончания войны – в Главном управлении Генштаба.

Германия для него страна уже знакомая. За эти годы он успел побывать в командировке в германском городке Касселе, якобы для совершенствования знаний по немецкому языку. И вот теперь он военный агент Российской империи в Берлине.

Откровенно говоря, зря надеялась немецкая контрразведка вместо неуемного Михельсона получить тихого «паркетного» дипломата. Базаров был разведчиком до мозга костей.

В начале 1912 года он докладывает в Главное управление Генерального штаба: «Создавшаяся в Европе политическая группировка держав, желание закончить организацию своих сухопутных вооруженных сил и достичь наиболее выгодного соотно-

шения морских сил заставили Германию пойти почти до предела возможных уступок. Между тем политическая обстановка... пока мало изменилась.

...Что касается вопроса о выгодности для Германии начать войну до зимы или во время военной и пограничных областях России (тревоги), то она заслуживает несомненный интерес. Ввиду большей привычки немцев к холоду по сравнению с французами и, наоборот, большей выносливости французов по отношению к жаре немцам выгоднее начать кампанию в зимнее время года...

В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем.

...Более чем вероятно, что начало военных действий последует именно со стороны Германии».

В конце того же 1912 года полковник Павел Базаров даже называл сроки будущей войны. «Весьма возможно, что к концу будущего, 1913 года или к началу 1914 года, — пишет он в Петербург, в Главное управление Генерального штаба, — когда лихорадочная деятельность по военной и морской подготовке Германии будет в главных чертах закончена... настанет критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны».

Что ж, тут, как говорится, ни убавить ни прибавить, полковник Базаров не ошибся, он попал в точку.

Однако и его дни пребывания в Германии были сочтены. Обстановка характеризовалась резким нарастанием военной угрозы. Военные агенты подвергались самому жесткому давлению со стороны спецслужб Германии.

Чертежник из главного инженерного управления, который продал Базарову план крепостей Пихлау и Летцен, был провален. После ареста он сознался, что работал на российского военного агента.

Полковник Павел Базаров немедленно убыл в отпуск, после которого получил новое назначение — он утвержден штаб-офицером для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

Свою лепту в дело разведки вероятного противника вносили и морские агенты Российской империи в Германии — капитан 2 ранга князь Александр Долгоруков, лейтенант Борис Бок, капитан 2 ранга Евгений Беренс. Летом 1914 года морской агент в Нидерландах капитан 1 ранга Михаил Римский-Корсаков был одновременно назначен на ту же должность и в Германии. Но, увы, началась Первая мировая война и вступить в свои обязанности он не успел.

Морские агенты имели соответствующее образование — Долгоруков окончил морское училище. Римский-Корсаков — морское училище, артиллерийский офицерский класс, а также гидрографический отдел Николаевской морской академии, Бок — морской кадетский корпус, Беренс — также морской кадетский корпус и штурманский офицерский класс.

Все служили во флоте. Долгоруков — на фрегате «Дмитрий Донской», на крейсере «Память Азова», Римский-Корсаков — на канонерской лодке «Бобр», на эскадренном броненосце «Пересвет», командовал учебным судном «Верный» и эсминцем «Лейтенант Зацаренный», Бок был участником известного заграничного плавания на крейсере «Паллада».

Михаил Занкевич

Главная их задача — сбор сведений военно-морского характера, в частности наблюдение за составом боевого и строящегося флота противника, а также военно-морских баз и верфей.

В июле 1913 года поверенный в делах в Берлине Броневский сообщил в письме министру иностранных дел России Сазонову: «Недели две тому назад морской агент при императорском посольстве предпринял небольшое путешествие по германским островам Северного моря. Так как там теперь купальный сезон в полном разгаре... то путешествие имело целью, не возбудив ничьих подозрений, дать возможность беспрепятственно собрать ряд интересных сведений относительно обороны этой части германского побережья».

Совершил это весьма полезное «купальное путешествие» военный агент Евгений Беренс.

Однако, как писал в журнале «Русский инвалид» в 1908 году известный военный теоретик офицер Главного управления Генерального штаба Александр Свечин: «В процессе изучения мирной и вооруженной борьбы с соседом тайная разведка составляет только небольшую часть работы. Агентурные данные об армии, технике и крепостях соседа недостаточны для уверенной работы в мирное и военное время. Нужно прислушиваться к биению государственной и общественной жизни...»

И морские агенты прислушивались. Надо отдать должное, делали это весьма профессионально. Вот пример. В январе 1912 года морской агент капитан 2 ранга Евгений Беренс отправил начальнику Морского Генерального штаба князю Ливену интересное донесение. Написать его мог только хороший аналитик, глубоко изучивший политику европейских стран, в частности Британии и Германии, и учитывающий все самые сложные нюансы этой политики.

О чем, собственно, шла речь в донесении? Да о том, что правительство Великобритании стремится поддерживать свое превосходство над Германией по боевым кораблям в пропорции 2:1. Казалось бы, какие далекоидущие выводы из этого можно сделать — Британия всегда заботилась о превосходстве своего флота над другими, неспроста ее называли владычицей морей.

Однако морской агент за этими цифрами увидел нечто большее, чем простое

желание превосходства. «...Англия надеется, – сообщал он, – что вызываемые этим путем расходы на вооружение окончательно возмутят и без того обременят налогами население Германии». Далее он говорит о «здешних социалистах, настроенных пока националистически». Но они переменят окраску и при поддержке недовольных групп населения откажутся от дальнейшего соревнования с Англией. «Ввиду этого англичанам важно, – считает Беренс, – чтобы их усиление было лишь ответом на германское, ибо тогда у германского правительства отпадет самый важный аргумент оправданий расходов... Такая перспектива дает Англии надежду, что при дальнейших попытках Германии тягаться с ней она непременно потерпит фиаско, не выдержав одновременно усиления армии и флота, и это, по расчету Англии, должно случиться не позже конца 1913 года, к этому времени и следует ожидать падение адмирала Тирпица и возможности так или иначе сговориться с Германией, не теряя вместе с тем своего мирового положения и не рискуя безопасностью...» В конце агент добавляет очень важное «если»: «Если только, конечно, не случится крах, если Германия предпочтет насильственным путем разрешить вопрос».

Донесение капитана 2 ранга Евгения Беренса было замечено и оценено по достоинству. В ту пору морское и военное ведомства не часто обменивались развединформацией, но тут морской штаб откомандировал фельдъегерей, и вскоре документ лежал на столе у начальника Главного управления Генерального штаба.

Так работали в Германии военные и морские агенты. Однако не одна Германия смотрела в сторону России через смотровую щель боевого прицела. Австро-Венгрия и ее роль в военно-стратегическом положении Российской империи, осознание русским Генштабом действий Вены в случае войны по другую сторону баррикад обязывали разведку уделять этому участку работы особое внимание.

Верно подмечают в своей книге «Не подлежит оглашению» Евгений Сергеев и Артем Улунян: «Что касается деятельности русских военных агентов в Австро-Венгрии, то их значение для разведывательной и аналитической деятельности Главного управления Генерального штаба трудно переоценить. Работа двух из них – полковника М.К. Марченко и сменившего его на этом посту полковника М.И. Занкевича была настолько активна, что местные контрразведывательные органы пытались вынудить их покинуть страну, используя дипломатические каналы. В конечном счете оба военных агента были выдворены из империи. Однако им удалось создать широкую сеть нелегальных агентов, включая высокопоставленных австро-венгерских военных и гражданских чиновников...»

Итак, кто же они, эти полковники Марченко и Занкевич, и за что их так ненавидела австро-венгерская контрразведка?

Борис Шапошников

Митрофан Марченко окончил Императорское училище правоведения, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба.

Командовал эскадроном, служил в штабе гвардейского казачьего корпуса, руководил передвижением войск по железным дорогам и водным путям в Петербургско-Московском районе. В 1905 году был командирован в Австро-Венгрию. Пять лет под пристальным вниманием контрразведки отработал в Вене.

По возвращении командовал Архангелогородским драгунским полком, был начальником Николаевского кавалерийского училища.

Сменщиком Марченко на посту военного агента в Вене стал полковник Михаил Занкевич. Он получил образование в кадетском корпусе, в 1-м военном Павловском училище и в Николаевской академии Генерального штаба. Тоже служил в войсках – командиром роты, батальона, в штабе пехотной дивизии и армейского корпуса.

В 1900 году Михаилу Ипполитовичу предложили скромную должность в разведке – младшего делопроизводителя канцелярии Военно-ученого комитета. Он согласился, и с тех пор его жизнь была связана с военной разведкой.

В 1903 году Занкевич едет в зарубежную командировку – помощником военного агента в Вену. Через два года становится военным агентом в Румынии, а в 1910-м – в Австро-Венгрии.

По приезде из Вены Михаил Занкевич назначен командиром Царицынского пехотного полка, а в 1915 году – командиром Лейб-гвардии Павловского полка.

Высшей точкой его служебной карьеры можно считать должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

Таковы, если коротко, автобиографические данные военных агентов. Что же касается непосредственно разведработы, проводимой, к примеру, полковником Митрофаном Марченко, то хочется обратиться к его переписке с Главным управлением Генерального штаба.

Если говорить о работе военного агента по сбору военно-политической информации об Австро-Венгрии, то дел у Марченко было невпроворот. Достаточно привести слова 2-го обер-квартирмейстера генерала Борисова в письме к полковнику Марченко в ноябре 1908 года, чтобы понять всю степень тревоги Генерального штаба. «Мы здесь деятельно готовимся к войне с Австрией», – сообщал Борисов. И обер-квартирмейстера можно было понять. Князь Фердинанд и правящие круги Болгарии активно отходили от России. Сам же Марченко сообщил в Петербург о секретных переговорах министра иностранных дел Австро-Венгрии по заключению конвенции между Австрией и Турцией, Болгарией, Грецией и Румынией.

Генштаб России, естественно, хотел предугадать следующие шаги Австро-

Венгрии, просчитать, сможет ли она вести широкомасштабную войну.

Через несколько дней после получения письма генерала Борисова полковник Марченко пытался успокоить руководство разведки. Он считал, что австро-венгерская армия ныне находится не в высокой степени боевой готовности, да и политическая атмосфера складывается не лучшим образом.

Все годы своего пребывания в Вене Митрофан Марченко, используя возможные методы, зорко следил за изменениями военно-стратегической обстановки в Австро-Венгрии. Неоднократно его донесения представлялись военным министром Владимиром Сухомлиновым Его Императорскому Величеству. Так было в июне 1909 года, когда Марченко сообщил о переговорах болгарского царя Фердинанда и министра иностранных дел Австро-Венгрии Эренталя, в июле того же года, после его донесения о возможности политического кризиса в Турции.

Но полковник Марченко не только занимался добыванием информации военно-политического характера и ее обработкой, он поставлял в Главное управление Генерального штаба совершенно секретные материалы, касающиеся, например, австро-венгерской артиллерии.

В ноябре 1906-го полковник Марченко докладывал, что за год работы переправил в Петербург «в подлинных копиях 20 тетрадей с соответствующими чертежами всех тех секретных данных, которыми исчерпывается перевооружение австро-венгерской полевой артиллерии». Представьте себе, русский Генштаб усилиями военного агента обладал всеми артиллерийскими секретами Австро-Венгрии. Думаю, эти строки из донесения Марченко дорогого стоят и говорят о его высоком профессионализме.

Разумеется, столь «продуктивный» Митрофан Марченко стал головной болью для имперской контрразведки. Были предприняты все меры, чтобы убрать русского военного агента из Вены. Спецслужбы вышли на тайного агента Марченко — служащего артиллерийского депо Кречмара. Его арестовали, а Марченко предложили уехать в отпуск без возвращения в Вену.

«Взамен Марченко, — писал в своей книге «Разведка и контрразведка» Макс Ронге, — мы получили столь же опасного руководителя русской агентуры в лице полковника Занкевича».

Ко времени прибытия Михаила Ипполитовича в Вену в октябре 1910 года обстановка в Австро-Венгрии представлялась российскому Генштабу как лихорадочная подготовка к войне. Во всяком случае, так охарактеризовал ее предшественник Занкевича полковник Марченко за три месяца до своего отъезда.

Возможно, в этой оценке и было некоторое преувеличение, но оно объяснялось тем, что в предвоенные 1911—1914 годы основное внимание уделялось Германии, Балканским странам и, в первую очередь, Австро-Венгрии.

Интересно проследить деятельность военных агентов в Болгарии, Черногории, Сербии, Турции и, разумеется, в Австро-Венгрии в короткий, но напряженный отрезок времени — две последние недели сентября 1912 года. Эти недели обусловлены для России, как определяют некоторые историки, «синдромом скорой войны».

Но что, собственно, произошло в эти, казалось бы, ничем не примечательные недели? Только то, что у военной разведки России была достоверная информация о неизбежном военном конфликте на Балканах, когда малые страны региона готовы были выступить против турок.

Возникает, естественно, главный вопрос: когда начнется война и кто ударит первым?

Скорее других на него ответил военный агент в Черногории генерал-майор Николай Потапов. Он считал, что боевые действия начнутся 1 октября 1912 года и раскрыл предполагаемый план действий антитурецкой коалиции. Письмо его было направлено в отдел генерал-квартирмейстера 15 сентября.

На следующий день, 16-го, туда же поступает донесение военного агента в Турции генерал-майора Ивана Хольмсена. У Ивана Алексеевича совершенно противоположное мнение. Он считает, что сосредоточение и наращивание воинских частей на некоторых участках турецко-болгарской границы оказывают «успокаивающее влияние на умы болгарского королевства».

17 сентября генерал-майор Николай Потапов сообщает в Петербург: в течение недели ожидается общая мобилизация четырех балканских государств.

19 сентября военный агент в Болгарии полковник Георгий Романовский доносит в Генштаб: «Болгария ни при каких условиях не остановится, для нее теперь отступления нет...»

В тот же день из Австро-Венгрии от военного агента полковника Михаила Занкевича приходит сообщение, в котором он утверждает о возможности принятия Веной решения занять Санджак в случае вступления в него сербов.

20 сентября военный агент в Сербии полковник Виктор Артамонов подтверждает информацию Занкевича о том, что возможность столкновения сербов и австрийцев в Санджаке не исключается.

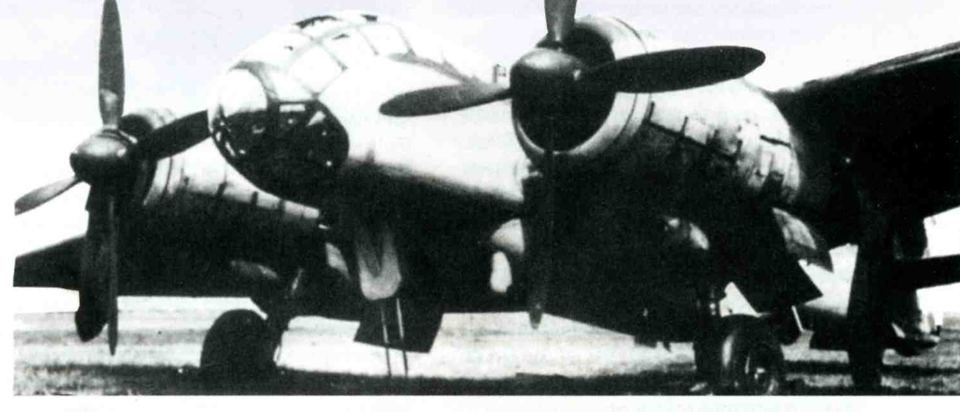
Практически каждый день получая такие сообщения, офицеры генерал-квартирмейстера были в Петербурге в растерянности — военные агенты в Черногории, Болгарии, Румынии, Сербии высказывают одну точку зрения, агент в Османской империи — другую. В штаб-квартире военной разведки нарастает напряжение — руководству империи необходимо изложить целостную картину развития событий на Балканах. Но как ее изложить при таком разнообразии мнений?..

Следует признать, что зарубежные силы военной разведки — военные агенты — не смогли до конца «вскрыть» намерения противоборствующих сторон. Первой в войну вступила Черногория 9 октября 1912 года, следом за ней — Болгария, Греция, Сербия. Однако в то же время надо признать, что стратегическая информация, предоставляемая в отдел генерал-квартирмейстера, была верной — предупреждения о скором начале войны соответствовали действительности, как, впрочем, и состав противоборствующих сил.

На мой взгляд, добывающие службы (военные агенты) в данной ситуации сработали достаточно продуктивно. Но обрабатывающие органы генерал-квартирмейстера еще не были столь профессиональны, чтобы на основании разнообразной, а порой и весьма противоречивой информации, выработать точный, безошибочный прогноз. За них это пытались сделать сами военные агенты, но, увы, они могли опираться только на данные своей агентуры в конкретной стране. Общую картину из мозаики агентских разведсведений под силу было сложить только офицерам-аналитикам отдела генерал-квартирмейстера. Но они ее не сложили. Почему? Это тема большого отдельного разговора.

А мы вернемся к фигуре военного агента в Австро-Венгрии Михаила Занкевича. Как понятно из приведенных ранее фактов и документов, Михаил Ипполитович активно участвовал в сборе разведсведений военно-стратегического характера. Однако он также умело добывал информацию непосредственно по вооруженным силам страны пребывания.

ВСЕ ПОЗНАЕТСЯ В ВОЗДУШНОМ БОЮ...

Данный материал пришел в редакцию в ответ на статью Юрия Васильева «В небе войны» («Солдат удачи» № 10, 2008 г.). Напомним, в ней автор, опираясь на различные источники, попытался сопоставить результативность действий немецких и советских летчиков в период Второй мировой войны. Статья явилась своего рода основой для аргументированного оспаривания часто высказываемых в последние годы мнений о том, что якобы фашистские асы значительно превосходили советских, что наши «задавили врага числом» и т.д.

Юрий Рупинский продолжает дискуссию на данную тему, также опираясь на множество источников и отстаивая свою точку зрения, в том числе затрагивая союзную авиацию. Судить, кто из авторов более убедителен, конечно же вам, читатель. Хотя стоит заметить, в конечном итоге более убедительного аргумента, чем исход Второй мировой войны, сколько ни спорь, придумать невозможно...

ИСТИНА ГДЕ-ТО... ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ?

Что хочется сказать относительно работ на исторические темы, где авторы оперируют одними только цифрами? Внесению ясности во многие вопросы могли бы способствовать архивные данные, но... Вот что пишет М. Солонин ***(«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»)***: *«Немногие сохранившиеся документы надежно спрятаны в тайниках ведомственных архивов... Журнал «Отечественные архивы» ... в № 2 за 2004 г. опубликовал статью, описывающую ситуацию в Центральном архиве Минобороны следующим образом: «...Руководство ЦА МО РФ и Архивной службы Вооруженных Сил РФ вывели работу по изучению истории Великой Отечественной войны за рамки правового поля... С самого окончания войны на особом хранении находятся захваченные советскими войсками документы вермахта, на что ЦА МО РФ не имеет никаких юридических оснований, так как Министерство обороны РФ не является правопреемником вермахта... Законом «О государственной тайне» предусмотрен 30-летний срок секретности для военных документов, следовательно, материалы 1941–1945 гг. по определению не могут оставаться на секретном хранении. Сроки секретного хранения в ЦА МО превышаются более чем вдвое, а документы 1941 г. вступили уже в третью тридцатилетку секретности!»*

Имеются все основания предполагать, что содержащиеся в архивах данные находятся в противоречии с существующими установками, поэтому вряд ли можно рассчитывать на их публикацию в ближайшие десятилетия. Остается только строить предположения и утешаться мыслью, что даже в почитающей законы Англии в этом отношении тоже не все благополучно: документы, касающиеся полета Р. Гесса в мае 1941 г., до сих пор не рассекречены...

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

Читаем у Ю. Васильева, что немецкая истребительная эскадра JG54 за первый месяц войны на Восточном фронте потеряла треть летчиков от первоначального состава. Эта цифра, по мнению автора, дает однозначный ответ на вопрос «о гусях» (имеется в виду приведенное в статье Ю. Васильева высказывание бывшего немецкого летчика, хвастливо заявлявшего, что он сбивал наши самолеты, как гусей. – ***Прим. ред.***).

С другой стороны, с 25 августа по 7 сентября 1940 г. (то есть еще до начала Великой Отечественной войны) над Англией было потеряно 240 истребителей Luftwaffe, а итоговое соотношение потерь самолетов в «Битве за Англию» составило 1:2 в пользу последней (М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»***).

М. Солонин приводит следующие данные: в труде по истории Luftwaffe (Д. Горбатенко, 1967 г.) несколько заниженные потери германской авиации во Франции и Норвегии (1.239 самолетов) преподносятся как потери, которые *«серьезно не повлияли на боеспособность люфтваффе»*. В то же время 1.284 самолета, утраченных в первый месяц войны в СССР, трактуются как потери, *«каких еще не знала немецкая авиация с самого начала Второй мировой войны»*. Разница в подходах к историческим фактам очевидная.

Один из ведущих асов Luftwaffe Г. Филипп (178 побед на Восточном фронте, 29 побед на Западном фронте) после перевода в апреле 1943 года в эскадру, выполнявшую функции ПВО Германии, писал: *«Сражаться с двумя десятками русских истребителей... или с английскими «спитфайрами»... может быть, даже забавно... Но когда на тебя летят семьдесят огромных «летающих крепостей», вся твоя грешная жизнь проносится в памяти за считанные секунды»* (цитата по А. Смирнову, ***«Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне»***).

Можно по-разному относиться к этим словам, поэтому имеет смысл

привести цифры боевых безвозвратных потерь истребительной авиации обеих сторон на советско-германском фронте за весь период Великой Отечественной войны ***(там же)***: советские ВВС – **20.700** самолетов, Luftwaffe – **3.260.**

Далее Ю. Васильев приводит данные о количестве боев, приходящихся на одну победу в воздухе. Для статистики четырех цифр совершенно недостаточно, а полная информация известна лишь в редких случаях. Например, в работе М. Спика ***«Асы люфтваффе»*** предлагается другой способ определения среднего уровня результативности (СУР) летчиков: отношение общего количества боевых вылетов данного пилота к количеству одержанных побед. Из приведенной автором таблицы следует, что наименьшая результативность была у Э. Хартманна (4,05), а наибольшая – у Г. Шееля (0,99).

В упомянутой выше работе А. Смирнова приводятся данные по 10 ведущим советским и 14 немецким асам. Среди советских асов наименьший СУР (если применить термин, предложенный М. Спиком) был у И. Скоморохова (13,13), а наибольший – у К. Евстигнеева (4,53) при средней величине 8,14. У немецких летчиков соответствующие цифры составляют 7,96 (Б. Фехтель) и 2,18 (О. Киттель) при средней величине 3,76, то есть разрыв двукратный.

ЧТО ТАКОЕ «МНОГО» И «МАЛО»?

Непонятно, откуда в статье Ю. Васильева взялись 304 истребителя МиГ-3, ЛаГГ-3 и Як-1. Например, у М. Кожевникова ***«Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»*** приводятся следующие цифры: Як-1 – 399; МиГ-3 – 1.309, ЛаГГ-3 – 322 (всего 2.030 истребителей нового типа). У М. Никольского (журнал ***«Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра»***, № 5, 6 за 1999 г.) можно прочитать, что выпуск Як-1 и ЛаГГ-3 начался во второй половине 1940 г. и в начале 1941 г. По состоянию на 1 июня 1941 г. МиГ-3 и Як-1 находились на вооружении девятнадцати истребительных и одного разведывательного авиационных полков (М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»***).

Чтобы оценить, много это или мало, а также сделать вывод о времени на переподготовку пилотов, посмотрим, как обстояли дела с переходом на новую технику у противников Германии на западе. Так, в ВВС Франции к 10 мая 1940 года имелось всего **36** новых истребителей «Девуатин-520», заказ на которые был подписан, подчеркнем этот факт, **за месяц до вторжения,** а до момента прекращения огня было поставлено еще 300 «Девуатинов», то есть перевооружение шло в ходе боевых действий. Эти самолеты уступали И-16, новым советским истребителям и даже немецкому Bf-109E3 по таким показателям, как скорость, скороподъемность и энерговооруженность.

Англия вступила в войну, имея на вооружении в основном истребители «харрикейн» (33 эскадрильи), а также «спитфайры» (19 эскадрилий). Что касается их боевых качеств, то В. Мельдерс назвал «харрикейны» «летающими баржами», а А. Яковлев отмечал, что *«...«Харрикейны» никак не могли сражаться с «мессершмиттами»* ***(там же)***. Переход на новые «спитфайры» также осуществлялся в ходе войны.

Так что выводы пусть делают сами читатели.

«К ВОЙНЕ ГОТОВИЛИСЬ, НО ОКАЗАЛИСЬ К НЕЙ НЕ ГОТОВЫМИ...»

А теперь обратимся к вопросу о времени на переподготовку летчиков. М. Солонин в своем вышеупомянутом труде приводит выдержки из воспоминаний летчика 31-го истребительного авиаполка (иап) ПрибОВО (Прибалтийского Особого военного округа) Н. Петрова: *«...Осенью 1940 года начали изучать новый истребитель МиГ-1. ...Приходилось с утра до ночи... изучать мотор и самолет, инструкции по эксплуатации и технику пилотирования... И перед Великой Отечественной войной уже крепко овладели. С апреля 1941 г. уже дежурили... В конце апреля начали усиленную тренировку в составе звена, стрельбу по конусу, воздушные бои... Зачастую совершались ночные полеты на групповую слетанность в составе звена...»*

А вот что вспоминает летчик 122-го иап ЗапОВО (Западного Особого военного округа) С. Долгушин ***(там же)***: *«... За зиму 1941 года мы освоили высотные полеты, много стреляли и по конусу, и по земле, начали летать ночью... Самолеты И-16, которые мы в полку получали, были 27-й и 24-й серии с моторами М-62 и М-63. Буквально все они были новыми машинами, причем у каждого летчика: 72 самолета – 72 летчика в полку... Летная подготовка пилотов была сильной. Я начал войну, имея налет 240 часов... Высоту освоил, строй, маршрут, ночь... Мы летали чуть ли не каждый день...»*

Здесь же – воспоминания генерал-майора Захарова: *«...Небо над аэродромом дрожало от гула моторов... Все это (три полка И-16 и полк И-153) гудело, взлетало, стреляло, садилось с утра до вечера каждый день. Мне же казалось, что режим нашей работы недостаточно плотный, и я поторапливал офицеров штаба и командиров полков...* ***В середине июня все отпускники были отозваны и вернулись в свои части, увольнения в субботу и воскресенье я отменил, было увеличено число дежурных звеньев и эскадрилий»*** (выделено мной. – **Ю. Р.**).

Наконец, еще одно свидетельство – летчика 17-го иап КОВО (Киевского Особого военного округа) Ф. Архипенко ***(там же)***: *«...Полк был настолько хорошо подготовлен, что взлетал даже ночью в составе эскадрильи. Я сам... летал ночью, но такого в жизни не приходилось видеть, чтобы эскадрилья взлетала строем ночью, как днем... Перед войной мы летали очень много, занимаясь всеми видами боевой подготовки...»*

Здесь же приводятся другие выдержки из воспоминаний и летчиков, и командиров бомбардировочных полков и дивизий, из которых также следует, что подготовка к войне шла полным ходом, причем отмечается, что экипажи приучались действовать, как это необходимо на войне (об этом же пишет в своем труде и М. Кожевников).

Тем не менее, как выразился вышеупомянутый летчик С. Долгушин: *«...К войне мы вроде бы готовились основательно. Но оказались к ней не готовыми»*. Поскольку в вариантах плана стратегического развертывания отмечается, что *«документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает»* (М. Солонин, ***«23 июня: «день М»***), есть основания предполагать, что готовились не к той войне, которая началась. Так что дело не в отсутствии времени на освоение новой техники и не в недоста-

точном ее количестве, но это уже тема для отдельного разговора.

СКОЛЬКО ЖЕ ВСЕГО БЫЛО САМОЛЕТОВ?

Ю. Васильев определяет количество истребителей И-16, И-15 и И-153 в 3.156 единиц, называя эти самолеты устаревшими. И снова вопрос: откуда взялась эта цифра? В книге В. Швабедиссена ***«Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг.»*** приводятся следующие данные: И-16 – 3.552, И-153 – 2.898, И-15 – 748.

Истребительная авиация Luftwaffe была представлена самолетами Bf-109E (именно Bf, а не Ме: фамилия конструктора появилась в названии самолета только начиная с Ме-209А в 1943 году) – около 450 единиц и Bf-109F – 440 боеспособных машин (журнал ***«Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра»***, № 5, 6 за 1999 г.). Эти цифры вполне согласуются с данными Ю. Васильева; различие в количестве Bf-109F связано с тем, что в журнале указывается количество только боеготовых самолетов.

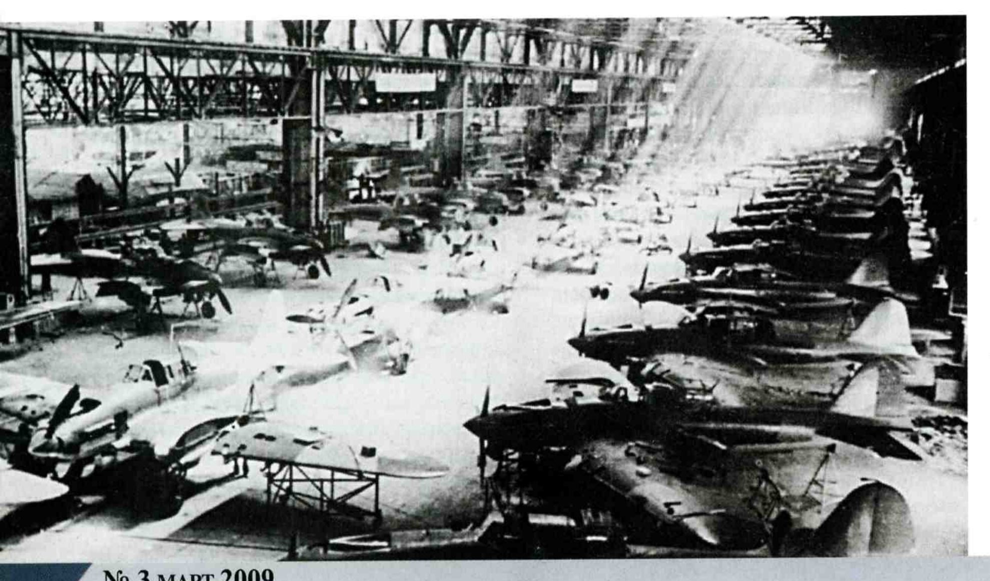
Включение же Bf-110 в число истребителей неправомерно: он создавался как *«...высокоскоростной тяжеловооруженный самолет с достаточной дальностью полета и предназначался для эскортирования бомбардировщиков, действий в глубине противника, ведения патрулирования вдали от своей базы... В основном Bf-110 использовались в роли истребителей-бомбардировщиков, нанося удары по аэродромам и коммуникациям Красной Армии... Воздушный бой ... был возможен только в случае использования элемента внезапности...»* (В. Котельников, журнал ***«Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра»***, № 5, 6 за 1999 г.). Для маневренного воздушного боя этот самолет, как и его советский аналог Пе-3, не предназначался.

Итак, с одной стороны – И-15, И-153, И-16, МиГ-1, Як-1, ЛаГГ-3 (всего **8.480** самолетов без учета И-15), с другой – **450** Bf-109E и **440** Bf-109F. Чтобы сказать, какие из этих машин можно считать устаревшими, достаточно посмотреть их ТТХ, которые приведены в ряде источников (например, Ю. Гугля, ***«Одномоторные истребители 1930–1945 гг.»,*** М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»*** (характеристики вооружения). Ниже мы остановимся на сопоставлении некоторых боевых качеств упомянутых самолетов.

НАШИ ПРОТИВ «МЕССЕРОВ»: КТО ЗУБАСТЕЙ И ЛОВЧЕЕ...

Бипланная схема И-15 и И-153 обеспечивала рекордно малую величину удельной нагрузки на крыло, из-за чего данные самолеты обладали выдающейся горизонтальной маневренностью, но создавала высокое лобовое сопротивление. Поэтому, несмотря на высокую удельную мощность (у немецких истребителей преимущество в этой характеристике имели только Bf-109E и F), максимальная скорость И-15 и И-153 была явно мала для конца 1930-х – начала 1940-х годов. Кроме того, И-15 был вооружен пулеметами винтовочного калибра, что также позволяет отнести его к разряду устаревших.

С другой стороны, И-153 по маневренным качествам был способен составить достойную конкуренцию самолету Bf-109E, который к тому же уступал «чайке» по массе секундного залпа. Уместно привести цитату из **«Наставления по ведению воздушного боя»** 1943 года (М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»***): *«И-153 всегда может вывернуться из-под атаки и встретить противника огнем в лоб. При этом часто получается так, что И-153 может вести огонь по «мессершмитту», а тот довернуться на «чайку» не успевает... В заключение еще раз следует напомнить, что недостаток скороподъемности и скорости какого-либо типа самолета с лихвой окупается превышением над противником в начале боя и умением сохранить превышение в бою»*.

Истребитель И-16 по таким характеристикам, как удельная нагрузка на крыло, которая определяет горизонтальную маневренность, и удельная мощность, определяющая динамику самолета, вполне сопоставим с Bf-109F, превосходя его по времени виража и по величине секундного залпа, но заметно уступая по максимальной скорости (сказывается повышенное аэродинамическое сопротивление, обусловленное использованием двигателя воздушного охлаждения). Вот что говорил об И-16 бывший летчик 2-го гвардейского истребительного авиаполка (гиап) ВВС Северного флота Н. Голодников: *«И-16 28-го и 29-го типов Bf-109E превосходил. Скорость у них с «мессером» была почти одинаковая, зато по маневренности, в том числе вертикальной, «мессер-Е» «ишаку» уступал... И-16 в принципе легко и быстро делал до 500 км/час, «Е» летал быстрее, но ненамного, в бою разницы в их скорости практически не ощущалось...»* ***(там же)***.

МиГ-1 и МиГ-3 создавались как высотные истребители, но, поскольку основные воздушные бои происходили на высотах не более 5.000 метров, они оказались невостребованными. К тому же на эти самолеты устанавливался двигатель АМ-35, который требовался для штурмовиков Ил-2 (позднее он был заменен более мощным двигателем АМ-38Ф).

Самолеты Як-1 и ЛаГГ-3 превосходили Bf-109E по скорости и горизонтальной маневренности во всем диапазоне высот, но уступали Bf-109F.

Что касается английских и французских истребителей, они уступали советским и немецким самолетам, еще раз подчеркнем, почти по всем показателям. Тем не менее, как уже упоминалось в начале этого материала, фашисты понесли от них потери, вполне сопоставимые с потерями от советских ВВС. Это еще раз говорит о том, что не все зависит от ТТХ самолетов и оружия.

Теперь коснемся вооружения. Лучшим среди пулеметов считался ШКАС, хотя в 1941 году винтовочный калибр был явно недостаточен. Как отмечает в своем вышеупомянутом труде А. Смир-

нов, иногда «мессеры» продолжали вести бой даже после попадания очереди из ШКАСа в мотор, за что этот пулемет стали называть «гуманным оружием».

Среди пушек вне конкуренции была немецкая MG-151, но она появилась позднее советской ШВАК, которой вооружались еще И-16, воевавшие в Испании (М. Солонин, ***«22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?»***). Пушка MG-FF, которой был вооружен Bf-109E, уступала ШВАК по всем характеристикам, в том числе по начальной скорости снаряда, что не позволяло открывать огонь с больших дистанций (М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах… 22 июня 1941 года»***).

ЗА КЕМ БЫЛО ПОДАВЛЯЮЩЕЕ ПРЕВОСХОДСТВО?

Итак, вполне закономерен вывод: на 22 июня 1941 года достойными противниками советских И-153, И-16, Як-1 и ЛаГГ-3 можно назвать только Bf-109F, которых имелось, как упоминалось выше, всего 440 единиц.

Представление о соотношении сил позволяют получить следующие примеры. Истребительная авиация ВВС РККА на Юго-Западном фронте насчитывала **1.166** самолетов, включая **253** МиГ-1 и Як-1. Им противостоял 5-й авиационный корпус Luftwaffe, в состав которого входили 7 бомбардировочных и 5 истребительных групп – всего **174** Bf-109, в том числе неисправных самолетов (М. Солонин, ***«22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?»***). В составе ВВС Южного фронта на 1 июля 1941 года насчитывалось **625** исправных истребителей, в том числе 189 МиГ-3. Сюда же следует отнести ВВС Черноморского флота, где количество одних только И-16 составляло **148** единиц. Их противником был 4-й авиационный корпус Luftwaffe, где на 22 июня количество исправных Bf-109 составляло **61** единицу, и еще **44** исправных истребителя было в составе III/JG-52 (третьей группы 52-й эскадры), которая прикрывала тыловые объекты Румынии (М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах… 22 июня 1941 года»***).

Если эти цифры не убеждают, возникает вопрос: какое количество самолетов считается достаточным? Приблизительный ответ можно получить из доклада Сталину представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Западном, Брянском и Центральном фронтах маршала артиллерии Н. Воронова от 26 июля 1943 года: *«Мы должны иметь для трех фронтов до 1.000 самолетов-истребителей»*, что вдвое превышает количество

истребителей Luftwaffe на всем советско-германском фронте ***(по А. Смирнову)***.

В июне–июле 1944 года, во время Белорусской стратегической операции, в составе 1-й воздушной армии (ВА) 3-го Белорусского фронта и 16-й ВА 1-го Белорусского фронта насчитывалось до 2.000 истребителей. Но и этого количества, как можно предположить, оказалось недостаточно. Например, бывший пилот III группы 3-й штурмовой эскадры (ее первоочередная задача – борьба с танками) В. Гайль вспоминает: *«С русскими истребителями мы встречались очень редко. Лично я видел их всего два раза...»* ***(по А. Смирнову)***.

В статье Ю. Васильева читаем: *«Превосходства полного – и количественного, и технического – ВВС Красной Армии над люфтваффе удалось достичь только к 1944 году с принятием на вооружение таких самолетов, как Ла-7, Як-3, Як-9У»*. Тем не менее, что касается количественного превосходства, оно сохранялось на протяжении всей войны (причем не только по истребителям).

Например, наступление Красной Армии на Центральном направлении 24 ноября 1942 года поддерживали 1.550–1.600 самолетов из 1-й и 3-й ВА, которым противостояло 450–500 машин всех типов, включая около 30 FW-190A (А. Медведь, Д. Хазанов, ***«Фокке-Вульф» FW-190. Многоцелевой истребитель люфтваффе»***). К середине ноября 1942 года на Сталинградском направлении в составе 2-й, 16-й, 17-й и 8-й ВА имелось 1.916 боевых самолетов (из них 1.360 исправных), которым противостояло 313 самолетов (из них 175 исправных) 8-го немецкого авиакорпуса, а с учетом румынской, итальянской и венгерской авиации – 390 исправных боевых самолетов (А. Панин, ***«Сталинград: цена победы»***).

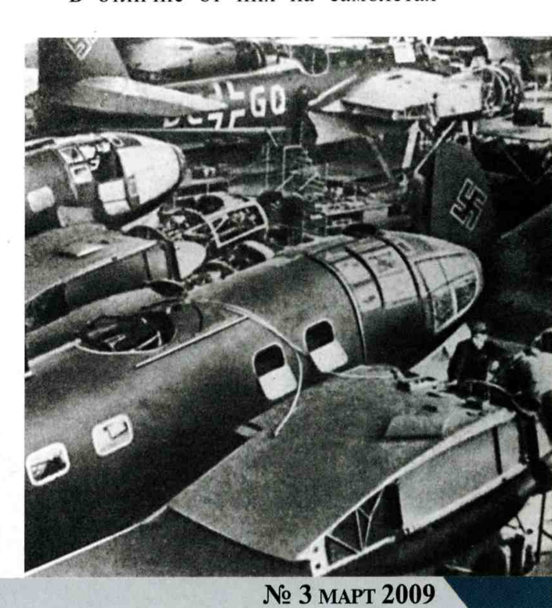
НА ПРЕДЕЛЬНЫХ ВИРАЖАХ

Что касается качественного превосходства над противником, то оно действительно, как упоминает Ю. Васильев, было достигнуто с появлением Ла-7, Як-3 и Як-9У, после чего соотношение потерь несколько улучшилось в нашу пользу. Тем не менее эффект, подобный имевшему место на Тихоокеанском ТВД с появлением американских самолетов F6F3 Hellcat и F4U-4 Corsair, отсутствовал: там на один потерянный Hellcat приходилось 19,2 сбитых японских самолета, а на один потерянный Corsair – 11,3 «японца» (И. Кудишин, ***«Палубные истребители Второй мировой войны»;*** см. также ***«Chance Vought F4U Corsair», аэросерия, выпуск 2***).

Среди причин такого положения дел можно назвать следующие ***(по А. Смирнову)***:

1. На Bf-109, начиная с серии G-6, двигатель был оборудован системой MW-50, которая обеспечивала десятиминутное повышение мощности двигателя за счет впрыскивания водно-метаноловой смеси в цилиндры. Это давало прирост в скорости на 25–30 км/час во всей зоне основных воздушных боев (то есть на средних и малых высотах). Все FW-190 были оборудованы центральным постом управления двигателем, который устанавливал оптимальные параметры (положение створок капота, скорость нагнетателя, шаг винта, высотную и скоростную коррекцию) в зависимости от положения сектора газа.

В отличие от них на самолетах

Лавочкина, например, для резкого увеличения скорости летчик должен был переместить последовательно шесть рычагов (А. Котлобовский, В. Блащук, журнал ***«Аэрохобби»***, № 1 за 1993 г.). Поэтому, чтобы не допускать перегрева двигателя, створки капота приходилось открывать полностью, то есть увеличивать аэродинамическое сопротивление самолета. Управление винтомоторной группой было частично автоматизировано на Як-3 и на Як-9М начиная с мая 1944 г.

2. Цельнометаллическая конструкция Bf-109 и FW-190 обеспечивала возможность маневрирования с большими перегрузками и достижения высоких скоростей пикирования. Например, даже при пологом (30°) пикировании FW-190 достигал скорости 1.045 км/ч без повреждения конструкции.

Для истребителей Лавочкина предельная скорость пикирования составляла чуть более, а для «Яковлевых» менее 700 км/ч (для Як-3 – не выше 650 км/ч). При превышении этой скорости разрушались деревянные крылья. Описывается случай, когда Як-7Б, пытаясь догнать уходящий пикированием FW-190, превысил допустимую скорость пикирования и при выходе оказался настолько деформированным, что не подлежал восстановлению.

О качестве истребителей Яковлева авиаконструктор А. Москалев в своих мемуарах пишет: *«Война кончилась... И вдруг было обнаружено, что убыль истребителей Яковлева почти не уменьшилась, хотя боевые действия уже не велись. В чем дело? Оказалось, что самолеты разрушались в воздухе в процессе маневрирования, так как на них ломались крылья, и, как правило, летчики даже не успевали выброситься на парашютах...»* Причина – конструкторский брак, непрочность крыла, присущая истребителям Яковлева (М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»***).

3. Истребители Ла-7, Як-3, Як-9У по вооружению уступали Bf-109G и K, а также FW-190, начиная с модификации A-3, D-12.

ШТРАФНИКАМИ СТАНОВИЛИСЬ «УКЛОНИСТЫ»

Ю. Васильев упоминает приказ № 0685, но он появился не на пустом месте (сразу предупреждаю о своем однозначно отрицательном отношении к Сталину). Данному приказу предшествовали определенные события, о которых пишет А. Смирнов (см. также М. Солонин, ***«На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года»***). В начале сентября 1942 г., после возвращения со Сталинградского фронта, заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и командующий ВВС РККА генерал-лейтенант А.А. Новиков направили Сталину докладную записку, в которой, в частности, говорилось: *«...Наши истребители, даже в тех случаях, когда их в несколько раз больше, чем истребителей противника, в бой с последними не вступают. В тех случаях, когда наши истребители выполняют задачу прикрытия штурмовиков, они также в бой с истребителями противника не вступают, и последние безнаказанно атакуют штурмовиков, сбивают их, а наши истребители летают в стороне, а часто и просто уходят на свои аэродромы...»*

Авторы докладной записки представили проект того самого приказа № 0685 от 9 сентября 1942 г., где отмечалось, что подобные факты имели место не только на Сталинградском, но и на Калининском, Западном, Юго-Восточном и других фронтах. Наказание в виде перевода в штрафные части, то есть в пехоту, было предусмотрено не за то, что плохо летали и плохо воевали, а за уклонение от боя с воздушным противником.

Правда, имела место и обратная картина. Заместитель командира 7-го гвардейского штурмового авиаполка (гшап) гвардии майор Гудименко в докладе от 27 июня 1945 года о боевой работе части во время войны отмечал следующее: *«Стрелки авиавооружения не подбирались соответствующим образом, в результате в полк прибывали на пополнение люди из штрафных рот, других частей, откуда их отправляли как крайне недисциплинированных...»* Поскольку на Ил-2 стрелок не был прикрыт броней, риск получить ранение (в лучшем случае) и следовательно «смыть свою вину кровью» был достаточно высоким.

И еще один штрих – относительно учета побед в Luftwaffe, о чем также упоминается в статье Ю. Васильева. Можно сказать следующее: соответствие действительности заявленных побед в первую очередь контролировали другие летчики. А. Смирнов описывает эпизод, когда командир III/JG 52 (третьей группы 52-й истребительной эскадры) майор Г. Ралль приказал лейтенанту Ф. Облесеру, усомнившемуся в успехах лейтенанта Э. Хартманна, вылететь в составе звена последнего в качестве наблюдателя. После вылета Облесер признал беспочвенность своих подозрений.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Потери, понесенные Luftwaffe в 1940 году в Европе, вполне сопоставимы с потерями на Восточном фронте в 1941 году.

2. По величине отношения общего количества боевых вылетов к количеству одержанных побед лидируют немецкие летчики.

3. Истребительная авиация ВВС РККА вступила в войну, имея количественное превосходство над противником, которое сохранялось на протяжении всей войны, при сопоставимом качестве.

4. Численное превосходство, так же как и ТТХ техники и вооружения, имеет большое, но не решающее значение.

Юрий Рупинский,
г. Тюмень

«КОЛОС», СБИТЫЙ «СТРЕЛОЙ»

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПЗРК ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Евгений КЛИМОВИЧ

Переносные ЗРК являются эффективным средством ПВО на поле боя и на марше, способны поражать воздушные цели на малых и предельно малых высотах. Небольшие размеры и малая масса таких комплексов, обеспечивающие их транспортировку и боевое применение одним человеком, позволяют использовать ПЗРК в таких условиях, в которых применение других зенитных средств затруднено или вообще невозможно (лес, горы, болото, город и т.д.). Одним из первых широко распространившихся в мире переносных зенитных ракетных комплексов стал советский ПЗРК «Стрела».

ПЗРК «Стрела-2» (9К32) разработали в Конструкторском бюро машиностроения Госкомитета оборонной техники СССР (главный конструктор комплекса в целом – В. Шавырин, с 1965 года – С. Непобедимый) и приняли на вооружение Советской Армии в 1968 г. Он состоит из зенитной управляемой ракеты 9М32, размещенной в пусковой трубе (транспортно-пусковом контейнере 9П54) с пристыкованным к ней источником питания и пусковым механизмом (9П53).

ПЗРК предназначен для обеспечения противовоздушной обороны мотострелковых и танковых батальонов, прикрытия их командно-наблюдательных пунктов и опорных пунктов рот от низколетящих воздушных целей (самолетов, вертолетов, крылатых ракет). ПЗРК «Стрела-2» обеспечивает поражение воздушной цели при стрельбе вдогон в условиях визуального обнаружения цели. Пуск ракеты осуществляется стрелком-зенитчиком из положения стоя, с колена, из окопа, из любых объектов бронетехники, движущихся со скоростью до 20 км/час.

Основные технические характеристики отечественных ПЗРК первого поколения («Стрела-2», «Стрела-2М», «Стрела-3») приведены в таблице.

Зенитная управляемая ракета 9М32 состоит из следующих отсеков:

– тепловая головка самонаведения (ТГСН), обеспечивающая работу по источнику тепла, предназначена для захвата воздушной цели до старта ЗУР, слежения за целью и формирования соответствующих команд наведения на цель;

– рулевой отсек с аппаратурой управления полетом;

– боевая часть осколочно-фугасного действия с контактным взрывательным устройством, имеющим две ступени предохранения и механизм самоликвидации;

– двигательная установка, предназначенная для выброса ракеты из пусковой трубы, придания ей вращения, разгона до скорости 430–450 м/с и поддержания этой скорости в полете.

Тепловая головка самонаведения на земле «захватывает» и автоматически сопровождает цель по ее тепловому излучению. Головка самонаведения, основной составной частью которой является охлаждаемый жидким газом фотоприемник, формирует управляющие сигналы, которые через автопилот передаются на рули ракеты. При этом ЗУР направляется на наиболее теплоконтрастные элементы цели, в частности в район среза сопла реактивного двигателя.

Масса ЗУР составляет 9,15 кг, длина – 1.443 мм, диаметр – 72 мм. Для размещения ЗУР в пусковой трубе такого малого диаметра рули ракеты утапливаются в корпусе ракеты, а четыре перьевых стабилизатора укладываются в пространстве за срезом сопла. При старте рули и стабилизаторы раскрываются специальными пру-

жинными устройствами. ЗУР оснащена легкой боевой частью (масса 1,17 кг), способной нанести существенный ущерб цели только при прямом попадании.

Пусковая труба служит укупоркой для ракеты, обеспечивает прицеливание и пуск ЗУР. На ней закреплены блок вращения гироскопа ТГСН, механический прицел с лампочкой светового сигнала, информирующего стрелка-зенитчика о захвате цели головкой самонаведения, плечевой ремень для переноски и источник питания одноразового действия, обеспечивающий подготовку пуска и старт ракеты.

Пусковой механизм многоразового действия содержит электронный блок, механизм пуска, блокировок и стыковки с пусковой трубой, а также зуммер. Для приведения в боевую готовность бортовых средств наведения применяется блок «батарея–охладитель». Этот блок включается непосредственно перед пуском ЗУР и в течение нескольких минут обеспечивает электроэнергией бортовую аппаратуру ЗУР и охлаждение чувствительного элемента головки–фотоприемника. Источник питания является одноразовым, и если пуск ЗУР не произведен, то он заменяется другим.

Для исключения поражения стрелка-зенитчика продуктами сгорания, образующимися при пуске ЗУР, реализована схема запуска маршевого двигателя на безопасном для стрелка расстоянии (после вылета ЗУР из пусковой трубы). Выброс ЗУР из пусковой трубы осуществляется с помощью вышибного заряда, полностью сгорающего в пусковой трубе.

Боевая работа ПЗРК «Стрела-2» осуществляется следующим образом. После визуального обнаружения воздушной цели, определения ее государственной принадлежности и принятия решения на обстрел стрелок-зенитчик приводит комплекс в боевое положение и включает источник питания. При этом тепловая головка самонаведения выходит на рабочий режим, и происходит раскрутка ротора гироскопа. После прицеливания и получения звукового и светового сигналов о захвате цели головкой самонаведения стрелок-зенитчик осуществляет пуск. Срабатывает вышибной заряд, который обеспечивает выталкивание ракеты из пусковой трубы и разгон ее до скорости 30 м/с.

После вылета ЗУР из пусковой трубы на ракете раскрываются рули и стабилизаторы, вырабатывается сигнал для снятия первой ступени предохранения взрывателя. Через 0,3 секунды после вылета ЗУР из трубы запускается маршевый двигатель, после чего снимается вторая ступень предохранения взрывателя, с этого момента он находится в полностью взведенном состоянии. В полете ракета вращается с угловой скоростью 15 оборотов в секунду, что обеспечивается за счет соответствующего угла наклона плоскости установки стабилизаторов.

При встрече с целью взрывательное устройство обеспечивает подрыв боевой части ракеты. В случае промаха по истечении 11–14 секунд срабатывает самоликвидатор ракеты и она подрывается.

Переносные ЗРК состояли на вооружении мотострелковых и танковых батальонов, в каждой роте которых было зенитное отделение из трех стрелков-зенитчиков. Каждый из них был оснащен пусковым устройством и двумя ЗУР в пусковых трубах (возимый боекомплект отделения). Один из стрелков являлся командиром отделения, он осуществлял управление боевой работой зенитчиков. По переносной радиостанции командир отделения получал боевые распоряжения и данные целеуказания от начальника ПВО полка и осуществлял целераспределение между стрелками-зенитчиками отделения. Также командир отделения по рации мог самостоятельно выдавать целеуказание стрелкам, имеющим малогабаритные радиоприемники.

В ПЗРК «Стрела-2» применялась ТГСН с малой чувствительностью, что позволяло успешно осуществлять наведение ЗУР только при стрельбе вдогон, то есть после пролета цели над прикрываемым объектом и нанесения по нему удара. Для предотвращения огневого воздействия средств воздушного нападения по прикрываемым объектам ПЗРК должны были обеспечивать их поражение на встречных курсах, то есть уничтожать их до подлета к объектам, а не после того, как они нанесут им ущерб. Без решения этой задачи ПЗРК оставались в основном оружием возмездия и вспомогательным средством для других типов зенитных комплексов.

Интересно отметить, что в истории создания отечественного зенитного ракетного вооружения была успешная попытка разработки легкого (переносимого одним человеком) ЗРК с неуправляемыми ракетами. Это было в 1966 году, когда Конструкторское бюро точного машиностроения (ныне ЦНИИТочМаш, г. Климовск) приступило к разработке надежного легкого зенитного оружия, обслуживаемого расчетом из одного-двух человек и предназначенного в основном для борьбы с вертолетами. Необходимость создания такого оружия обусловливалась тем, что в то время во Вьетнаме шла война, в ходе которой американские войска широко использовали новую боевую технику, в том числе вертолеты.

Вертолеты и применяемые ими ПТУР оказались весьма эффективным оружием в борьбе с объектами бронетанковой техники. Кроме того, вертолеты активно применялись как средство транспортировки личного состава и различных грузов в труднодоступные районы боевых действий. Имеющаяся в то время на вооружении Вьетнамской народной армии зенитная техника, поставляемая из Советского Союза (ЗРК С-75, зенитная артиллерия, разработанные в первые послевоенные годы), оказалась недостаточно эффективной в борьбе с вертолетами. В этих условиях перед советскими конструкторами зенитного оружия была поставлена задача разработать простое и надежное средство борьбы с вертолетами, которое могло быть доставлено в самые труднодоступные районы боевых действий.

В результате проработок различных вариантов такого оружия конструкторы остановились на переносном безоткатном пусковом устройстве для осуществления залповой стрельбы неуправляемыми ракетами (тогда их

называли реактивными снарядами, сокращенно эрэсами). Устройство обслуживал расчет из одного-двух человек, пуск ракет осуществлялся одним стрелком-зенитчиком. Переносной ЗРК получил условное наименование «Колос».

Главные разработчики «Колоса» – конструкторы А. Новожилов и В. Караков создали опытный образец зенитного комплекса, который состоял из семи НУР в пусковых стволах, размещенных по внутренней окружности пусковой трубы. Для производства стрельбы пусковая труба устанавливалась на плече стрелка-зенитчика и визуально наводилась им на воздушную цель с помощью двух рукояток пистолетного типа. Пусковая труба изготавливалась из легких материалов: пенопласта и стеклоткани. В ее передней части находился боевой блок с НУР, в задней – вышибной заряд и сопло.

При осуществлении пуска ракет происходил подрыв вышибного заряда, в пусковой трубе создавалось повышенное давление пороховых газов (около 120 атмосфер), которое выталкивало все семь НУР из пусковой трубы. Под воздействием вышибного заряда неуправляемые ракеты разгонялись до скорости около 110 м/с и получали вращательное движение около 100 оборотов в секунду (для обеспечения устойчивости в полете). На удалении 17–22 метров от дульного среза пусковой трубы запускались (с использованием пиротехнических замедлителей) двигатели каждой НУР, которые обеспечивали им скорость до 560 м/с. Для увеличения площади поражения в пусковой трубе предусматривалась веерная разводка направляющих с ракетами, поэтому к цели НУР летели по расходящимся траекториям.

Главный недостаток НУР – большое рассеивание – сказался и здесь, так что эффективность такого зенитного ракетного комплекса при стрельбе по малоразмерным воздушным целям была очень низкой. Основные усилия конструкторы этого зенитного комплекса направили именно на решение данной проблемы. Был разработан съемный блок ракет одноразового использования, который должен был комплектоваться в заводских условиях и поступать в войска в полностью снаряженном виде. Учитывая специфику применения этого оружия – необходимость его доставки в труднодоступные районы, где использование другого зенитного оружия затрудненно или вообще исключено, комплекс конструктивно разбирался на две части: пусковое устройство и блок эрэсов. Массогабаритные характеристики этих частей позволяли осуществлять транспортировку каждой из них одним человеком. Для этого были разработаны два типа рюкзаков: в одном размещались пусковое устройство и два блока с ракетами, в другом – четыре блока с ракетами. Масса каждого рюкзака с грузом составляла 23 кг.

К апрелю 1967 года ПЗРК «Колос» был предъявлен на испытания. Масса комплекса в собранном виде составляла 9,2 кг, масса блока ракет – 4,5 кг. Опытные стрельбы показали, что по эффективности на дальности до 500 метров ПЗРК «Колос» не уступает 37-мм автоматической зенитной пушке (боевой расчет этой пушки – 6 человек). На испытаниях были проверены также возможности стрельбы комплексом «Колос» по наземным целям. Экспериментально было установлено, что его можно применять для поражения легкобронированной техники на дальности до 2 км. В материалах по итогам испытаний отмечалось, что «...учитывая конструктивную простоту оружия «Колос», возможность его транспортировки и эксплуатации одним человеком, достаточно высокую вероятность поражения вертолетов на малых высотах, особенно при организации группового огня, оружие «Колос» может быть рекомендовано в качестве дополнительного вооружения пехотных подразделений для борьбы с вертолетной авиацией противника, а также для борьбы с его наземными небронированными и легкобронированными средствами». Наряду с изложенными выше техническими характеристиками ПЗРК «Колос» имел очень хорошие экономические характеристики. Так, по расчетам разработчиков, стоимость одного блока ракет при массовом производстве должна была составлять около 32 рублей (напомним, что в 1967 году 1 кг сахара стоил 1 рубль, 1 литр молока – 0,3 рубля).

Однако, несмотря на положительные результаты испытаний, ПЗРК «Колос» не был принят на вооружение и серийно не производился. Причина этого, очевидно, та же, что вызвала падение интереса военных специалистов к боевым неуправляемым ракетам в 60-е годы XIX века. Тогда оно было вызвано качественным скачком в развитии артиллерии, связанным с массовым применением нарезных орудий и существенным повышением эффективности их стрельбы по сравнению с гладкоствольной артиллерией. Боевые ракеты того времени не могли конкурировать по точности и дальности стрельбы с нарезными орудиями. В 60-е годы, но уже XX века, эти же недостатки (большое рассеивание, малая дальность стрельбы при заданных ограничениях) не позволили принять на вооружение ПЗРК «Колос» с неуправляемыми ракетами, но вскоре соперниками неуправляемых ракет стали ракеты управляемые. В это время уже полным ходом разрабатывались отечественные переносные ЗРК, в которых применялись зенитные управляемые ракеты с инфракрасной головкой самонаведения, «Стрела-2».

Дальнейшее совершенствование зенитных комплексов этого типа осуществлялось в направлении увеличения их боевых возможностей при стрельбе по воздушным целям на встречных курсах. В 1970 году на вооружение Советской Армии был принят модернизированный переносной ЗРК, получивший название «Стрела-2М», в котором практически при тех же массогабаритных характеристиках комплекса были улучшены его боевые и эксплуатационные возможности:

– обеспечена стрельба на встречных курсах по вертолетам и самолетам с поршневыми двигателями, летящими со скоростями до 150 м/с;

– увеличена зона поражения на догонных курсах реактивных самоле-

тов (по высоте и дальности);

– обеспечена возможность поражения целей, летящих со скоростью до 260 м/с на догонных курсах;

– автоматизированы процессы захвата цели тепловой головкой и пуска ЗУР по воздушным целям, что облегчало боевую работу стрелка-зенитчика, особенно при стрельбе с подвижных объектов.

Результатом дальнейшего развития переносных ЗРК стал комплекс «Стрела-3» (9К34), принятый на вооружение в 1974 г. Этот комплекс имел улучшенные характеристики и кроме стрельбы вдогон обеспечивал борьбу с самолетами и вертолетами, летящими на встречных курсах со скоростями до 260 м/с. Происходило это за счет новой тепловой головки самонаведения, обладающей значительно большей чувствительностью (на два порядка), чем ТГСН комплекса «Стрела-2М». Внешним отличием этого комплекса стал шар-баллон у блока питания под пусковой трубой.

Переносные ЗРК широко использовались в качестве средств непосредственного прикрытия командных пунктов и пунктов управления войсками от ударов низколетящих самолетов и вертолетов. Отделения стрелков-зенитчиков, вооруженных переносными ЗРК, являлись подразделениями непосредственного прикрытия в различных родах Сухопутных войск. Переносные ЗРК применяются в ВДВ, на полевых аэродромах ВВС, на надводных кораблях, в морской пехоте, в береговых войсках и на аэродромах ВМФ, в Пограничных войсках, в оперативных формированиях Внутренних войск.

Отечественные переносные ЗРК первого поколения поставлялись в вооруженные силы Афганистана, Алжира, Анголы, Египта, Индии, Ирака, Ирана, Кипра, Кубы, Финляндии, Югославии и других стран.

Боевое применение переносных ЗРК «Стрела-2» в Египте, куда по просьбе правительства этой страны были направлены первые серийные образцы этих комплексов, оказалось весьма эффективным. В августе 1969 года за

один день боевых действий десятью ракетами ПЗРК «Стрела-2» было сбито шесть самолетов Израиля, в то время как всеми другими средствами ПВО Египта за этот же день было уничтожено четыре самолета.

В то же время опыт боевого применения ПЗРК показал, что эффективность комплекса даже при прямом попадании ЗУР в сопло реактивного двигателя является недостаточной. Многие поврежденные этими ЗУР самолеты возвращались на свои аэродромы и после незначительного ремонта (продолжительностью в несколько часов) становились в строй. Дело в том, что ракеты переносных ЗРК попадали в хвостовую часть самолета, где находилось сравнительно мало жизненно важных элементов, узлов и агрегатов. Кроме того, сопла реактивных двигателей самолетов, куда попадали ракеты, изготавливались из особо прочных материалов, и мощности боевой части ЗУР было недостаточно для создания большой зоны разрушений конструкции цели.

В ходе испытаний ПЗРК «Стрела-3» были подготовлены предложения по дальнейшему совершенствованию зенитных средств этого класса второго поколения, основными из которых являлись: повышение эффективности стрельбы; разработка более совершенных средств опознавания воздушных целей, оповещения и управления огнем; увеличение размеров зоны поражения; повышение помехозащищенности от тепловых помех; обеспечение стрельбы в ночных условиях; расширение диапазона условий боевого применения.

Эти предложения в значительной степени были учтены при разработке отечественного ПЗРК второго поколения.

Основные характеристики ПЗРК типа «Стрела-2»

Наименование характеристики	«Стрела-2»	«Стрела-2М»	«Стрела-3»
Масса комплекса, кг			
в боевом положении	14,5	15	17
в походном положении	15,8	16,5	18,3
Зона поражения, км			
по дальности вдогон	3,4	4,2	4,1
по высоте вдогон	0,05–1,5	0,05–2,3	0,05–3
Максимальная скорость поражаемых целей, м/с			
вдогон	220	260	310
навстречу	–	150	260
Средняя скорость ЗУР, м/с	430	430	400
Масса ЗУР, кг	9,15	9,15	10,3
Масса боевой части, кг	1,17	1,17	1,17
Вероятность поражения самолета одной ЗУР (вдогон)	0,19–0,25	0,22–0,25	0,31–0,33
Год принятия на вооружение	1968	1970	1974

Аргентинская Республика занимает юго-восточную часть Южной Америки, восточную часть острова Огненная Земля и близлежащие острова. На западе Аргентина граничит с Чили, на севере и северо-востоке – с Боливией, Парагваем, Бразилией, Уругваем и на востоке омывается Атлантическим океаном. Территория страны составляет 2,8 млн. кв. км. Протяженность сухопутных границ – 7,5 тыс. км, длина береговой линии – 2,5 тыс. км.

Население страны – свыше 40 млн. человек. Аргентинцы в основном потомки выходцев из Испании, Италии и других европейских государств. Государственный язык – испанский, религия – католическая. Столица – Буэнос-Айрес.

Вооруженные силы Аргентины насчитывают 71,655 тыс. человек. Другие вооруженные формирования – 31,24 тыс. человек, в том числе жандармерия – 18 тыс., береговая охрана – 13,24 тыс. Мобилизационный резерв страны составляет 9,9 млн. человек. Главнокомандующим вооруженными силами является президент страны, высший орган военного управления – военный комитет, в состав которого входят президент, министр обороны и три командующих видами вооруженных сил. Срок действительной военной службы – один год (в ВМС – 14 месяцев).

Сухопутные войска включают 3 штаба армейских корпусов, 11 бригад (2 бронетанковые, 4 механизированные, воздушно-десантная, пехотная для действий в джунглях, 2 горнопехотные, учебная), мотокавалерийский полк (эскорт президента), мотопехотный батальон, артиллерийская группа, 2 зенитно-артиллерийские группы, группа армейской авиации, инженерный батальон. Стратегический резерв включает танковую, механизированную и воздушно-десантную бригады, которые в повседневной обстановке подчинены штабам корпусов. На вооружении сухопутных войск находятся 230 основных и 128 легких танков, 123 БМП, 123 БРМ, 518 БТР, 200 буксируемых и 20 самоходных орудий, 6 ракетных установок залпового огня, 1.760 минометов, 600 ПТУР, 80 ПЗРК, 97 зенитных пушек, 44 самолета и 53 вертолета.

ИСПЫТАНЫ ФОЛКЛЕНДАМИ

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ

Аргентинский спецназ: подготовка и применение

ВВС имеют 121 боевой самолет и 40 вертолетов.

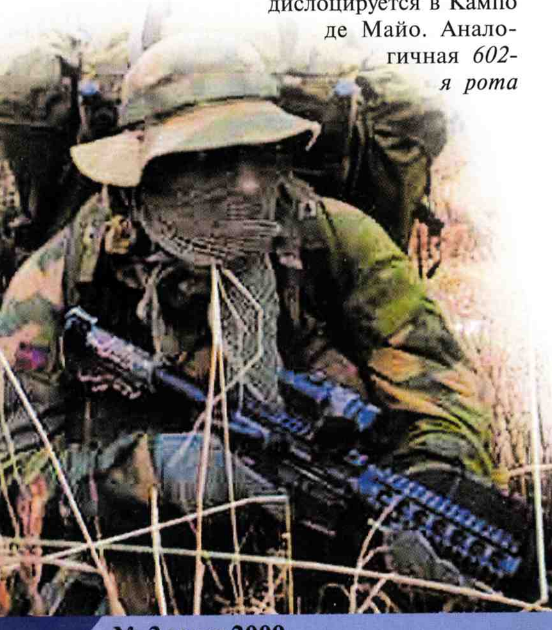
ВМС включают три военно-морских района, флот, морскую пехоту (2,5 тыс. человек), авиацию (2 тыс. человек). Военно-морским силам подчинена также береговая охрана. В составе флота имеются 3 подводные лодки, около 30 крупных надводных кораблей, 20 десантных катеров, до 30 вспомогательных судов. В морской пехоте – 7 батальонов, по одному дивизиону полевой артиллерии и ПВО, группа коммандос, инженерная рота и рота охраны. На вооружении морской пехоты состоят 12 БРДМ, 42 БТР, 25 плавающих БТР, 18 гаубиц, 82 миномета, 30 безоткатных орудий, 50 ПТУР и 6 ПЗРК. В авиации ВМС – три авиакрыла, семь эскадрилий самолетов и три эскадрильи вертолетов, на вооружении которых 45 самолетов и 23 вертолета.

Силы специального назначения Аргентины имеются в составе армии, ВВС, ВМС и национальной полиции.

В армии части спецназа представлены группой специальных операций, которая была сформирована в декабре 2005 года. В ее состав входят 601-й воздушно-штурмовой полк, 601-я и 602-я роты коммандос.

601-й воздушно-штурмовой полк сформирован на базе 601-го вертолетного штурмового батальона, состоявшего из двух штурмовых рот и дислоцировавшегося на авиабазе Кампо де Майо (провинция Буэнос-Айрес). На вооружении полка имеются вертолеты UH-1H и «Пума»

601-я рота коммандос сформирована в январе 1982 года на базе созданного в 1978 году подразделения спецназа «Халкон 8». Рота состоит из трех штурмовых секций и дислоцируется в Кампо де Майо. Аналогичная *602-я рота коммандос* сформирована в мае 1982 года в провинции Кордова. Личный состав этих рот носит зеленые береты с эмблемами своих подразделений.

601-й вертолетный штурмовой батальон, 601-я и 602-я роты коммандос принимали участие в боевых действиях в англо-аргентинском конфликте из-за Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 году, в ходе которого спецназовцы 601-й и 602-й рот при поддержке вертолетного штурмового батальона осуществляли рейды в составе смешанных патрулей.

В ВВС силы спецназа представлены *группой специальных операций GOE (Grupo de Operaciones Especiales),* штаб которой находится на авиабазе Морон (провинция Буэнос-Айрес).

История группы началась в 1947 году, когда в Аргентине была сформирована эскадрилья поддержки коммандос, более известная как 13-й парашютный полк, действовавший под оперативным управлением армии до создания армейского воздушно-десантного отряда. В течение ряда лет воздушно-десантной части ВВС отводилась второстепенная роль. Это продолжалось до тех пор, пока армейские специальные силы не стали основной службой специальных операций страны. 13-й парашютный полк был сокращен в размерах и переименован в группу GOE. В наше время весь личный состав этой группы подготовлен для проведения рейдов, решения задач, возлагаемых на роты глубинной разведки, и имеет квалификацию парашютистов, способных выполнять прыжки с больших высот с немедленным раскрытием парашюта или с задержкой его раскрытия до малых высот.

С самого начала формирования группы шло постоянное совершенствование ее возможностей при поддержке специальных сил армии США, американской армейской школы «Америкас» и в тесном взаимодействии с армейским учебным центром войны в джунглях в Панаме. Некоторая часть личного состава группы также получила подготовку в США в Форт Брэгг.

В составе группы GOE имеется специальный антитеррористический отряд численностью 100 человек, предназначенный для освобождения самолетов, захваченных террористами, личный состав которого набирается в основном из подразделений полиции ВВС.

На вооружении группы спецопераций ВВС Аргентины находятся 5,56-мм

штурмовые винтовки G-41 с подствольным 40-мм гранатометом HK-79 и винтовки G-33, 12-зарядные помповые ружья «Ремингтон-870», пистолеты-пулеметы MP-5SD6, 40-мм гранатометы HK-69, 9-мм пистолеты-пулеметы MP-5A1, MP-5K, FAMAE S.A.F с глушителем и без него, 9-мм пистолеты «Браунинг» HI-POWER, HK P9S, «Вальтер-PPK» с глушителем.

В ВМС силы специального назначения представлены тактической группой боевых пловцов, десантной группой коммандос, группой «Альбатрос» и группой быстрого реагирования береговой охраны.

Тактическая группа боевых пловцов APBT (Agrupacion de Buzos Tacticos) является ведущим подразделением сил специальных операций ВМС Аргентины и базируется в военно-морской базе Мар дел Плата. Группа делится на шесть взводов, и все 100 человек ее личного состава являются высококвалифицированными боевыми пловцами, специалистами подводного минирования и разминирования, парашютистами. Группа боевых пловцов Аргентины была первым подразделением спецопераций в Южной Америке. Она была развернута в 1952 году на борту тактико-десантного корабля «Кабо Сан Бартоломе» с помощью инструкторов – бывших боевых пловцов 10-й флотилии ВМС Италии. В то время сокращенная тактическая группа боевых пловцов действовала с этого корабля. С годами ВМС создали вторую группу в Эскуарде Навал де

Плата, а в 1966 году обе группы слились в единую тактическую группу боевых пловцов.

Личный состав группы АРВТ подготовлен к диверсионным действиям в различных условиях окружающей среды: в море, на реках, в джунглях, в жару и экстремальный холод. Боевая учеба проводится в основном в районе Мар дел Плата и включает десантирование с парашютами с больших высот, проведение подводных взрывов и антитеррористических операций. Курсы доступны для офицеров и сержантов действительной службы при очень строгом отборе кандидатов. Группа находится в составе командования подводных сил и подчинена непосредственно начальнику морских операций. Она принимала участие в англо-аргентинской войне. Так, в 4.30 2 апреля 1982 года небольшая передовая разведывательно-диверсионная группа, состоящая из восьми боевых пловцов, скрытно высадилась с подводной лодки «Санта Фе» на берег в Йорк Бей, где провела расчистку рулежной дорожки и захватила световой маяк.

Особо следует остановиться на неудачной попытке аргентинских боевых пловцов провести диверсии на английской военно-морской базе в Гибралтаре, в которой пополняли запасы военные суда и корабли, следовавшие в район Фолклендских островов. Первую диверсию планировалось провести в 20.00 31 мая 1982 года против фрегата «Ариадна», двух эсминцев и буксирного судна, которые должны были прибыть к этой дате в Гибралтар. Для проведения операции из Буэнос-Айреса в Испанию обычным рейсовым самолетом в начале мая прибыла разведывательно-диверсионная группа боевых пловцов из четырех человек во главе с лейтенантом Луисом Альберто Фернандесом, которой была поставлена задача во что бы то ни стало, даже ценой собственной жизни, взорвать несколько английских военных кораблей и судов в районе Гибралтара в отместку за потопленный англичанами крейсер «Адмирал Бельграно».

К операции были подключены военный и военно-морской атташе аргентинского посольства в Испании, которые снабдили группу четырьмя мощными магнитными диверсионными минами весом по 20 кг каждая, надувной лодкой «Зодиак» с мощным навесным мотором и полным комплектом подводного снаряжения боевых пловцов. После прибытия в испанскую провинцию Кадис рядом с Гибралтаром группа разделилась на пары. Были сняты номера в фешенебельном отеле «Рио-Гранде» и несколько квартир в Малаге, взяты в аренду автомобили. В течение двух недель по ночам все четверо совершили несколько скрытных проникновений в Гибралтар с использованием надувной лодки «Зодиак», причем эти вторжения ни разу не были обнаружены береговой охраной. Эти вылазки позволили группе получить всю необходимую информацию для успешного проведения диверсий в Гибралтаре. Объем собранной группой информации и аренда квартир в районе, прилегающем к базе, указывают на то, что предполагалось проведение не одной, а нескольких операций с использованием других диверсионных групп, и не только на рейде и в порту, но и на складах боеприпасов в самой базе.

Однако проведение операции 31 мая было совершенно случайно сорвано испанской полицией, которая за восемь часов до ее начала задержала командира, а затем и остальных членов группы, приняв их за обычных уголовников, торговцев наркотиками или террористов, соривших деньгами налево и направо. Когда задержали Фернандеса (не оказавшего никакого сопротивления), он спокойно и вежливо заявил полицейским, что является лейтенантом аргентинских ВМС, прибывшим в Испанию с секретной миссией по заданию специальной службы Аргентины. Несмотря на протесты аргентинца, испанская полиция, приняв его заявление за розыгрыш, провела обыск в его номере в гостинице, где обнаружила в чемоданах четыре магнитные мины и легководолазные костюмы, а в стоявшей у отеля автомашине – надувную лодку с мотором, приборы ночного видения, баллоны с кислородом, подводные часы и компасы. В ходе допроса лейтенанта полицейские узнали адрес квартиры в Малаге, где находились еще два боевых пловца. В квартире были обнаружены четыре детонатора, которые хранились отдельно от мин, несколько карт акватории Гибралтара, глубинных течений района, записи наблюдений за движением судов в порту, вырезки из газет и прогноз погоды на 31 мая.

Как раз 31 мая 1982 года Испания официально вступила в НАТО, и инцидент был строго засекречен, а все материалы по делу уничтожены. Аргентина заявила о непричастности к этому инциденту, а члены диверсионной группы были депортированы из Испании.

Десантная группа коммандос АРСА (Agrupacion de Comandos Anfibios) входит в состав командования морской пехоты. Она была сформирована в 1952 году на базе роты охраны базы подводных лодок Мар дел Плата и в конце 1980-х годов передислоцирована в базу Пуэрто Бельграно. В 1960 году группа прошла свой первый продвинутый тренировочный курс (разведка в десантных, морских и воздушных операциях, высотное парашютирование) в военной школе подводных погружений и в аргентинской армии.

Учебный курс коммандос был проведен в 1973 году, и на следующий год группа была названа амфи-

бийной группой коммандос. В 1978 и 1979 годах группа использовалась в мероприятиях морской пехоты в Тиерра дел Фуего, выполняя многие задачи специальных операций. Личный состав группы подготовлен к ведению десантной разведки, штурмовых рейдов и других видов боевых действий. В ходе фолклендской войны 2 апреля 1982 года группа была интегрирована в силы морского десанта для высадки на Фолклендские острова (операция «Росарио»). Десантная операция началась рано утром 1 апреля, когда передовая группа на 21 штурмовом катере «Джемини» в составе 84 коммандос и небольшого подразделения 1-го отряда морской пехоты высадилась на остров. Затем танкодесантный корабль доставил на остров 20 гусеничных плавающих бронетранспортеров LVTP-7A1 из 1-го батальона десантных машин, на борту которых находились роты D и E 2-го батальона морской пехоты. Каких-либо значительных успехов, повлиявших на исход войны, как известно, спецназовцами достигнуто не было.

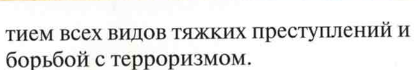
Группа «Альбатрос» является элитным военно-морским отрядом. Ее назначение и состав засекречены.

Группа быстрого реагирования береговой охраны базируется в Буэнос-Айресе и предназначена для проведения специальных операций на реках, озерах, в прибрежных морских районах. В дополнение к антитеррористическим действиям группа в этих районах осуществляет руководство операциями поиска и спасения, а также криминальными расследованиями.

В национальной полиции силы специального назначения представлены спецгруппой «Алакран», бригадой «Халкон» и группой специальных операций федеральной полиции GEOF.

Специальная группа «Алакран» является группой спецназа жандармерии.

Бригада спецопераций «Халкон» («Сокол») была создана в 1978 году для обеспечения безопасности во время проведения чемпионата мира по футболу в Аргентине и является антитеррористической группой. В настоящее время бригада насчитывает 75 коммандос и делится на пять тактических команд по 15 человек в каждой. В составе команды – командир (переговорщик), разведчик, 8 бойцов, 2 снайпера, специалист по обезвреживанию взрывных устройств, связист и медик.

Подготовка личного состава бригады осуществляется на шестимесячных курсах (три этапа по два месяца). На курсах проводятся тренировки в боевых стрельбах, высадке с вертолетов, парашютировании, обращении со взрывчатыми веществами, вождении транспортных средств, изучаются снайперское дело, методы сбора разведывательной информации. Личный состав используется в качестве телохранителей важных должностных лиц, а также для освобождения заложников, захваченных самолетов на всей территории страны. Хотя многие из теперешних членов бригады являются ветеранами аргентинской армии, бригада находится под оперативным управлением национальной полиции и подчиняется непосредственно департаменту полиции Буэнос-Айреса.

Группа специальных операций федеральной полиции GEOF (Grupo Especial de Operaciones Federales) – элитный отряд федеральной полиции, в котором собраны высококвалифицированные специалисты, занимающиеся раскрытием всех видов тяжких преступлений и борьбой с терроризмом.

В вооруженных силах Аргентины созданы **силы быстрого реагирования FDR (Fuezza de Despliegue Rapida)**, представляющие собой объединенную дивизию специальных операций армии и жандармерии, предназначенную для быстрого и эффективного военного реагирования на все атаки против страны. В состав сил выделены воздушные ударные, воздушно-десантные, легкие пехотные, разведывательные подразделения, подразделения коммандос, подразделения легких вертолетов, а также артиллерийские, воздушно-транспортные и связные роты. Эти силы также поддерживают 601-й ударный вертолетный батальон и 1-я воздушная бригада ВВС. В состав сил из армии выделены 4-я воздушнодесантная бригада, группа сил специальных операций из состава 601-го воздушноштурмового полка, 601-й и 602-й рот коммандос, от жандармерии – группа «Скорпион».

В настоящее время все силы специального назначения Аргентины постоянно совершенствуются, у них на вооружении самые современные образцы оружия и боевой техники.

Фото Виталия Анькова

СОЛДАТ УДАЧИ